

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023, №4

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации сетевого издания «Японские исследования» ЭЛ № ФС 77 - 86073
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 13 октября 2023 г.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе
Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Председатель Редакционного совета: Бабаев К.В., д.филол.н.

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Нелидов В.В., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н.,
д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.; Трубникова Н.Н., д.филол.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.;
Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л.,
д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И.,
д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.;
Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.;
Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.

Специальности ВАК:

5.2.3 Региональная и отраслевая экономика

5.2.5 Мировая экономика

5.5.2 Политические институты, процессы, технологии

5.5.4 Международные отношения

5.6.2 Всеобщая история

5.6.4 Этнология, антропология и этнография

5.6.7 История международных отношений и внешней политики

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

ISSN 2500-2872

© ИККА РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Head of Editorial Council: Babaev K.V., DSc (Philology)

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History), Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History)

OECD Fields of Science:

5. Social sciences

6. Humanities

ISSN 2500-2872

© ICCA RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2023, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Паксютов Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая?	6
Сахарова Е.Б. Внешние связи Японии с Китаем и Кореей в эпоху Муромати	18
Мозебах В.А. Особенности японской дипломатической службы на современном этапе	33
Климова О.В. Переводчики с айнского языка на землях Эдзо в XVII–XVIII вв. (по японским источникам)	53
Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Роль Японии на формирующемся глобальном рынке водорода	65
Морозова В.С., Реунова В.А. Социокультурные особенности потребительского поведения японской молодежи: от традиционной парадигмы к современным трендам	81
Лебедева И.П. Социально-экономическое измерение старения населения Японии	94
Кистанов В.О. Отношения Японии с Мьянмой: тонкая политика или просто бизнес?	117

Книжная полка

Османов Е.М. Феномен природной среды обитания человека сквозь призму истории и культуры: монография А.Н. Мещерякова «Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения»	133
Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2023 год	140

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2023, № 4

CONTENTS

Paksiutov G.D. Japan's economic security strategy: Securitization of China's rising economic power?	6
Sakharova E.B. Japan's relations with China and Korea in the Muromachi era	18
Mozebach V.A. Distinctive features of modern Japanese diplomatic service	33
Klimova O.V. The interpreters of Ainu language in the lands of Ezo in the 17 th – 18 th centuries (based on Japanese archive materials)	53
Dyomina O.V., Mazitova M.G. Japan's role in the emerging global hydrogen market	65
Morozova V.S., Reunova V.A. Sociocultural characteristics of consumer behavior among Japanese youth: From traditional paradigm to modern trends	81
Lebedeva I.P. Socio-economic dimension of Japan's population ageing.....	94
Kistanov V.O. Japan's relations with Myanmar: Subtle politics or just business?	117

Book Review

Osmanov E.M. The phenomenon of the human natural habitat through the prism of history and culture: Monograph "Terra Nipponica: Habitat and Imagination Environment" by Alexander Meshcheryakov	133
The Bibliographic List of Publications in "Japanese Studies in Russia" for 2023	140

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17

Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая?

Г.Д. Паксютов

Аннотация. Начиная с 2019 г. экономическая безопасность приобрела особое значение для японского правительства. Был создан ряд специализированных ведомств, а в мае 2022 г. парламент принял Акт об обеспечении экономической безопасности. Идеи об экономической безопасности также нашли отражение в новой Национальной стратегии безопасности, принятой в декабре 2022 г. В тексте данного документа экономическая безопасность определяется как «обеспечение национальных интересов Японии, таких как мир, безопасность и экономическое процветание, посредством экономических мер». Можно констатировать, что понимание экономической безопасности изменилось по сравнению с прежним, более узким, в котором эта концепция в первую очередь связывалась с обеспечением поставок в Японию ресурсов и продовольствия. Рассмотрев предложенные меры по обеспечению экономической безопасности в Японии, мы демонстрируем, что новое понимание данной концепции формируется параллельно с нарастающим экономическим соревнованием между Китаем и США, «торговой войной», в которой Япония участвует, активно поддерживая меры против китайских высокотехнологичных компаний. Для осмысления текущего процесса мы прибегаем к теории секьюритизации. С точки зрения теории, утверждения, которые представляют отрасли экономики КНР как угрозу безопасности, являются «речевыми актами», цель которых – добиться возможности использовать экстраординарные политические меры. Мы приходим к выводу, что главный фактор, сделавший секьюритизацию возможной – появление новых технологий, в которых (по аргументации экспертов) трудно разграничить военное и гражданское применение, а также технологий (напр., искусственного интеллекта), коммерческое использование которых повышает потенциальную эффективность их военного применения. В завершение мы рассматриваем секьюритизацию китайской экономики со стороны Японии в глобальном и региональном контексте, приходя к выводу, что она является попыткой получить преимущество в конкуренции между японскими и китайскими инфраструктурными проектами в АТР и сигналом США о высоком значении японо-американского альянса.

Ключевые слова: экономическая безопасность, японская стратегия безопасности, секьюритизация, высокотехнологичные отрасли, отношения Японии и Китая, отношения Японии и США.

Автор: Паксютов Георгий Давидович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Паксютов Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 6–17. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17

Japan's economic security strategy: Securitization of China's rising economic power?

G.D. Paksiutov

Abstract. The concept of economic security has received special attention from the Japanese government since 2019: several specialized state agencies have been created, and in May 2022 the Diet approved the Act on Provision of Economic Security. Economic security-related notions have also been included in the new National Security Strategy, published in December 2022. In this document, economic security is defined as protection of 'Japan's national interests, such as peace, security, and economic prosperity, by carrying out economic measures.' It shall be noted that the current understanding of economic security is different from the one previously assumed, which was largely concerned with the provision of natural resources and food. We observe the concrete measures proposed in connection with the concept of economic security and highlight that the new understanding of the concept has been introduced in relation to the ongoing trade war between the U.S. and China, in which Japan supports the U.S. in its efforts against the certain advanced-tech companies from China. From the point of view of the securitization theory, claims that certain industries of the PRC's economy present a threat to Japan's security could be seen as 'speech-acts' aiming to legitimize the employment of extraordinary political measures. We emphasize that the apparent success of such speech-acts is grounded in the Japanese experts' assessment that there are emergent technologies with the possibility of dual commercial and military use. In conclusion, we examine the securitization of China's economy by the Japanese government in its current regional and global context and argue that it could be interpreted both as a signal to the U.S. and as an attempt to gain leverage in the competition between the Japanese and the Chinese infrastructural projects in the Asia-Pacific.

Keywords: economic security, Japan's security strategy, securitization, advanced technology industries, Japan-China relations, Japan-U.S. relations.

Author: *Paksiutov Georgii D.*, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow, Center for Japanese studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy prospect, Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksiutov@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

For citation: Paksiutov, G.D. (2023). Yaponskaya strategiya ekonomicheskoi bezopasnosti: sek'yuritizatsiya ekonomicheskogo vozvysheniya Kitaya? [Japan's economic security strategy: Securitization of China's rising economic power?]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 6–17. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17

Введение

Концепция «экономической безопасности» в последнее время все больше привлекает внимание и политиков, и исследователей (толчком к этому стал курс Д. Трампа, который емко характеризует лозунг «Экономическая безопасность – это национальная безопасность») несмотря на то, что до сих пор не существует четкого теоретического консенсуса о ее содержании [Афонцев 2020, с. 28–29]. Применительно к Японии проблемы экономической безопасности получили достаточно широкое освещение, что естественным образом связано с географическим положением страны, ее потребностью в импорте природных ресурсов и продовольствия [Акао 1983], [Barnhart 2013], [Гордиенко 2015], [Господарик, Пашковская 2021]. Однако на современном этапе экономическая безопасность приобретает в Японии принципиально новый уровень политического значения и институционального оформления (что отражается, в том числе, в принятии стратегических документов и создании соответствующих правительственных организаций). В статье мы намерены рассмотреть данный процесс и его контекст, прибегнув для его осмысления к теории секьюритизации.

Современная японская стратегия экономической безопасности

Как отмечают С. Армстронг и С. Урата [Armstrong, Urata 2021, p. 11–12], с 2019 г. экономическая безопасность приобретает большее значение для японского правительства, и начинается сопряжение концепций экономической безопасности и национальной безопасности как таковой, в то время как прежде экономическая безопасность понималась в более узком смысле, преимущественно связанном с обеспечением страны энергоресурсами и продовольствием. В июне 2019 г. в составе японского Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТИ) было создано подразделение экономической безопасности. В апреле 2020 г. группа по экономической безопасности была создана в секретариате Национального совета безопасности.

В конце 2020 г. правящая Либерально-демократическая партия опубликовала официальные рекомендации правительству по разработке стратегии экономической безопасности¹.

В октябре 2021 г. (после избрания Ф. Кисида на пост премьера) в правительстве была создана новая должность – министр по экономической безопасности. Примечательно, что разработкой японской концепции экономической безопасности еще в 2019 г., когда премьер-министром был С. Абэ, в составе ЛДП руководили А. Амари и Кисида [Armstrong, Urata 2021, p. 11; Pugliese, Wallace 2021, p. 78]. По всей видимости, придание экономической безопасности Японии нового значения и важности в немалой степени является личным проектом Кисиды.

В мае 2022 г. японским парламентом был принят Закон об обеспечении экономической безопасности – первый правовой документ национального уровня, целиком посвященный данной проблематике². Закон должен вступить в силу в течение двух лет после его публикации и включает в себя директивы по нескольким направлениям деятельности, в том числе:

- обеспечение устойчивости поставок критически важных благ;
- формирование системы обеспечения устойчивости критически важной инфраструктуры;
- предоставление со стороны государства финансовой поддержки для проектов, связанных с критически важными технологиями;
- создание нового исследовательского института для исследований в сфере критически важных технологий;
- обеспечение тайны в отношении некоторых заявок на патенты (для предотвращения возможных хищений технологий).

Кроме того, принятая в декабре 2022 г. Национальная стратегия безопасности Японии содержит значительную составляющую, связанную с экономической безопасностью. В тексте стратегии утверждается, что в текущую эпоху «глобализации и взаимозависимости недостаточно, чтобы гарантировать безопасность и развитие на планете»³, и что в результате появления новых проблем безопасности (уязвимость цепочек поставок, угрозы для критической инфраструктуры, конкуренция в высокотехнологичных отраслях) «сфера безопасности включила в себя экономику... экономические меры стали еще более необходимы для обеспечения безопасности». В числе «приоритетных для Японии стратегических направлений», перечисленных в документе, с экономической проблематикой непосредственно связаны два:

¹ Why 'Economic Security' Became Magic Words in Japan // Foreign Policy. <https://foreignpolicy.com/2023/01/20/japan-china-economic-security-strategic-threat/> (дата обращения: 06.05.2023).

² Резюме акта см.: 経済施策を一体的に講ずることによる安全保障の確保の推進に関する法律案 [Законопроект об обеспечении безопасности посредством комплексных экономических мер] // Cabinet Secretariat. <https://www.cas.go.jp/jp/houan/220225/siryou1.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

³ National Security Strategy of Japan // Cabinet Secretariat. <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).

«Реализация мер экономической безопасности для достижения автономного экономического процветания» и «Поддержание и укрепление международного экономического порядка, основанного на открытых, честных и справедливых правилах».

Экономическая безопасность в тексте стратегии определяется как «обеспечение национальных интересов Японии, таких как мир, безопасность и экономическое процветание посредством экономических мер». Для реализации данной задачи выдвинуты следующие направления деятельности:

1. Выполнение и совершенствование Акта о об обеспечении экономической безопасности.
2. Обеспечение устойчивости цепочек поставок, развитие производства современных полупроводников, обеспечение стабильных поставок критически важных материалов (включая редкоземельные металлы).
3. Более строгий государственный контроль над критически важными инфраструктурными объектами.
4. Совершенствование системы информационной безопасности Японии и менеджмента данных.
5. Поддержка развития современных критически важных технологий, более строгий контроль над их экспортом, предотвращение «утечки мозгов».
6. Реализация мер, противодействующих «экономическому принуждению» со стороны прочих государств.

Для поддержания «международного экономического порядка, основанного на... правилах» Япония, согласно тексту стратегии, намерена противодействовать «невоенному давлению со стороны некоторых государств, направленному на подавление независимого принятия решений в национальной внешней политике и качественного экономического роста». Для этого предлагаются следующие основные меры:

- противодействие «несправедливым» торговым практикам;
- поддержание экономического порядка и достижение устойчивого экономического роста посредством активности в рамках региональных интеграционных проектов: ВПТП, ВРЭП, а также Индо-Тихоокеанской экономической структуры (IPEF);
- предоставление помощи развитию в координации с «союзниками и странами-единомышленниками», совершенствование «транспарентной и справедливой» глобальной системы предоставления помощи развитию.

Возвышение и активность Китая, в том числе в экономическом измерении, прямо озвучивается как одна из главных мотиваций для новой стратегии. Как заявлял влиятельный политик из ЛДП А. Амари (как уже отмечалось ранее, один из главных авторов современной японской стратегии экономической безопасности), новое видение безопасности, комплексно включающее экономическую составляющую, является ответом на использование Китаем экономических ресурсов для изменения политического курса других стран [Armstrong, Urata 2021, p. 13]. В тексте Национальной стратегии безопасности есть упоминание экономической мощи КНР в негативном ключе: утверждается, что Китай не участвует в глобальных инвестиционно-финансовых институтах и в решении глобальных проблем, таких как изменение климата, «в манере, соответствующей его международному влиянию»⁴. Японская стратегия в данном отношении созвучна распространенному среди западных обозревателей мнению, согласно которому за подъемом Китая должна последовать попытка «изменить правила либерального миропорядка» и, соответственно, конфронтация между Пекином и Вашингтоном (и его союзниками) [De Graaf, Van Apeldoorn 2018, p. 113–114].

Отметим, что в тексте Национальной стратегии безопасности также прямо упоминается концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»: документ предполагает,

⁴ National Security Strategy of Japan.

что за счет реализации этой инициативы Япония сможет извлечь из динамичного развития региона экономическую выгоду.

Вообще, одной из задач, постулируемых для японской стратегии экономической безопасности, помимо связанных собственно с безопасностью и предотвращением экзистенциальных угроз аспектов, является ревитализация японской экономики, достижение устойчивого роста. Так, в тексте Национальной стратегии безопасности утверждается, что посредством осуществления данной стратегии Япония «укрепит... международную обстановку, в которой ее экономика может расти» и благодаря этому достигнет «взаимно поддерживающей связи [virtuous circle] безопасности и экономического роста»⁵. По мнению С. Гото, новая концепция экономической безопасности позволяет «взглянуть на собственную экономику более широко»; «это возможность... сделать Японию более экономически конкурентоспособной»⁶. Некоторые обозреватели, впрочем, утверждают обратное – что меры, мотивированные укреплением экономической безопасности, на деле сопряжены с издержками (в частности, с потенциальным сокращением входящих ПИИ из-за ужесточения регулятивных норм) и отрицательно скажутся на динамике японской экономики [Armstrong, Urata 2021, p. 21–22].

Наконец, отметим, что важным аспектом нового видения экономической безопасности является развитие в Японии высокотехнологичных производств. В Национальной стратегии безопасности упомянута задача для Японии «обеспечить превосходство над другими странами и, в конечном итоге, незаменимость своих технологий»⁷. Утвержденный правительством страны перечень включает 20 «критически важных» технологических секторов, таких как биотехнологии, искусственный интеллект, квантовые информационные технологии и др.⁸ В исследовании Oxford Analytica выдвигается предположение, что государство также окажет поддержку японским провайдерам облачных сервисов⁹, чтобы обеспечить их конкурентоспособность в сравнении с иностранными (не только китайскими, но и западными) компаниями.

Участие Японии в санкциях против высокотехнологичных компаний КНР

Экономика приобретает новое место в японской стратегии безопасности на фоне обострения конкуренции, «торговых войн» между США и КНР; ярким примером участия Японии в этом нарастающем противостоянии являются санкции против Huawei (а также ZTE) и китайской индустрии микросхем. Риторика угроз безопасности предоставляет в данном противостоянии дополнительные инструменты.

Научный сотрудник университета Ньюкасла А.С. Кэмпбелл в качестве концептуальной основы для санкций против Huawei и других китайских IT-компаний называет включение

⁵ National Security Strategy of Japan.

⁶ Foreign Policy. Op. cit.

⁷ National Security Strategy of Japan.

⁸ Suzuki K. How Will the Economic Security Law Change Japan's Sci-Tech Policy? // Tokyo Foundation for Policy Research. <https://www.tokyofoundation.org/research/detail.php?id=943> (дата обращения: 24.08.2023).

⁹ Japan's 'economic security' may conceal protectionism // Oxford Analytica. <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/OXAN-DB270481/full/html> (дата обращения: 06.05.2023). Коротко поясним: облачные сервисы предоставляют пользователям удаленный доступ к центрам хранения и обработки информации. Они имеют огромное коммерческое значение для современных бизнес-моделей (напр. электронной коммерции и многих других); облачные технологии могут быть использованы для анализа больших массивов данных и машинного обучения, что, видимо, и обуславливает их значение для дискурса безопасности.

в Национальную стратегию США (опубликованную в 2017 г.) упоминания о том, что «данные, как и энергетика, будут определять экономическое благосостояние и нашу будущую стратегическую позицию в мире» [Campion 2020, p. 3]. В том же 2017 г. президент Трамп наложил вето на приобретение американского производителя микросхем Lattice Semiconductor китайским инвестиционным фондом. В мае 2019 г. Департамент коммерции США внес Huawei в черный список, наложив определенные ограничения на операции компании в стране; в марте 2021 г. американская Федеральная комиссия по связи признала Huawei и ZTE, еще одного крупного китайского производителя смартфонов, агентами, деятельность которых «несет неприемлемый риск национальной безопасности США или их граждан» [Harold, Kamijima-Tsunoda 2021, p. 86]. Япония поддержала своих союзников, наложив на Huawei и ZTE собственные ограничительные меры в декабре 2018 г., мотивированные необходимостью защиты критически важной информационной инфраструктуры от вирусов и похищения данных.

Huawei – ключевой китайский игрок на формирующемся рынке 5G-связи. Текущее поколение (4G) мобильной связи в основном контролируется компаниями (LG, Qualcomm, Motorola, Nokia, Sony Ericsson), которые базируются на Западе и в союзных США странах Восточной Азии; потенциальное влияние КНР на рынок 5G значительно больше, и, таким образом, Запад может утратить лидерство в данном сегменте информационных технологий [Campion 2020, p. 10]. По формулировке представителя американского Совета по национальной безопасности, «установка китайского 5G-оборудования позволит китайским компаниям собирать большие массивы данных... Huawei, ZTE и другие китайские IT-компании... представляют реальную и растущую угрозу для... национальной безопасности» [Harold, Kamijima-Tsunoda 2021, p. 77].

Другим важным направлением, где со стороны США и союзников, включая Японию, оказывается давление на китайский высокотехнологичный сектор, является индустрия микросхем. В декабре 2020 г. США добавили в черный список крупнейшего китайского производителя микросхем SMIC. В октябре 2022 г. были введены ограничения на экспорт полупроводников из США в Китай, в марте 2023 г. аналогичные ограничения ввела Япония¹⁰. В 2020 г. были введены ограничения на экспорт из США оборудования для производства микросхем; по формулировке обозревателя, «полупроводники находятся в центре борьбы США и Китая за технологическое лидерство» [Cho 2023, p. 27], в стороне от которой не остается и Япония.

В экономическом противостоянии Японии и союзных стран с КНР видное место занимает идеологическая составляющая. В 2020 г. группа японских парламентариев предложила использовать для противостояния с Китаем новые инструменты, в частности, принять правовую норму, позволяющую правительству вводить экономические санкции в ответ на нарушения «прав человека» [Igata 2022, p. 4]. В январе 2023 г. возглавляющий МЕТИ Я. Нисимура призвал страны G7 объединить усилия в сфере экономической безопасности и заявил, что «в результате наших иллюзий... система свободной торговли укрепила легитимность авторитарных режимов»¹¹ (вероятно, имелось в виду, что «авторитарные» правительства сумели достичь существенных успехов в экономическом развитии благодаря экспортно-ориентированной хозяйственной модели при мировой торговой системе, сравнительно свободной от протекционистских мер, и таким образом упрочили свои позиции на внутренней арене –

¹⁰ Hyuga T., Furukawa Y. Japan tightens chip gear exports as U.S. seeks to contain China // The Japan Times. 31.03.2023. <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/03/31/business/japan-joins-us-chip-export-control/> (дата обращения: 07.05.2023).

¹¹ Japan wants G7 to team up against economic coercion by China // Bloomberg. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-05/japan-wants-g-7-to-team-up-against-economic-coercion-by-china> (дата обращения: 07.05.2023).

т.е. произошло противоположное ожиданиям западных элит после распада СССР, которые полагали, что глобализация и свободная торговля приведут к распространению на планете демократии западного типа).

Дискурс экономической безопасности как секьюритизация

Полезным теоретическим инструментом, с помощью которого можно осмыслить японскую стратегию экономической безопасности, является концепция секьюритизации, достаточно широко используемая исследователями международной политики. Согласно авторам данной концепции, секьюритизация осуществляется посредством «речевого акта», в результате которого некая «проблема... выносится за пределы установленных [политических] правил»; секьюритизация имеет место, когда субъект «представляет проблему как экзистенциальную угрозу» и посредством этого «присваивает право решать проблему экстраординарными средствами» [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 23, 26].

Примечательно, что книга *Security: A New Framework for Analysis* (первое фундаментальное изложение идеи секьюритизации) содержит обширный раздел, посвященный экономической безопасности. По выражению авторов, «после сокрушительной победы Запада в холодной войне» «дискурс экономической безопасности определяется преимущественно с либеральных позиций», и в этих условиях экономические отношения «не поднимаются выше чистой политики», т.е. их весьма затруднительно представить как проблему безопасности [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 96, 99]. По оценке Б. Бузана и его соавторов, «либералы могут легитимно задействовать экономическую безопасность» только в случае проблемы обеспечения государства необходимыми ресурсами [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 105]. В условиях появления на международной арене нового актора, чьи возможности сопоставимы с США, эти тезисы, по-видимому, нуждаются в переосмыслении, что наглядно демонстрирует активное применение риторики экономической безопасности в самих США и союзных им странах.

В научной литературе успешное использование секьюритизации в Японии для перевода прежде не ассоциировавшейся с безопасностью проблемы в сферу безопасности зафиксировано, скажем, на примере экологии. С 2020 г. правительство страны провозгласило задачу достижения углеродной нейтральности в течение тридцати лет (в предшествовавший период в Стране восходящего солнца, напротив, активно вводились в строй новые угольные электростанции, чтобы компенсировать сокращение производства атомной энергии после фукусимской катастрофы), что обозреватели считают резкой сменой курса, которую удалось осуществить вследствие применения секьюритизации и несмотря на определенную отрицательную реакцию со стороны бизнес-сообщества [Yamada 2021]. Секьюритизация, таким образом, оказывается действенным инструментом, с помощью которого политическое руководство страны может достигать своих целей, в том числе вопреки экономическим интересам некоторых агентов на уровне фирм и граждан.

Концепция секьюритизации в научной литературе применялась, напр., к кейсу санкций против Huawei [Campion 2020], к японскому политическому дискурсу о китайской инициативе «Пояс и путь» [Pardo 2017]. Исследователи отмечают, что одним из первых направлений для секьюритизации китайской экономики в политическом поле как США, так и Японии стала кибербезопасность [Campion 2020, p. 8; Carroll 2021, p. 38].

На наш взгляд, риторику идеологического противостояния с Китаем, примеры которой были приведены выше, полезно рассмотреть как часть секьюритизирующего «речевого акта», посредством которого Пекин представляется угрозой. Какие еще факторы делают возможной секьюритизацию экономического развития Китая и, соответственно, сверхординарные экономические, политические, военные меры? В первую очередь, предпосылка, что

некоторые новые технологии (дроны, квантовые технологии и т.д.) могут использоваться как для гражданских, так и военных целей и, таким образом, высокотехнологичные компании, на первый взгляд не представляющие угрозу безопасности, на деле могут участвовать в военных разработках¹². Профессор Токийского университета К. Судзуки отмечает, что гражданские высокотехнологичные разработки могут использоваться в военных целях, и притом некоторые технологии (включая искусственный интеллект) требуют больших массивов данных, которые проще накопить в ходе коммерческой, гражданской, чем военной деятельности [Suzuki 2021, p. 5].

Многие обозреватели полагают, что фокус стратегии экономической безопасности на высокотехнологичных отраслях, выстраивание в них исключаящих КНР цепочек добавленной стоимости – это способ избежать более масштабного «декаплинга», разрыва экономических связей между Японией и Китаем [Oya 2020], [Armstrong, Urata 2021]; выделив высокотехнологичный сектор в отдельную категорию, критически важную для безопасности, можно сохранить масштабную торговлю в других отраслях и обеспечить таким образом баланс между соображениями безопасности и экономикой. Однако на ситуацию возможен взгляд и с диаметрально противоположной точки зрения. Если бы на повестке дня стоял резкий «декаплинг» во многих отраслях одновременно, он мог бы вызвать негативную реакцию со стороны японского бизнес-сообщества. Секьюритизация китайской экономики через идею «экономической безопасности» удобна для политических элит тем, что позволяет начать процесс декаплинга, санкции и другие экстраординарные меры (включая использование нерыночных инструментов управления собственной экономикой) с кажущихся наиболее важными для безопасности сфер – искусственный интеллект, критически важные коммуникации и т.д. – и дальше включать в дискурс безопасности все новые сферы.

Как формулирует эксперт по экономической безопасности профессор К. Судзуки, «раньше было возможно четко разграничивать военные и гражданские технологии... [теперь] не существует четкого разграничения между такими... технологиями, как оружие массового поражения, и продуктами общего назначения» [Suzuki 2021, p. 5]. Судзуки, как мы уже упоминали выше, подобными формулировками объясняет рассмотрение китайского IT-сектора (важным ресурсом для которого являются данные) как потенциальной угрозы безопасности. На наш взгляд, такое объяснение является эффективным «речевым актом», позволяющим осуществить секьюритизацию, т.к. акцентирует внимание на появлении принципиально нового фактора – данных как ресурса экономической деятельности; благодаря этому принципиально новому фактору возможно «вывести [проблему] из устоявшихся правил игры» [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 23]. Нам представляется важным подчеркнуть, однако, что при осуществлении секьюритизации подобными аргументами внимание участников дискуссии в публичном поле отвлекается от другого фактора. В стране с большой степенью государственного участия в экономике (в определенной степени, и в любой стране вообще) невозможно рассматривать различные отрасли хозяйства, как вполне изолированные друг от друга; экономическая активность в одной отрасли может приводить к переливам благосостояния, трансфертам, способствующим развитию другой¹³. Если удалось эффективно осуществить секьюритизацию в отношении одной отрасли, возникает прецедент для секьюритизации и других отраслей, вплоть до всей экономической системы «недружественной страны» в целом.

¹² Foreign policy. Op. cit.

¹³ Позволим себе проиллюстрировать наше рассуждение одним утрированным, но зато максимально ясным примером. Положим, что страна А представила IT-сектор в стране Б угрозой своей национальной безопасности. Как можно быть уверенным, что, если купить произведенные в стране Б туфли, выплаченные с этой сделки налоги не будут направлены государством в виде трансфертов на развитие IT-отрасли? Что владелец обувной фабрики не инвестирует прибыли в быстрорастущие акции IT-компаний? Естественно, никак, и, следовательно, экономику страны Б можно душить санкциями, пока она вообще не откажется от высокотехнологичных отраслей.

В литературе, посвященной феномену секьюритизации в современной политике, уделяется внимание формированию «коалиции» или консенсуса авторитетных акторов, способствующему успеху «секьюритизирующего» «речевого акта» [Chubb 2023, p. 20, 22–30]. Формирующийся консенсус японского политического истеблишмента и экспертного сообщества можно суммировать так: экстраординарные меры по включению экономики в стратегическое видение национальной безопасности, государственному контролю (регулирование экспорта, раскрытия коммерческой информации и т.п.) над некоторыми отраслями экономики необходимы ввиду экономического возвышения Китая в условиях, когда высокие технологии становятся сферой напряженного международного соревнования. Дополнительно как аргумент привлекается необходимость защищаться от «несправедливых» методов конкуренции, используемых «авторитарными», «нерыночными» странами; как это сформулировано в тексте Национальной стратегии безопасности Японии:

«Некоторые государства, не разделяющие всеобщие ценности, используют уникальные подходы для быстрого развития своей экономики, науки и технологий, и таким образом достигают в некоторых отраслях превосходства над странами, которые защищают... принципы рыночной экономики»¹⁴.

Секьюритизация экономики¹⁵ в Японии: региональный и глобальный контекст

Весьма быстро происходящая секьюритизация экономики в Японии разворачивается на фоне напряженного регионального и глобального международного контекста, включающего такие факторы, как территориальный спор между Японией и КНР, растущие трения между Китаем и США. Имеются также и другие обстоятельства, вероятно, оказывающие влияние на процесс секьюритизации, значение которых необходимо упомянуть.

Во-первых, необходимо отметить, что Восточную и Юго-Восточную Азию отличает весьма высокий уровень экономической интеграции и взаимозависимости между странами, связанный с экспортно-ориентированной моделью экономики стран региона [Pardo 2017, p. 72]. Исторически основой региональной системы экономического взаимодействия являлась т.н. модель летящих гусей, при которой Япония позиционировалась как лидер экономического, технологического, институционального развития, от которого другие страны постепенно должны были перенять экономические и технологические ноу-хау (и накопить необходимый капитал). В результате вступления Китая в ВТО и динамичного роста китайской экономики именно КНР стала центром региональных торгово-экономических связей на новейшем этапе, являясь крупнейшим торговым партнером остальных государств и ключевым узлом межстрановых цепочек добавленной стоимости. Япония, однако, до сих пор стремится позиционировать себя естественным лидером и центром региональных экономических связей, что неизбежно означает конкуренцию с Китаем [Pardo 2017, p. 73]. Секьюритизация экономики – и, в частности, высокотехнологичных производств (напр., полупроводников и микросхем, электро- и вычислительной техники и др.), которые, как правило, осуществляются в сложных международных производственных цепочках – не только позволяет японскому правительству принимать экстраординарные меры внутри страны для обостряющейся конкуренции с КНР, но и выступает политическим инструментом для воздействия на третьи страны, побуждая их ограничить (или, по крайней мере, с большей осторожностью рассматривать) экономическое

¹⁴ National Security Strategy of Japan.

¹⁵ Мы используем выражение «секьюритизация экономики» в значении, аналогичном [Buzan, Waever, de Wilde 1998, p. 209] – привнесение или акцентирование проблематики безопасности в экономической сфере, экономических отношениях.

взаимодействие с Китаем¹⁶. Особенно актуально подобное сигнализирование о рисках сотрудничества с КНР в отношении инфраструктурных проектов – прогнозируемый объем спроса на создание инфраструктуры в АТР в ближайшие декады измеряется в триллионах долларов, и Япония весьма желала бы извлечь из этого экономические выгоды [Pardo 2017, p. 82]. Осуществляя инициативу «Пояс и путь», Китай стал весьма мощным конкурентом для японских инфраструктурных проектов в АТР – например, китайские подрядчики выиграли у японских крупный тендер на строительство железной дороги Джакарта-Бандунг в Индонезии [Koga 2022, p. 12]. Секьюритизация, помимо прочего, является инструментом и в этой конкурентной борьбе.

Еще один релевантный аспект международной ситуации, который отмечают японские обозреватели – необходимость «укреплять альянс между США и Японией» (иными словами, демонстрировать полезность Японии для Соединенных Штатов, целесообразность предоставления ей гарантий безопасности) [Koga 2020, p. 50]. Требования Д. Трампа к участникам НАТО по увеличению расходов на оборону и его заявление, что предоставление защиты со стороны США в случае военного нападения на участника альянса может зависеть от выполнения этим участником финансовых обязательств, вызвали тревогу у союзников Вашингтона [Pothier, Vershbow 2017, p. 1], а вывод войск США из Афганистана подтвердил, что и после смены администрации Белый дом продолжает курс на больший прагматизм в проекции военной мощи за рубежом¹⁷. Секьюритизация экономического возвышения Китая, с одной стороны, позволяет Японии позиционировать себя как ценного союзника для США и других «стран-единомышленников», обладающего стратегически важными экономическими и технологическими ресурсами и связями в АТР, а с другой – подчеркивает принципиальное значение Восточной Азии, АТР для сохранения американоцентричного мироустройства. Отсюда также закономерно вытекает упоминание в стратегических документах и дискуссиях о «миропорядке, основанном на правилах», осуждение «авторитарных» режимов и т.п.

Заключение

Вкратце суммируем основные результаты и выводы проведенного исследования. Показаны растущее место экономики в японской стратегии безопасности, актуализация в японском политическом поле концепта «экономической безопасности», получившего обновленное смысловое наполнение. Практическая реализация нового стратегического видения рассмотрена на примере санкций против высокотехнологичного сектора экономики КНР. Для осмысления текущих трендов полезна теория «секьюритизации», которая позволяет лучше понять механизм переноса логики военно-политического противостояния в сферу экономики, факторы и перспективы данного процесса. В частности, важно отметить: особенности высокотехнологичного сектора (применимость определенных технологий как в гражданской, так и военной сфере, накопление в коммерческой деятельности «больших данных», потенциально имеющих военное применение) предоставляют возможности для «секьюритизирующей» риторики. Обострение противоречий Японии с КНР также рассмотрено

¹⁶ Как отмечается в статье [Insisa, Pugliese 2022], сам термин «качественная инфраструктура» был выбран японским руководством с целью брендинга в качестве предпочтительной альтернативы проекту «Пояс и путь», против которого в публичном поле предъявлялись обвинения в коррупции, вреде экологии и т.п.

¹⁷ Анализ существующих в Японии оценок перспектив японо-американского сотрудничества в сфере безопасности после избрания Дж. Байдена и определяющих их факторов см. в [Стрельцов 2020]. Примечательно, что Д.В. Стрельцов как один из важных факторов выделяет возможное негативное отношение американской Демократической партии к экологическим стандартам в Японии [Стрельцов 2020, с. 44]; возможно, именно здесь обнаруживается причина вышеупомянутой секьюритизации экологии.

в региональном (конкуренция за лидирующее место в экономических связях в АТР и, в частности, между японскими и китайскими инфраструктурными проектами) и глобальном (стремление четко обозначить свою принадлежность к лагерю «либеральных демократий» и упрочить партнерство с США в сфере безопасности) контекстах.

Наконец, можно констатировать, что новое видение экономической безопасности призвано послужить и ревитализации экономики Японии в целом. Высокотехнологичные отрасли, на которых в стратегии делается основной акцент – ИТ, искусственный интеллект, полупроводники и др. – действительно, играют в современной экономике важнейшую роль, так что поиск новых инструментов их поддержки и защиты от иностранных конкурентов вполне объясним.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афонцев С.А. Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности // На страже экономики. 2020. Т. 13. № 2. С. 27–47. DOI: 10.36511/2588-0071-2020-2-27-47.
- Гордиенко Д.В. Глобализация и обеспечение экономической безопасности Японии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 15. С. 32–47.
- Господарик Ю.П., Пашковская М.В. Особенности формирования системы экономической безопасности Японии на современном этапе // Научное обозрение: теория и практика. 2021. Т. 11. № 4. С. 1166–1178. DOI: 10.35679/2226-0226-2021-11-4-1166-1178.
- Стрельцов Д.В. Куда пойдёт политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 34–49. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023.

REFERENCES

- Afontsev, S.A. (2020). Kontseptual'nye osnovy analiza natsional'noi i mezhdunarodnoi ekonomicheskoi bezopasnosti [Conceptual Framework for the Analysis of National and International Economic Security]. *Na strazhe ekonomiki* [The Economy Under Guard], 13(2), 27–47. (In Russian). DOI: 10.36511/2588-0071-2020-2-27-47.
- Gordienko, D.V. (2015). Globalizatsiya i obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti Yaponii [Globalization and the Economic Security of Japan]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 11(15), 32–47. (In Russian).
- Gospodarik, Yu.P., Pashkovskaya M.V. (2021). Osobennosti formirovaniya sistemy ekonomicheskoi bezopasnosti Yaponii na sovremennom etape [Features of the Formation of the Economic Security System of Japan at the Present Stage]. *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika* [Scientific Review: Theory and Practice], 11(4), 1166–1178. (In Russian). DOI: 10.35679/2226-0226-2021-11-4-1166-1178.
- Streltsov, D.V. (2020). Kuda poidet politika Yaponii v sfere bezopasnosti posle smeny administratsii v Tokio i Vashingtone? [Where Will Japan's Security Policy Go After the Change of Administrations in Tokyo and Washington?]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4, 34–49. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023.

* * *

- Akao, N. (1983). *Japanese Economic Security: Resource in Japanese Foreign Policy*. London: Royal Institute of International Affairs.
- Armstrong, S., Urata, S. (2021). *Japan First? Economic Security in a World of Uncertainty*. Canberra: East Asian Bureau of Economic Research.

- Barnhart, M.A. (2013). *Japan Prepares for Total War: The Search for Economic Security, 1919–1941*. Ithaca: Cornell University Press.
- Buzan, B., Wæver, O., De Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder and London: Lynne Rienner Publishers.
- Campion, A.S. (2020). From CNOOC to Huawei: Securitization, the China threat, and critical infrastructure. *Asian Journal of Political Science*, 28(1), 47–66. DOI: 10.1080/02185377.2020.174141.
- Chubb, A. (2023). The Securitization of ‘Chinese Influence’ in Australia. *Journal of Contemporary China*, 32(139), 17–34. DOI: 10.1080/10670564.2022.2052437.
- De Graaff, N., Van Apeldoorn, B. (2018). US–China relations and the liberal world order: contending elites, colliding visions? *International Affairs*, 94(1), 113–131. DOI: 10.1093/ia/iix23.
- Harold, S. W., Kamijima-Tsunoda, R. (2021). Winning the 5G Race with China: a US-Japan Strategy to Trip the Competition, Run Faster, and Put the Fix in. *Asia Policy*, 28(3), 75–103.
- Igata, A. (2022). *Japan’s Burgeoning Economic Security Strategy: Navigating amidst US-China Competition*. Fiesole: European University Institute.
- Insisa, A., Pugliese G. (2022). The Free and Open Indo-Pacific versus the Belt and Road: Spheres of Influence and Sino-Japanese relations. *The Pacific Review*, 35(3), 557–585. DOI: 10.1080/09512748.2020.1862899.
- Koga, K. (2020). Japan’s ‘Indo-Pacific’ Question: Countering China or Shaping a New Regional Order? *International Affairs*, 96(1), 49–73. DOI: 10.1093/ia/iiz241.
- Koga, K. (2022). Alternative Strategic Partner in Southeast Asia? The role of Japan in the US-China Rivalry. In Shigehoi K. (ed.). *Japan’s Role for Southeast Asia Amidst the Great Power Competition* (pp. 7–16). Hanoi: Konrad-Adenauer-Stiftung, Vietnam Office.
- Oya, S. (2020). Improving Economic Security: Proposals from Japan. *Lettre du Centre Asie*, 88, 1–3.
- Pardo, R. P. (2017). China, Japan, and Economic Security Competition (and Cooperation) in the Asia-Pacific. In *Chinese–Japanese Competition and the East Asian Security Complex* (pp. 71–85). Routledge.
- Pothier, F., Vershbow, A. (2017). *NATO and Trump: The Case for a New Transatlantic Bargain*. Washington: The Atlantic Council.
- Pugliese, G., Wallace, C. (2021). Japan 2021: The Liberal Democratic Party Emerges Stronger Despite Domestic Tumult. *Asia Maior*, 32, 63–94.
- Suzuki, K. (2021). *U.S.-China Technological Hegemony and Japan’s Economic Security*. Fiesole: European University Institute. DOI: 10.2870/53704.
- Yamada, T. (2021). Transforming the Dynamics of Climate Politics in Japan: Business’ Response to Securitization. *Politics and Governance*, 9(4), 65. DOI: 10.17645/pag.v9i4.4427.

Поступила в редакцию: 10.05.2023

Received: 10 May 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-18-32

Внешние связи Японии с Китаем и Кореей в эпоху Муромати

Е.Б. Сахарова

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные этапы и особенности японо-корейских и японо-китайских отношений в эпоху Муромати. С точки зрения международных отношений, это чрезвычайно важный период – шесть столетий спустя Япония вновь начинает поддерживать официальные контакты с соседними странами (отношения с корейским государством Силла были прерваны в 779 г., последнее японское посольство в Танский Китай было отправлено в 838 г.), а в Восточной Азии в целом наблюдается взрывной рост международной торговли. На раннем этапе периода Муромати Япония поддерживала контакты лишь с Рюкю. Несмотря на искреннее желание сёгунов Асикага восстановить добрососедские отношения на официальном уровне, официальные связи с Китаем (империя Мин) и Кореей (государство Чосон) были восстановлены лишь в начале XV в. В статье разбираются основные причины того, почему процесс восстановления возобновления дипломатических отношений оказался столь долгим и сложным. При этом следует иметь в виду – система международных отношений на Дальнем Востоке была устроена таким образом, что только после восстановления официальных контактов возможно было восстановление и официально признанной торговли. Японо-китайские и японо-корейские отношения имели как черты сходства, так и свою специфику. Случались и драматичные повороты: разрывы отношений с Китаем при сёгуне Ёсимоти и даже военное вторжение корейского флота на о. Цусима в 1419 г. В отечественной историографии эта тематика почти не разработана, в связи с чем на данном этапе представляется важным охарактеризовать ключевые события и особенности взаимодействия Японии эпохи Муромати с внешним миром на примере ее тогдашних главных партнеров – Китая и Кореи. Ведь целый ряд особенностей взаимодействия Японии с внешним миром в период Токугава уходят корнями в эпоху Муромати и/или наследуют общие для Восточной Азии культурные модели.

Ключевые слова: средневековая Япония, международные отношения, период Муромати, японо-китайские отношения, японо-корейские отношения, международная торговля.

Автор: Сахарова Евгения Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: 106066 г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3, каб. Л-212). E-mail: esakharova@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Сахарова Е.Б. Внешние связи Японии с Китаем и Кореей в эпоху Муромати // Японские исследования. 2023. № 4. С. 18–32. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-18-32

Japan's relations with China and Korea in the Muromachi era

E.B. Sakharova

Abstract. The article describes the main stages and characteristics of Japanese-Korean and Japanese-Chinese relations in the Muromachi era (1333–1573). From an international relations perspective, it is an extremely important period – after six centuries, formal relations with China (Ming) and Korea (Choson) were reestablished (relations with the Korean state of Silla were interrupted in 779; the last Japanese embassy to Tang China was sent in 838), and East Asia in general experienced an explosive growth of international trade. In the early Muromachi period, Japan maintained overseas relations only with Ryukyu. Despite the sincere desire of the Ashikaga shoguns to reestablish formal relations with China (Ming) and Korea (Choson), it happened only at the beginning of the 15th century. The article deals with the main reasons why the restoration process turned out to be so long and complicated. Japan-Ming and Japan-Choson relations had both similarities and their own characteristics. There were also dramatic turns in both Japanese-Chinese and Japanese-Korean relations: breaking of diplomatic relations with Ming China under Shogun Ashikaga Yoshimochi, and even a military invasion of the Tsushima Island by Korean fleet in 1419. In Russian historiography, this topic is almost not developed, and therefore, at this stage, it seems important to characterize the key events and features of the Japanese interaction with the outside world using the example of its main partners, China and Korea. Meanwhile, a number of features of Japan's interaction with the outside world during the Tokugawa period are rooted in the Muromachi period or inherit common East Asian cultural patterns.

Keywords: medieval Japan, Muromachi period, Japanese-Korean relations, Japanese-Chinese relations, international relations, foreign trade.

Author: *Sakharova Evgeniya B.*, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics (address: Russia, 106066 Moscow, Staraya Basmannaya St., 21/4, Str. 3, L-212). E-mail: esakharova@hse.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Acknowledgements. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Sakharova, E.B. (2023). Vneshnie svyazi Yaponii s Kitaem i Koreei v epokhu Muromati [Japan's relations with China and Korea in the Muromachi era]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 18–32. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-18-32

Введение

Во второй половине XIV в. в Восточной Азии происходят важные политические перемены – восстановление китайской династии (Мин), свергнувшей династию монголов, династийная смена в Корее (на смену государству Корё приходит государство Чосон), в Японии сёгунат Асикага сменил Камакурский сёгунат. В это же время фиксируется прибытие в Японию кораблей из Рюкю, контакты с которым – и официальные, и торговые – становятся еще интенсивнее после объединения трех рюкюских княжеств в единое государство в 1423 г. Начинается расцвет морской торговли в Восточной Азии. С XV в. международные контакты становятся еще более интенсивными, при этом важной особенностью была встроенность торговли в систему официальных дипломатических связей – государства этого региона с большим или меньшим успехом стремились монополизировать международную торговлю. В начале XV в. Япония длительного перерыва (в случае с Китаем почти 600 лет спустя,

с Кореей – более 600 лет спустя) восстанавливает официальные связи с Китаем и Кореей.

Ниже предпринята попытка рассмотреть основные этапы и особенности внешних связей Японии с Китаем (Мин) и Кореей (государства Корё и Чосон).

Японо-китайские официальные отношения

Прерванные в 838 г. официальные японо-китайские контакты были восстановлены лишь в начале XV в. Однако этому восстановлению предшествовала долгая история безуспешных попыток установления официальных связей.

Американский исследователь Ван Итун в своей и по сей день не устаревшей работе выделяет три этапа в японо-китайских отношениях эпохи Муромати. Первый (1369–1403 гг.) включает время от многочисленных, но безуспешных попыток сторон восстановить официальные контакты до установления таковых при сёгуне Асикага Ёсимицу (сёгун в 1368–1394 гг., фактически у власти до 1408 г.). Второй период (1404–1419 гг.): интенсивные официальные контакты и начало лицензионной торговли с Мин с 1404 по 1411 г. при сёгунах Ёсимицу и Ёсимоти (сёгун в 1394–1423 гг., фактически возглавлял страну с 1425 по 1428 г.), а затем разрыв отношений с Минским Китаем при Ёсимоти в 1411–1419 гг. Третий период (1432–1549 гг.): восстановление японо-китайских официальных отношений, лицензионная торговля [Wang 1953]. Ниже японо-китайские отношения рассматриваются в рамках этой периодизации.

Первый период, 1369–1403¹

Первые попытки восстановления отношений относятся к 1368 г. Инициатива исходила от Минского Китая. В первый же год воцарения династии Мин в 1368 г. Тай-цзу (прав. 1368–1398 гг.) отправил послов в соседние страны – Аннам, Чампу, Корё и Японию. Основатель новой династии стремился к легитимизации и установлению традиционного китаецентричного порядка. Китайский церемониал подразумевал преподнесение дани (т.е. правитель варварской страны должен был признать себя вассалом Китая), наличие официального послания в адрес императора, а также соблюдение подробно разработанного протокола обязательных церемоний: аудиенция у императора, поднесение официального послания и дани, проведение церемонии вручения императорского рескрипта о назначении «ваном» (проводилась в стране, признавшей себя вассалом Китая) и вручения символов признания сюзеренитета Китая (календарь, печать, церемониальные китайские одежды). В случае с Японией была и еще одна важная задача – решение проблемы пиратских набегов (так называемые японские пираты, яп. «вако») на прибрежные провинции южного Китая. До Японии посольство, однако, не добралось и пропало без вести. Поэтому в 1369 г. было отправлено еще одно посольство, благополучно добравшееся до берегов о. Кюсю.

Но политическая ситуация в Японии была нестабильной – на о. Кюсю (как и на всей территории страны) велись военные действия между силами Южного и Северного дворов (период Намбокутё, 1336–1392). На момент прибытия минских послов главной силой на Кюсю был представитель Южного двора принц Канзёси (?–1383, занимал должность «великого главнокомандующего, усмирителя Запада», яп. «сэйсэй тайсёгун»), который принять послов отказался и даже казнил пятерых членов миссии (остальные были отпущены). Но

¹ Период 1369–1419 гг. здесь охарактеризован по возможности кратко. Более подробно см.: [Сахарова 2020].

с прибывшими в 1370 г. минскими послами он был уже гораздо любезнее – видимо потому, что военно-политическая ситуация на Кюсю теперь складывалась не в его пользу. Наконец, в 1371 г. в Мин прибывает первое японское посольство – от принца Канэеси, т.е. от Южного двора; китайские источники также фиксируют прибытие послов от Канэеси в 1376, 1379, 1380, 1381 гг. (последние два не были приняты). Первое посольство от Муромати-бакуфу – от сёгуна Ёсимицу – прибыло в Мин в 1374 г., следующее – в 1380, однако оба посольства не были приняты. Еще для одного японского посольства – 1386 г. – отправитель не установлен, т.е. неизвестно, было ли оно от Южного двора или от Муромати-бакуфу.

Известно, что прибывшие в 1372 г. с возвращавшимися на родину послами Канэеси двое китайских послов-монахов (они везли императорский эдикт о назначении принца ваном) оказались в захваченном силами Северного двора порту Хаката. Так бакуфу столкнулось с неприятным фактом международного признания принца Канэеси. В 1381 г. Тай-цзу распорядился составить уже два послания – в адрес Южного и Северного дворов, дабы вручить то или иное послание в зависимости от текущей политической ситуации.

Помимо политической раздробленности, одним из факторов, мешавшим восстановлению отношений, было нежелание и Южного, и Северного дворов соблюдать принятый в Мин церемониал. Хотя Канэеси в послании, привезенном японскими послами в 1371 г., именовал себя «подданным» китайского императора, его представители не всегда вели себя в соответствии с принятым в Мин четко разработанным церемониалом, в связи с чем посольства 1380 и 1381 гг. не были приняты². По той же причине – несоблюдение китайского церемониала – не были приняты и посольства от сёгуна Ёсимицу 1374 и 1380 гг.

Между тем соседние страны, как правило, соблюдали китайские установления, прекрасно отдавая себе отчет в том, что вассалитет был чисто номинальным, фактически же ни о какой утрате независимости и самостоятельности речи не шло. Желанная же для многих стран торговля с Китаем, сулившая немалые выгоды, в эпоху Мин в связи с жестким контролем внешних связей, фактически монополизированных государством, официально была возможна лишь в рамках даннической системы и признания сюзеренитета Мин.

Японские государи, однако, уже в древности (эпохи Нара и Хэйан) не получали титула «ван», такие пожалования фиксируются только в китайских источниках («Сун шу») и для более раннего времени (Vв.), а в первых японских летописно-мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон сёки» такие пожалования не зафиксированы, а титул ван в отношении японских правителей не применяется.

Лишь после объединения Северного и Южного дворов (1392 г.) в 1401–1403 гг. прерванные в IX в. официальные отношения с Китаем были восстановлены. В 1401 г. Ёсимицу отправляет послов в Мин. Неудачный опыт был учтен – на этот раз послы привезли официальное послание от сёгуна Ёсимицу в адрес императора Хуэй-ди (прав. 1398–1402). Посольство было принято, сёгуну Ёсимицу был отправлен императорский рескрипт о назначении его ваном. В 1402 г. в загородной резиденции Ёсимицу, расположенной севернее Киото (усадьба Китаёма), была проведена церемония вручения рескрипта и даров китайского императора. В ответном письме в адрес минского императора, привезенном японскими послами в Мин в 1403 г., Ёсимицу называет себя «ван Японии и ваш подданный».

Для Ёсимицу установление официальных контактов с Мин имело огромное значение в качестве средства легитимизации сёгуната Асикага и внутри страны, и в Дальневосточном регионе в целом. Кроме того, это давало возможность вести желанную и выгодную торговлю с Мин. Ёсимицу также известен как страстный поклонник китайской культуры.

² В японской историографии есть мнение, что посольство 1371 г. от принца Канэеси и вовсе могло быть поддельным, и именно поэтому в послании от Канэеси последний называет себя подданным китайского императора [Murai 1991, с. 286; Tanaka 1996, с. 45; Ма 2017, р.35–36].

Второй период, 1404–1419

За долгожданным восстановлением японо-китайских официальных отношений последовал период лицензионной торговли: японские посольства с лицензией прибывали в Мин в 1404, 1405, 1407, 1408, 1410 гг.; японцам было предписано прибывать в порт Нинбо.

Минские лицензии (勘合, яп. канго:) не сохранились ни в Японии, ни в Китае, но в японском источнике «Бо:си ню:минки» («Записи о посещении Мин в год цути-но энэ», XVI в., составитель монах Сакугэн Сю:рё:, 1501–1579 гг.) есть их подробное описание со слов плававшего в 1468 г. в Мин в качестве главного посла дзэнского монаха Тэнъё Сэйкэй (?–?).

Канго: представляли собой прямоугольную бумажную полоску (82 на 36 см.), на которой китайские чиновники делали запись, затем она делилась на две части – по прибытии послов обе части сличались. Канго: заворачивали в ткань фиксированного размера и помещали в лаковую коробку [Такака 1997, р. 92–100]. Лицензии выдавали обычно в количестве 100 штук, со сменой императора старые лицензии подлежали возврату, а взамен выдавались новые.

После смерти Ёсимицу в 1408 г. при его сыне и преемнике сёгуне Ёсимоти посольства в Мин отправлялись дважды: в 1408 г. (посольство извещало о смерти Ёсимицу) и в 1410 г. В китайских источниках («Мин ши лу») сохранилось ответное послание Ёсимоти, в котором он благодарит императора за пожалование посмертного имени своему отцу и титула вана ему самому (в японских источниках это письмо не сохранилось), то есть, сёгун признал себя вассалом Мин.

Но в дальнейшем в период с 1411 по 1419 г. Ёсимоти разрывает контакты с Китаем. Он отказывается не только отправлять посольства в Мин, но и принимать минских послов. Столь резкий поворот связан, в частности, с тем, что ставший сёгуном в 1394 г. в возрасте девяти лет Ёсимоти лишь номинально занимал эту должность, фактически же власть была сосредоточена в руках принявшего монашество Ёсимицу до самой его смерти. Поэтому Ёсимоти потребовалось время, чтобы взять нити управления в свои руки.

Ёсимоти трижды отказался принять китайских послов и не разрешил им проследовать в столицу Киото (1411, 1417 и 1419 гг.). В «Дзэнрин кокухоки» («Записи о драгоценных для страны добрососедских отношениях», 1470 г.) сохранилось два письма Ёсимоти 1419 г.³, по всей вероятности, в адрес китайских послов, прибывших в Японию в 11-й луне 1418 г. В них он объясняет причины своего отказа от официальных связей с Мин. В одном из них, в частности, говорится:

«...Когда мой покойный отец заболел, гадатель сказал: «Это проклятье богов». Поэтому, не жалея сил, возносили искренние моления. И на этот раз чудодейственные боги сказали: «Испокон веков наша страна никогда не признавала себя вассалом другой страны. В последнее время вы изменили установления прежних совершенномудрых правителей – приняли календарь, приняли печать, не отклонив их. Именно этим вы навлекли на себя болезнь». И тогда мой покойный отец очень испугался и поклялся светлым богам отныне и впредь не принимать посольств и рескриптов зарубежных стран.

[...] Если я не принимаю послов и не посылаю ни единого человека, то не оттого, что отказываюсь подчиниться, дерзко уповаю на труднодоступность [нашей страны]. Я поступаю так, следуя воле светлых богов в соответствии с повелением покойного отца.

Прежде, когда миллионный флот Юань приплыл во второй раз [т.е. в 1281 г. – Е.С.], все войско, не добившись успеха, утонуло в море. В чем причина этого? Мы оборонялись не только силами людей, в действительности, небесное воинство тайно помогало нам.

³ Полный перевод переписки за правления сёгунов Ёсимицу и Ёсимоти см.: [Сахарова 2020; Сахарова 2023].

Те, до кого весть об этом дошла издалека, непременно сочтут это невероятным. Но как можем мы не утрашиться – [ведь] души богов издревле являли себя в нашей стране! Об этом подробно говорится в наших официальных хрониках» (Свиток 2. Документ 15) [Zenrin 2008, p.141–145].

Таким образом, Ёсимоти ссылается на волю богов и их гнев (проклятье) за то, что Ёсимицу признал себя вассалом Мин, получил титул «вана» и другие символы признания сюзеренитета Китая и назвал себя «подданным» Мин. Он также указывает на то, что и сам Ёсимицу, разумеется, в соответствии с волей богов, в итоге отказался от контактов с Мин. Едва ли это соответствует действительности – Ёсимицу приложил немалые усилия для восстановления связей с Китаем, в том числе приняв меры по усмирению японских пиратов. Кроме того, как уже говорилось выше, восстановление официальных отношений (а без них не была возможна и столь желанная и выгодная торговля) было возможно лишь при включении в данническую систему, подразумевавшую признание, пусть и чисто номинально, сюзеренитета Китая. В целом для внешней политики Ёсимоти характерен резкий разрыв с курсом, проводимым Ёсимицу. Фактически Ёсимоти критикует своего отца за то, в какой форме были восстановлены японо-китайские отношения, и в этом он не был одинок. Подобная критика за принятие титула «вана» звучала уже при жизни Ёсимицу, особенно в придворных кругах, и не утратила актуальности даже спустя несколько поколений. Так, составитель «Дзэнрин...» Дзукэй Сюхо (1391–1473) после помещенного в сборнике письма Ёсимицу от 1403 г., в котором он впервые именуется себя ваном и подданным императора Мин, вынужден был дать развернутый комментарий о недопустимости для сёгуна называть себя ваном и подданным другой страны. Более того, он также писал:

«Вообще дружеские отношения, поддерживаемые нашими двумя странами, не должны определяться ушедшими от мира (то есть, дзэнскими монахами. – *Е.С.*). Составление послания следует поручить императорскому двору и в том случае, если это послание от вана страны. Может ли [кто-либо] говорить от имени [двора]?!» [Zenrin 2008, p. 113– 117].

И это несмотря на то, что сам Дзукэй составил черновой вариант послания в адрес императора Мин в 1465 г., а практика составления посланий в Мин и в Чосон высокообразованными дзэнскими монахами в период Муромати была совершенно обычным делом. Тем не менее, утрата императорским двором контроля за внешними связями и дипломатической перепиской по-прежнему мыслилась как явление временное и подлежащее исправлению.

Третий период, 1432–1549

При следующем сёгуне Ёсинори (сёгун в 1429–1441 гг.) отношения с Мин были восстановлены. Инициатива исходила от китайского императора Сюань-цзуна (1425–1435), проводившего миролюбивую политику и, в частности, желавшего восстановления добрососедских отношений с Японией. В 1426–1427 гг. Сюань-цзан в одностороннем порядке увеличил число японских кораблей, которым разрешалось прибывать раз в десять лет, с двух до трех, а количество членов посольской миссии с 200 до 300 человек. В 1432 г. Сюань-цзан отправил своего посла на Рюкю с рескриптом, в котором предлагал японской стороне восстановить отношения; по его просьбе власти Рюкю передали рескрипт японской стороне. Уже в 1433 г. послание было получено сёгуном, и в том же 1433 г. японское посольство на

трех кораблях (они были отправлены на средства бакуфу, храма Сёкокудзи, и группы даймё), возглавляемое дзэнским монахом китайского происхождения Рюсицу Дзоном, прибыло в Мин. С этого времени и далее в отправке посольств принимало участие не только бакуфу, но и крупные храмы, святилища, даймё и придворные аристократы, а позднее и торговцы Хаката и Сакаи.

Посольство было радушно принято, японцам были дарованы лицензии, позволявшие вести торговлю. В 1434 г. японское посольство и сопровождавшие их китайские послы прибыли в Японию и были тепло приняты бакуфу и самим сёгуном. Следуя прецеденту, Ёсинори встречал послов в Хёго (совр. Кобэ), как и Ёсимицу в 1402 г. Но позже в бакуфу состоялась дискуссия по протоколу приема послов. Так, императорскому рескрипту Ёсинори кланялся только дважды и стоя (Ёсимицу кланялся трижды и сидя на коленях); Ёсимицу встречал послов у главных ворот, Ёсинори – у внутренних ворот. В Киото послов разместили в храме Тёфукудзи, для них устраивались пиры, представления саругаку, сёгун лично навещал их.

В 1435 г. по случаю смерти Сюань-цзуна бакуфу назначило посольство с соболезнованиями. Оно приплыло на 6 кораблях (их снарядили бакуфу и крупные храмы). В 1436 г. посольство получило новые лицензии, неиспользованные старые были сданы.

Таким образом, отношения с Мин были восстановлены, но критика, столь явно поддержанная Ёсимоти, не прошла даром, в дальнейшем сёгуны избегали называть себя «ванами», лишь для трех сёгунов – Ёсимицу, Ёсимоти и Ёсинори – имеются сведения о проведении китайского церемониала пожалования титула «вана». Учитывая отсутствие таких сведений о других сёгунах, предполагается, что в дальнейшем, возможно, такие формальности не соблюдались, и титул «ван» жаловался автоматически при вступлении в должность нового сёгуна. Внутри самой Японии титул «ван» не использовался, в официальных случаях в ходу был титул «сэйи тайсёгун». В неофициальных – сёгуна именовали «кубо:» (公方) или госё (御所) [Tanaka 1996, p. 69].

Во время краткого правления сёгуна Ёсикацу (1442–1443 гг.) посольства в Мин не отправлялись, но в дальнейшем было отправлено еще девять посольств – в 1453, 1468, 1477, 1484, 1495, 1509, 1511, 1523 (в этом году отправлено 2 посольства), 1539, 1548 гг. Однако японо-китайские отношения по-прежнему не были безоблачными.

Для Мин лицензионная торговля с Японией была важным средством разрешения или хотя бы смягчения проблемы пиратских набегов на южное побережье, ради этого минский двор был готов на экономические издержки – расходы на прием посольств (размещение, пропитание, ответные дары, проведение всех необходимых церемоний и т.д.) были немалыми. Торговля была выгодна японской стороне, но не Китаю. Помимо дани, японские посольства привозили и товары на продажу – их в основном закупало минское государство, но часть могли разрешить к продаже на рынке. Кроме того, товары на продажу привозили и отдельные члены миссии, их также продавали на рынке.

В качестве дани японцы везли в основном лошадей, складные веера и ширмы, чернильницы, серу, агат, копьа, доспехи, мечи. Ответные китайские дары включали – серебро, медную монету, ткани, а также изделия из яшмы, перламутра, бронзы, латуни, предметы интерьера (кресла, подставки для ног, кровати), экзотических животных (попугаи), шкуры животных (тигриные, леопардовые, медвежьи и т.д.).

Из Японии в основном экспортировали серу, медь, ртуть, оружие (мечи, копьа, доспехи), складные веера, лаковые изделия, а также товары из стран «южных морей» (древесина, красители). Из Мин импортировали медную монету, шелк-сырец, шелковые ткани, ткани из хлопка, лекарственные растения, сахар, керамику и фарфор, бронзовые изделия, книги и картины.

Высокий спрос на медную монету был связан с развитием международной торговли, китайская монета стала общепризнанной международной валютой [Wakita 1985, p. 47].

В целом торговля была выгодна японской стороне, считается, что прибыль могла достигать 500%. Известно, что уже на момент отплытия кораблей бакуфу причиталось 5% от общей стоимости товаров, независимо от дальнейшего исхода плавания [Wakita 1985, с. 53]. С ослаблением власти бакуфу во второй половине XV в. сёгуны все чаще стали прибегать к раздаче лицензий также в качестве средства привлечения разных политических сил и выгодного вложения – возможность получить прибыль без рисков; для начала XVI в. известны и случаи, когда бакуфу продавало лицензии разным субъектам (даймё, храмы, святилища) [Hashimoto 2014, p. 64].

В погоне за выгодой японская сторона увеличивала объемы дополнительных товаров, значительную часть которых Мин закупала за счет государственных средств. Такие госзакупки были серьезным бременем для китайского бюджета, поэтому минская сторона снижала закупочные цены и пыталась ввести ограничения на объемы ввозимых товаров. В результате часто возникали конфликтные ситуации.

Так, очень представительное посольство 1453 г. от сёгуна Ёсимаса (1449–1473) – 1200 человек на девяти кораблях (от буддийских храмов и крупных даймё, получивших лицензии от бакуфу) – прибыло в Пекин в 9-й луне 1453 г., а уехало лишь во 2-й луне 1454 г. Дело в том, что при минском дворе отказались платить прежнюю цену за товары. В этот период Мин изнывала от монгольских набегов с севера, в 1449 г. монголы осаждали столицу Пекин и с трудом были остановлены. Так что тогдашний император Дай-цзун (1449–1457) попросту был крайне ограничен в средствах. Японцы были очень недовольны и пригрозили, что не покинут Пекин до тех пор, пока цена не будет назначена в соответствии с прецедентом 1433 г. После долгих переговоров с Ведомством Ритуалов китайская сторона согласилась заплатить цену как в 1435 г. – меньше, чем в 1433, но выше изначально предложенной. Японцы написали докладную, смысл которой сводился к тому, что на родине их казнят за столь невыгодную сделку. В качестве компромисса китайская сторона добавила небольшие денежные выплаты и дары в виде тканей.

В ходе этих длительных переговоров министр ритуалов направил императору докладную, в которой указывал на nepозволительное и высокомерное поведение «ничтожных варваров» и требовал наказать их. Он писал, что по дороге в Пекин японцы разграбили лавку в местечке на территории нынешнего Шаньдуна и до полусмерти избили местного коменданта, пытавшегося их остановить; чинили беспредел в отношении и мирного населения, и военных чинов, нанося побои и т.п. Но император предпочел обойтись без наказания, послам были дарованы торговые лицензии, но были введены ограничения на объем привозимых товаров, а в выданных инструкциях указывалось на необходимость достойного поведения, соблюдения законов и прав собственности [Wang 1953, p. 64–67]. Столь представительное посольство (9 кораблей!) также вызвало неудовольствие китайской стороны, поэтому были введены ограничения – посольство могло прибывать лишь один раз в десять лет, кораблей должно было быть не более трех, на каждом из кораблей – не более 300 человек.

Препирательства о закупочных ценах и конфликты из-за агрессивного поведения членов японских миссии не были редкостью и в дальнейшем.

Посольство 1468 г. состояло из трех кораблей (направлены от бакуфу и родов Хосокава и Оути). Хотя из Японии корабли отплывали вместе, в Китай они прибыли порознь в разное время. Представители всех трех кораблей (у всех трех имелись лицензии) пытались, не слишком успешно, добиться лучшей цены. Когда корабли бакуфу и Хосокава уже отплыли в обратный путь, представители Оути снова вернулись в Мин и просили возместить утеранные во время шторма дары китайского императора. Полностью дары возмещены не были, но император все же пожаловал шелк и 500 монет.

Известно также, что в 1468 г. один из подчиненных посла от бакуфу, будучи пьяным, нанес раны китайскому торговцу, от которых тот позже скончался. Но наказания не последовало,

хотя министр ритуалов и просил о таковом. Виновных лишь обязали оплатить похороны и выплатить штраф [Wang 1953, p. 69–70].

С этого времени возрастает влияние родов Оути и Хосокава, фактически монополизировавших японо-китайские контакты. Каждый из родов стремился усилить свои позиции. Соперничество между ними дошло до того, что на обратном пути, уже в японских водах, корабль Оути напал на корабль Хосокава, захватив весь груз, а также все торговые лицензии, выданные посольству в 1468 г. императором Сянь-цзуном (1464–1487).

В это время Япония вступает в период «Воюющих провинций» (1467–1573), для которого характерны междоусобные войны и рост насилия. Причем случаи насилия участились не только в самой Японии, но и вовне. Для последующих посольств также фиксируются многочисленные конфликтные ситуации, в том числе побои и убийства.

В 1523 г. послы Хосокава и Оути поссорились в порту Нинбо и устроили резню – был убит заместитель посла от рода Хосокава, люди Оути на этом не остановились, сожгли корабль Хосокава и разграбили лавки в Нинбо. С этого времени японских послов в Пекин стал сопровождать китайский конвой, число членов посольства, которым разрешалось проследовать в столицу, также было сокращено. Позднее и в порт Нинбо японские корабли заходили и выходили под конвоем китайских кораблей. Тем не менее, после этого инцидента роду Оути удалось монополизировать японо-китайские торговые отношения.

Последнее посольство на четырех кораблях Оути приплыло в Мин в 1549 г., но было встречено довольно холодно: в ответ на запрос о выдаче лицензий минский двор, зная о политической нестабильности на Японском архипелаге, выдал лишь одну лицензию, хотя обычно их выдавалось 100 [Wang 1953, p. 80]. Могущество рода Оути было уже на излете, в 1550-е годы род фактически был уничтожен конкурентами, и это посольство стало последним в череде официальных посольств с торговыми лицензиями, полученными от минского двора. Хотя попытки продолжения официальных контактов с Мин предпринимались разными силами (род Оути, торговцы из Сакаи), они не увенчались успехом.

В рамках лицензионной торговли с Мин в период с 1404 по 1547 г. из Японии было отправлено 17 посольств. Всего из Японии в Мин за период с 1401 по 1549 г. было отправлено 19 посольств. Из Мин за период с 1402 по 1434 г. было отправлено в Японию 8 посольств (3 из них не были приняты сёгуном Ёсимоти).

При сёгунах Ёсимицу и Ёсимоти корабли в Мин отправлялись за счет бакуфу и от имени бакуфу, но с момента повторного восстановления официальных контактов при Ёсинори к торговле были допущены также крупные даймё, храмы и святилища, хотя распределением лицензий ведало бакуфу. В XVI в. обостряется соперничество за контроль над японо-китайской торговлей между кланами Хосокава и Оути, в итоге победу одержал последний.

Среди причин прекращения японо-китайских контактов после 1549 г. можно выделить следующие: ужесточение регламентаций с китайской стороны (что вело к уменьшению прибыли), политическую нестабильность в самой Японии, а также начало с 1550-х годов торговли с португальцами, которые привозили товары из Китая и южных стран, заполняя образовавшуюся лауну.

Японо-корейские официальные отношения

Для Кореи, как и для Китая, ключевое значение имела проблема пиратских набегов на южнокорейское побережье. Корейские элиты также стремились поставить торговлю под жесткий контроль государства. Но существовали, разумеется, и отличия.

Во-первых, иной была структура отношений. Если контакты с Мин были монополией бакуфу (хотя во второй половине XV в. контроль бакуфу слабеет, а в XVI в. японо-китайские отношения и вовсе становятся монополией рода Оути), то с Чосон (1392–1910) поддерживали самостоятельные контакты и местные японские феодалы (в первую очередь западные даймё и род Со: с о. Цусима), а бакуфу было лишь одним из торговых партнеров династии Ли. Власти Чосон прекрасно понимали ограниченные возможности бакуфу и потому устанавливали отношения со всеми силами внутри Японии, которые могли быть полезными в борьбе с пиратством.

Во-вторых, с точки зрения японских властей, Корея в дальневосточной иерархии стояла ниже Японии. Обоснованием служили отсылки к древней истории, в частности, к древнекорейскому государству Силла, при японском государе Тэмму (673–686) признавшем (на непродолжительное время) себя вассалом Японии. В связи с этим корейских послов (разумеется, не разделявших воззрений японских властей), редко и неохотно допускали в столицу Киото, и если китайских послов селили обычно в буддийских храмах на территории столицы, то корейских размещали в ее пригородах [Hashimoto 2005, p. 164–170]⁴. По этой же причине, начиная с сёгуна Ёсимоти, сёгуны Асикага избегали именовать себя ванами в переписке с правителями Чосон и подписывались просто «Минамото такой-то» – ведь иначе оказывалось, что Чосон и Япония обладают равным статусом, ведь правители Чосона были «ванами».

В целом японо-корейские отношения были гораздо более интенсивными, чем японо-китайские. В корейских источниках зафиксировано прибытие более 60 посольств от бакуфу за период с 1404–1563 гг. и более 20 посольств, отправленных ванами Корё (918–1392) и Чосон к сёгунам Асикага за период 1366–1590 гг. [Suda 2011, p. 45–48]. И это, не считая многочисленных посольств от западных даймё и рода Со.

Начальный период, 1366–1403 (до восстановления официальных контактов)

Первое корейское посольство (из Корё) прибыло в Японию в 1366 г. в правление Ёсиакира (сёгун с 1358 по 1367 г.). Посол привез письмо от вана Корё с требованием пресечь деятельность пиратов. При императорском дворе дать ответ на полученное послание посчитали невозможным, однако после долгих дискуссий бакуфу посчитало необходимым дать ответ, но в связи с тем, что дипломатическая переписка традиционно считалась прерогативой императорского двора, ответ от имени сёгуна (не сохранился) написал дзэнский монах Сюньоку Мёха (1311–1388), на тот момент занимавший должность настоятеля Тэнрюдзи⁵.

После этого корейские посольства из Корё прибывали в 1375, 1377, 1392 гг., во всех случаях послы требовали пресечь деятельность японских пиратов. В «Дзэнрин кокухоки» сохранилось ответное послание от 1392 г., тоже составленное дзэнским монахом от имени сёгуна Ёсимицу. В нем, в частности, говорится:

«Нашему правителю и его подчиненным поистине стыдно потерпеть крах в деле наставления подданных прибрежных районов. Ныне вновь повелеваем нашему вассалу, [главе управления] по Умирению Запада, подавить пиратские корабли и освободить плененных [пиратами]. Непременно следует установить по-настоящему добрососедские

⁴ В отличие от Чосон и Мин, в Японии эпохи Муромати не было специальных зданий для размещения послов, обычно посольства размещали в буддийских храмах.

⁵ Подробнее об этом посольстве см.: [Сахарова 2019].

отношения между нашими странами и навечно заслужить благосклонность великого благодетеля. Однако в нашей стране издревле не случалось, чтобы сёгун, подданный [императора], ведал перепиской с зарубежьем. Поэтому [сёгун] не может лично ответить на полученное послание и поручил мне, монаху, от его имени засвидетельствовать почтение. Это не означает, что сёгун не ценит церемониал. Ныне он шлет своего слугу, монаха Сюина, дабы тот подробно изложил ситуацию. И просит Вас принять во внимание все [эти обстоятельства]. Простите за краткость» (Свиток 1. Завершающий документ. 1392 г.) [Zenrin 2008, p. 103–104].

Таким образом, бакуфу желало установления добрососедских отношений, признавало себя ответственным за действия японских пиратов и разъясняло причины отсутствия официального ответа.

Следующие посольства, уже из государства Чосон, прибывали в 1397 и 1399 гг. Посольство 1397 г. изначально было адресовано Оути Ёсихиро (1356–1399), однако стараниями Ёсихиро корейский посол был допущен в Киото, где встречался с Ёсимицу. В «Дзэнрин...» имеется документ-инструкция 1398 г. в адрес главы рода Оути – Оути Ёсихиро в связи с прибытием в 1397 г. послов из Кореи, в нем Ёсихиро предписывается:

«Недавно ничтожные людишки, не подчиняющиеся [управлению] Кюсю, были наказаны за свои злодеяния. Теперь следует отправить войска и полностью уничтожить оставшихся на островах пиратов, это позволит восстановить морское судоходство и установить взаимовыгодные для наших стран отношения. Вы должны приложить для этого все свои силы. Что до печатного издания буддийского канона, то ныне в нашей стране крайне затруднительно осуществить его издание, у нас до сих пор нет полного собрания канона. Между тем недавно вышедшее в стране [Чосон] ксилографическое издание – превосходного качества. Поэтому непременно следует запросить издание канона [...]

Нельзя ли погрузить на корабли и привезти [в Японию] большие бронзовые колокола и превосходные лекарства? Ритуальная утварь положит конец мучениям в загробном мире и поможет людям переправиться в земли человеколюбия и долголетия, все это [можно обрести] благодаря дарам из их страны» (Свиток 2. Документ 1. 1398 г.) [Zenrin 2008, p. 107–109].

В следующем 1399 г., согласно корейским источникам, в Чосон приплыло посольство от сёгуна Ёсимицу. В том же году из Чосон в Японию было отправлено ответное посольство.

Таким образом, на этом этапе сёгуны демонстрировали готовность разобраться с пиратами и установить контакты с Чосон, но еще не считали себя вправе вести переписку с другими странами (с Корё, а затем Чосон). Кроме того, в документе 1398 г. обозначены статьи желанного властями импорта из Чосон – ксилографическое издание буддийского канона и буддийская ритуальная утварь⁶. В дальнейшем это будут важнейшие статьи импорта.

Восстановление официальных отношений

Официальные контакты с Чосон были восстановлены при 3-м сёгуне Ёсимицу в 1404 г., т.е. уже после получения им титула «ван». С этого времени Ёсимицу отправлял послания в Чосон от имени вана страны Японии. Поскольку корейские короли также получили от Мин такой же

⁶ Подробнее о роли буддийского канона в контексте японо-корейских отношений периода Муромати см. [Сахарова 2022].

титул, формально японские сёгуны и чосонские правители были равны. В реальности, однако, обе стороны считали себя выше по статусу, но корейские власти проявляли гораздо большую гибкость при решении практических задач.

Правитель о. Цусимы, расположенного всего в 50 км от Кореи, Со Ёрисигэ, установил дружеские и торговые отношения с Чосон уже в 1397 г. Остров Цусима был известен как логово пиратов, здешние земли были почти непригодны для земледелия (87% острова занимают горы и леса), жители выживали за счет рыболовства, торговли и пиратства. Плывшие в Корею корабли непременно останавливались на Цусиме. В результате остров и его правящий род занимали особое отношение в структуре японо-корейских связей, со временем род Со монополизировал японо-корейскую торговлю.

С восстановлением японо-корейских официальных отношений в Чосон во множестве стали прибывать японские корабли с торговыми целями. Японская сторона особенно охотно импортировала текстиль (хлопок, а также шелковую чесучу, пеньку), буддийские сутры и буддийскую ритуальную утварь. Также японцы ценили тигровые и леопардовые шкуры, корейские циновки, женьшень, мед. Однако структура импорта Цусимы была иной: этот бедный остров импортировал из Кореи продукты питания – рис и бобовые. Как и в Китай, из Японии поставлялись медь, сера, а также мечи и складные веера.

На правление сёгуна Ёсимоти приходится не только разрыв японо-китайских отношений, но и серьезный кризис в японо-корейских. Речь идет вторжении годов Оэй (1419 г.), которому предшествовал набег цусимских пиратов на Корейское побережье. Ван Чосон Седжон (1418–1450) отдал приказ о карательной экспедиции: флот состоял из 227 кораблей, войска насчитывали более 17 тыс. человек. Экспедиция была успешной и на время набега почти прекратились. Вероятно, одним из факторов, подтолкнувших корейские власти к столь серьезному военному вмешательству, был разрыв отношений Японии с Мин, о чем в Чосон, конечно же, было известно.

Но японо-корейские отношения были быстро восстановлены. В том же 1419 г. в Чосон прибыло посольство от Ёсимоти, который настаивал на том, чтобы его не называли «ваном», в письмах в Чосон он стал подписываться просто «страна Япония, Минамото такой-то». Так же подписывались и последующие сёгуны Асикага, а вслед за ними и сёгуны Токугава. Одним из последствий вторжения на Цусиму стало усиление ограничений со стороны Чосон. Поскольку в силу общепринятых тогда на Дальнем Востоке норм, принимающая сторона несла расходы за размещение послов, за их путешествие до столицы Ханъян (совр. Сеул) и т.д., а торговля была выгодна прежде всего японской стороне, поток японских посольств был тяжким бременем. Поэтому после вторжения на Цусиму Чосон вводит ограничения на размер и количество кораблей для разных представителей Японии, ограничивает торговлю портами Пусан и Нэипхо (в 1426 г. к ним добавился также порт Ёмпхо), а также вводит систему удостоверений, которые должны были иметься у приплывавших из Японии.

На Кюсю проверкой таких удостоверений должен был ведать глава Кюсю (Кюсю-тандай), на Цусиме – правящий род Со. В скором времени, однако, контроль за удостоверениями перешел в единоличное ведение рода Со. В дальнейшем система удостоверений и других ограничений менялась и совершенствовалась с той же целью – уменьшить поток японских кораблей. Так, в 1460 г. было решено, что послов от вана Японии, от Оути и других крупных родов следует принимать, когда бы они ни приплыли, а для остальных вводятся ограничения – для Цусимы не более 50 кораблей в год, а для менее влиятельных акторов – не более двух кораблей в год. При этом прибывшие должны были иметь при себе пожалованную Чосон медную печать (圖書, яп. *тосё*), выдававшуюся на одно поколение, своеобразный аналог минских лицензий. С 1474 г. была введена новая система печатей из бивня слона (牙符制, яп. *гафусэй*). Такие печати разрезались пополам и сличались корейскими чиновниками по прибытии кораблей. Десять таких печатей были пожалованы сёгуну Ёсимаса [Suda 2011, p. 34–36]. Такая система

была введена в ответ на появление начиная с 1470-х гг. самозванных посольств (от рода Оути, от ванов вымышленных стран, вана Рюкю и даже от вана Японии) [Hashimoto 2012, p. 23–30]. Но и эту систему пытались обойти. На сегодняшний день обнаружено довольно много поддельных печатей: 7 подделок только для печатей рода Со, а также подделки печатей Оути и даже сёгуна [Suda 2011, с. 36].

В 1510 г. японо-корейские торговые отношения были разорваны. В открытых для торговли трех портах проживали японцы, их число, как и аппетиты, росли, к тому же японские резиденты были вовлечены в контрабандную торговлю. Корейский король Чунджон (1506–1544) распорядился усилить ограничения деятельности японцев, в ответ японские резиденты подняли восстание против корейских властей. В результате власти собрали всех японских резидентов и отправили на Цусиму, разорвав торговые отношения. Уже в 1512 г. роду Со удалось добиться восстановления торговых отношений, но объемы разрешенной торговли были урезаны вдвое.

К 1440-м годам основной статьей импорта из Чосон стал хлопок, но впоследствии хлопок стал все шире культивироваться в самой Японии. Вместе с ужесточением разрешенной торговли это вело к снижению значения японо-корейской торговли в целом.

Среди задач Чосон первоочередными были установление мирных добрососедских связей и решение проблемы пиратства, наносившей стране огромный вред. Подход корейских властей был очень гибким. Отношения поддерживались не только с сёгунами, но и с крупными дайме и влиятельными аристократическими родами (при этом важнейшим партнером был род Оути), а также с правителями Цусимы (род Со). В Чосон были разработаны регламентации и церемониал приема посольств, выстроенные по иерархическому принципу: 1. сёгуны; 2. крупные дайме и аристократические роды (важнейший партнер – род Оути); 3. более мелкие роды (на первом месте в этой категории стоял род Со).

Помимо сёгунов, самыми влиятельными силами в японо-корейских отношениях были роды Оути и Со, оказывавшие также посреднические услуги (контроль за лицензиями, осуществлявшийся родом Со, помощь в осуществлении дипломатических контактов, конвоирование корейских послов в японских водах – во Внутреннем Японском море – с целью избежать пиратских нападений).

Дипломатия и торговля были не единственными методами разрешения проблемы пиратства. Применялась и военная сила (карательная экспедиция 1419 г.), и попытки ассимиляции японских пиратов. Для западных дайме с Кюсю и западной оконечности о. Хонсю, а также для Цусимы торговля с Чосон имела огромное значение, для Чосон – торговля была меньшим злом, по сравнению с пиратскими набегами и дорогостоящими военными операциями, но не приносила экономической выгоды. Самые тесные контакты с Чосон были у правящего рода Цусимы – Со, и в силу географического положения (близость к Корейскому полуострову), и в силу того, что торговля с Чосон имела огромное значение для выживания населения острова.

Трафик посольств, прибывавших в столицу Чосон был очень интенсивным. Многие историки считают, что именно прекрасное знакомство японцев с маршрутом из портов до столицы Ханъяна позволило японским войскам столь стремительно продвигаться по Корейскому полуострову на начальном этапе Корейского похода Хидэёси – дорога была проторенная.

Заключение

Среди основных трудностей восстановления японо-китайских и японо-корейских официальных (а затем и торговых) отношений на начальных этапах можно выделить: политическую раздробленность Японии (противостояние Северного и Южного дворов), утрату

дипломатических навыков японским императорским двором, а также далекие от реальности представления японских элит о месте и статусе Японии на международной арене.

Установление сёгунатом контроля за внешними связями проходило непросто, и даже в последней трети XV в. вмешательство сёгунов и отстранение императорского двора воспринималось многими представителями элиты как явление временное и, по сути своей, неправильное. В то же время сёгунату удалось поставить на службу высокообразованных дзэнских монахов — именно они составляли дипломатические документы на китайском классическом языке, они же в большинстве случаев назначались послами. Именно в эпоху Муромати дзэнским монахом впервые в японской истории был составлен первый крупный памятник («Дзэнрин кокухоки»), полностью посвященный внешним контактам с Китаем и Кореей, сфокусированный, однако, на дипломатической переписке.

Как отмечал Танака Такэо, несмотря на активизацию и расцвет морской торговли в Восточной Азии, торговля оставалась лишь подчиненной частью контактов на официальном уровне и рассматривалась властями всех трех стран как подлежащая контролю и регламентациям на государственном уровне (регламентация количества кораблей и числа членов миссий; система лицензий, введенная Мин, и похожая система печатей в Чосон; установленные порты прибытия, в которых имелись ведомства, ответственные за прием, проверку, размещение прибывших послов и т.д.) [Tanaka 1977, p.178–179]. Хотя эта система была до определенной степени эффективной, такие ограничения неизбежно приводили к активизации пиратства и контрабанды, и не могли окончательно искоренить этих зол.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Сахарова Е.Б. «Записи о драгоценных для страны добрососедских отношениях». Документы за период правления сёгунов Асикага Ёсимицу и Асикага Ёсимоти // История и культура Японии. Вып. 15. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2023. С. 272–291.
- Сахарова Е.Б. В поисках священных текстов: печатный буддийский канон в контексте японо-корейских официальных контактов в эпоху Муромати // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 156–163.
- Сахарова Е.Б. Посольство из Корё в Японию 1366–1367 гг. // Ежегодник Японии. 2019 Т. 48. Москва: АИРО-XXI. 2019. С. 155–174.
- Сахарова Е.Б. Японо-китайские отношения в 1368–1419 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 11 (97).

REFERENCES

- Sakharova, E.B. (2019). Posol'stvo iz Koryo v Yaponiyu 1366–1367 gg. [Mission from Koryō to Japan, 1366–1367]. *Yearbook Japan*, 48, 155–174 (In Russian).
- Sakharova, E.B. (2020). Yapono-kitaiskie otnosheniya v 1368–1419 gg. [Official Relations Between Japan and China, 1368–1419]. *Istoriya*, Vol. 11, Is. 11 (97). Retrieved from <https://history.jes.ru/s207987840012754-8-1/> (In Russian).
- Sakharova, E.B. (2022). V poiskakh svyashchennykh tekstov: pechatnyi buddiiskii kanon v kontekste yapono-koreiskikh ofitsial'nykh kontaktov v epokhu Muromachi [Printed Buddhist Canon in the Context of Japanese-Korean Official Relations during the Muromachi Period]. *Voprosy filosofii*, 11, 156–163. (In Russian).
- Sakharova, E.B. (2023). «Zapisi o dragotsennykh dlya strany dobrososedskikh otnosheniyakh». Dokumenty za period pravleniya segunov Ashikaga Yoshimitsu i Ashikaga Yoshimochi [An Account of Good Neighborly Relations as a Treasure of Our Country (Zenrin Kokuhōki). Official

Diplomatic Correspondence During the Reigns of Shoguns Ashikaga Yoshimitsu and Ashikaga Yoshimochi]. In *Istoriya i kul'tura Yaponii* [History and Culture of Japan], Vol. 15 (pp. 272–291). Moscow. (In Russian).

* * *

- Hashimoto, Yu. (2012). Korea in Muromachi Culture: Cultural Exchange between Japan and Korea and between Ryukyu and Korea. *Acta Asiatica*, 103, 23–52.
- Hashimoto, Yu. (2014). Higashi Ajia sekai-no hendō to Nihon [Changes in Eastern Asia and Japan]. In: *Nihon rekishi* [History of Japan], Vol. 8. Chūsei 3 [Middle Ages 3]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
- Ma, Guang. (2017). Tributary Ceremony and National Security: A Reassessment of Wokou Diplomacy between China and Japan During Early Ming Dynasty. *Journal of Asian History*, 51 (1), 27–54.
- Murai, S. (1991). *Ajia-no naka tyūsei Nihon* [Medieval Japan's Place in Asia]. Tokyo. (In Japanese).
- Suda, M. (2011). *Chūsei Nichi-chō kankei to Ouchi-shi* [The Roles of the Ouchis in Japan-Korea Politico-Cultural Relations During the Medieval Ages]. Tokyo: University of Tokyo Press. (In Japanese).
- Tanaka, T. (1977). Japan's Relations with Overseas Countries. In Hall, Jonh W. and Toyoda, Takeshi (Eds.), *Japan in Muromachi Age*. Berkley, Los Angeles, London.
- Tanaka, T. (1996). *Higashi Ajia tsūkōken to kokusai ninshiki* [East Asian Area of Interaction and International Perceptions]. Tokyo. (In Japanese).
- Tanaka, T. (1997). *Zenkindai-no kokusai kōryū to gaikō bunshō* [International Relations and Pre-Modern Diplomatic Documentation]. Tokyo. (In Japanese).
- Wakita, H. (2007). *Muromachi jidai* [Muromachi Period]. Tokyo: Chukoshinsho. (In Japanese).
- Wang, Y. (1953). *Official Relations Between China and Japan 1368–1549*. Cambridge, Massachusetts.
- Zenrin kokuhōki. (2008). *Zenrin kokuhōki. Shintei Zokuzenrin kokuhōki*. Ed. by Tanaka Takeo. Tokyo: Shūeisha. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 08.07.2023

Received: 08 July 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-33-52

Особенности японской дипломатической службы на современном этапе

В.А. Мозебах

Аннотация. Статья посвящена современному состоянию и особенностям функционирования японской дипломатической службы. В анализе используются актуальные японоязычные источники и информационно-аналитические материалы, редко используемые в отечественной науке. МИД Японии как главный орган внешних сношений страны занимает в структуре дипломатической службы центральное место. Деятельность Министерства базируется на широко заданных законах, в основном принятых еще в прошлом веке, но подвергающихся постоянным правкам. Отсутствие конкретики в нормативно-правовой базе предполагает относительную свободу действий бюрократов на местах и позволяет оперативно реагировать на изменения и адаптировать структуру ведомства на уровне малых единиц путем создания малых бюро и расформирования выполнивших свои задачи без необходимости вносить изменения в законодательство. Такая возможность является особенно важной в условиях внешнеполитической турбулентности и требующего максимального напряжения сил курса Японии на выдвижение страны в число государств первого эшелона. Можно заметить, что для решения поставленных задач руководство страны усилило связку МИД с правящей партией и сделало его более зависимым от премьер-министра, что отвечало стремлению тогдашнего премьера Абэ к действиям с меньшей оглядкой на бюрократический аппарат. Японская дипломатическая служба в то же время сталкивается с серьезными вызовами: за последние десять лет был открыт ряд посольств в зарубежных странах, японские загранучреждения были наделены новыми функциями, особенно в части поддержки национального бизнеса на внешних рынках, однако наращивание штата Министерства не поспевает за повышением дипломатической активности Японии. Ежегодно на дипломатическую службу в Японии по итогам сложных испытаний принимают лишь около 80 человек по классам «широких специалистов» и «дипломатов-специалистов». Нехватка кадров несет риски для повышения эффективности дипломатической службы и ведет к тяжелым перегрузкам персонала, что осознают в руководстве страны, однако пока неясно, какие конкретно шаги будут предприняты для решения означенных проблем.

Ключевые слова: дипломатическая служба Японии, МИД Японии, дипломатическая служба зарубежных стран, внешняя политика Японии, дипломатия Японии, государственная служба Японии.

Автор: Мозебах Владимир Андреевич, преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0003-1349-1948; E-mail: mozevladimir@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мозебах В.А. Особенности японской дипломатической службы на современном этапе // Японские исследования. 2023. № 4. С. 33–52. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-33-52

Distinctive features of modern Japanese diplomatic service

V.A. Mozebach

Abstract. The present study is an inquiry into the current state of Japanese diplomatic service and its distinctive features. The author makes use of the latest Japanese-language primary and secondary sources in his analysis that are rarely employed in Russian Japanology. The Ministry of Foreign Affairs of Japan is the main government body responsible for Japan's foreign affairs and its diplomatic service. The Ministry's work is based on a number of laws mostly enacted in the 20th century, though all of them have gone through a series of amendments. Since these laws provide for only a necessary framework with little detail, their implementation lies in the hands of bureaucracy, which allows for a swift response to changes that may occur by adapting the structure of the Ministry and creating ad hoc chambers without amending the basic laws. This is of paramount importance given the turbulent state of global affairs and Japanese leaders' bid to elevate Japan to a top-tier cohort in the international arena. To address the challenge, the Japanese leadership has made the Foreign Ministry more accountable and dependent on the ruling party and the prime minister, reflecting Prime Minister Abe's long-standing desire to act with fewer constraints on the side of bureaucracy. At the same time, the Japanese diplomatic service has faced quite a few issues. Over the last decade, new embassies have been established, and their functions have been greatly bolstered, most prominently regarding the support for Japanese companies' expansion overseas. However, the Ministry's ranks fail to expand quickly enough to offset the amount of work to be done. The annual intake to the Ministry stands at about 80 'generalists' and 'specialists.' The understaffed diplomatic service runs the risks of becoming overwhelmed and thus ineffective. While the leadership is aware of the problem, it is yet unclear how exactly the problem is to be tackled.

Keywords: Japanese diplomatic service, Ministry of Foreign Affairs of Japan, diplomatic service of foreign countries, Japanese foreign policy, Japanese diplomacy, Japanese public service.

Author: Mozebach Vladimir A., Lecturer at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages, Moscow State Institute of International Relations (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1349-1948; E-mail: mozevladimir@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of conflict of interest.

For citation: Mozebach, V.A. (2023). Osobennosti yaponskoi diplomaticheskoi sluzhby na sovremennom etape [Distinctive features of modern Japanese diplomatic service]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 33–52. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-33-52

Введение

Приход к власти Абэ Синдзо в конце 2012 г. под лозунгом «Вернуть Японию» (日本を取り戻す, *Ниппон-о торимодосу*)¹ ознаменовал собой коренные перемены в японской внешней политике. Задавшись целью вернуть Японии статус державы первого эшелона, Абэ инициировал разработку новых доктринальных документов, добился централизации внешнеполитической деятельности страны вокруг премьер-министра. В Стратегии национальной безопасности были заявлены принципы «проактивного пацифизма» (積極的平和主義, *сэккёкутеки хэйвасюги*), то есть проактивного участия страны в поддержании международного мира, безопасности и стабильности, защиты «общих ценностей» и «порядка, основанного на

¹ 新ポスターを発表 「日本を、取り戻す。」 [Обнародование новых предвыборных плакатов «Вернуть Японию»] // Сайт Либерально-демократической партии Японии. 25.10.2012. <https://www.jimin.jp/news/information/129562.html> (дата обращения: 14.11.2023).

правилах»², сохранившие актуальность и после принятия администрацией Кисиды Фумио новых документов³.

Дипломатия Японии, таким образом, стала значительно более активной и напористой, что привело к повышению внимания к Министерству иностранных дел Японии как главному институту дипломатии и внешних сношений и проводнику обновленной внешнеполитической линии, а перед дипломатической службой страны была поставлена задача обеспечения национальных интересов страны в условиях ограниченности ресурсов и жесткой конкуренции на мировой арене.

Тема японской дипломатической службы рассматривалась в отечественной науке на разных временных отрезках. Среди наиболее заметных работ можно выделить первое в подобном роде пособие А.Н. Панова «Японская дипломатическая служба» 1989 г., главу за авторством М.Ю. Галузина и А.В. Илышева в издании «Дипломатия иностранных государств» [Галузин 2004], главу о дипломатической службе Японии в монографии А.В. Илышева «Японская государственная служба» 2010 г., а также соответствующую главу А.Н. Панова в учебном пособии «Дипломатическая служба зарубежных стран» 2015 г.

Во всех указанных работах содержатся тезисы о консерватизме, монолитности, некоторой инертности и сложном отношении к нововведениям внутри МИД Японии. Хотя в принципиальном плане эти соображения представляются справедливыми, важно отметить, что в японском внешнеполитическом ведомстве постоянно происходят как мелкие, так и весьма заметные изменения, которые обеспечивают гибкость и способность к реагированию на быстро меняющуюся международную обстановку. В условиях текущей политической турбулентности и ускоряющегося научно-технического прогресса эти свойства обретают принципиальную важность.

В настоящей работе на основе японоязычных официальных источников, редко используемых в отечественном японоведении, и актуальных аналитических и информационных материалов рассматривается современная нормативно-правовая основа функционирования МИД Японии, раскрываются механизмы адаптации его структуры к меняющимся внешнеполитическим условиям. Автор выдвигает тезис о том, что адаптивность ведомства заложена на уровне его малых структурных единиц, которые могут быть оперативно преобразованы, созданы или расформированы без внесения изменений в основополагающие нормативно-правовые акты.

В статье также описаны проблемы, с которыми сталкивается японская дипломатическая служба. Нарастание дипломатической активности Японии и расширение функционала ее загранучреждений (ЗУ) не сопровождается соответствующим расширением штатов, что приводит к излишней нагрузке на действующих сотрудников и являет собой риски для эффективной деятельности Министерства.

Министерство иностранных дел в системе государственных органов Японии

Нормативно-правовая основа функционирования МИД Японии и его служащих определяются законами о государственных служащих 1947 г., об учреждении МИД 1999 г., о статусе дипломатических работников 1952 г., приказом о структуре МИД 2000 г. и правилами

² 国家安全保障戦略について [О Стратегии национальной безопасности Японии] // Секретариат Кабинета министров Японии. 2013. <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

³ 国家安全保障戦略 [Стратегия национальной безопасности Японии] // Секретариат Кабинета министров Японии. 2022. С. 16. https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/national_security_strategy_2022_pamphlet-ja.pdf (дата обращения: 14.11.2023).

функционирования структуры МИД 2001 г. Закон об учреждении МИД был представлен в обновленном виде и заменил собой аналогичный, принятый в 1951 г. Было внесено значительное количество поправок.

Закон 1999 г.⁴ представляет собой достаточно краткий документ, который устанавливает обязанность Министерства обеспечивать и приумножать интересы государства и японского народа посредством активного развития положительных внешних связей, создания благоприятной международной обстановки и деятельного участия в поддержании мирного и стабильного мирового порядка.

Статья 4 закона содержит длинный ряд ведомственных функций, закрепленных за Министерством, в котором особняком стоят приоритеты МИД в проведении внешней политики, а именно:

- обеспечение национальной безопасности Японии;
- проведение внешнеэкономической политики;
- экономическое сотрудничество;
- обмены в культурной и других областях.

Далее перечисляются остальные функции: от ведения переговоров с правительствами других стран, участия Японии в работе ООН и подготовки и подписания международных договоров до вопросов оформления виз и паспортов и командирования дипломатических работников.

Статьи 6–9 определяют виды японских загранучреждений и статус их глав. ЗУ подразделяются на пять видов: посольства (чрезвычайный и полномочный посол), миссии (чрезвычайный и полномочный посланник), генеральные консульства (генеральный консул), консульства (консул) и правительственные представительства (консул в ранге чрезвычайного и полномочного посла).

Сравнение с оригиналом закона, опубликованным на официальной странице 145-й сессии Парламента Японии (1999 г.), показывает, что текст в последней редакции 2016 г. содержит обязанность МИД оказывать помощь Правительству и секретариату Кабинета министров при формулировании ими политики, а также при воплощении таких решений в жизнь обеспечивать административное единство и проводить необходимую подстройку под эти решения.

Такие изменения, как представляется, в целом отвечают давнему стремлению премьер-министров – лидеров ЛДП получить более значительную власть над проведением государственной, в том числе внешней, политики. А.Н. Панов отмечает, что Танака Какуэй, бывший премьер-министром в 1972–1974 гг., «сетовал на свою зависимость от бюрократов», а Накасонэ Ясухиро (1982–1987) был вынужден под давлением партии отказываться от своих прежних заявлений [Панов 1989, с. 102–103]. Схожие стремления демонстрировал премьер Коидзуми Дзюньитиро (2001–2006). Более других успеха добился именно Абэ Синдзо во время своего второго премьерства и с помощью аппаратного таланта тогдашнего секретаря Кабинета министров Ё. Суги подчинил своей канцелярии процессы выработки внешней политики [Mulgan 2018, p. 42–44].

Приказ о структуре МИД конкретизирует функции всех подразделений Министерства⁵. Во всех управлениях 局 (*кёку*) должен быть представитель от Службы международной информации и анализа 国際情報統括官組織 (*кокусай дзё:хо: то:кацукан сосики*), входящей в структуру МИД на уровне управления и номинально занимающейся сбором, хранением и анализом данных, которые поступают в ведомство. Фактически это орган внешней разведки.

⁴ 外務省設置法 [Закон об учреждении МИД] от 1999 г. №914 (ред. 01.04.2016) // E-Gov. https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=411AC0000000094_20160401_427AC0000000066 (дата обращения: 27.07.2023).

⁵ 外務省組織令 [Приказ о структуре МИД] от 2000 г. №249 (ред. 17.02.2023) // E-Gov. <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=412CO0000000249> (дата обращения: 27.07.2023).

Примечательно, что слово «информация» 情報 (дзё:хо:) в японском языке используется для обозначения именно разведывательных органов.

Приказ устанавливает, что все три департамента 部 (бу), что есть в Министерстве: Департамент разоружения, нераспространения и науки, Департамент Юго-Восточной и Юго-Западной Азии и Департамент Африки, находятся в составе Управления внешней политики, Управления Азиатско-Тихоокеанского региона и Управления Ближнего Востока и Африки соответственно⁶. Бу, таким образом, структурно меньше, чем кёку.

Значительный объем функций возложен, в соответствии со статьей 3 Приказа, на Секретариат МИД. Сотрудники Секретариата занимаются общей координацией действий ведомства, выполняют информационную и аналитическую работу, ведут лингвистическое обеспечение деятельности Министерства, курируют культурные обмены.

Функции территориальных управлений не отличаются новизной или разнообразием: общая координация политики на региональном направлении, представительство интересов Японии, проведение переговоров, дипломатические сношения с государствами региона и представительство при региональных организациях (при наличии).

В Приказе определены структурные единицы управлений и департаментов: отделы 課 (ка) и бюро 室 (сицу). Основная работа происходит именно на этом уровне, и логично, что именно ка и сицу подвержены наиболее частым изменениям. Например, в редакции Приказа 2020 г. был упразднен Отдел по экономической безопасности, а в составе Управления по вопросам международного права сформирован Отдел по разрешению экономических споров, призванный заниматься урегулированием конфликтов в рамках ВТО и торгово-инвестиционных соглашений⁷.

На официальном сайте МИД и для тех, и для других структурных подразделений предлагается единообразный перевод – *division*. Однако, как представляется, японское сицу более соответствует английскому *chamber*, но в то же время в русскоязычной традиции подобные структурные единицы нередко называются бюро. Напрямую выраженные сведения о разнице в источниках отсутствуют, но исходя из перевода, можно предположить, что сицу меньше ка по количеству работников либо создаются под конкретную задачу, как, например, Бюро по разбирательствам в рамках международных судов⁸.

В пресс-релизе о создании ранее упомянутого Отдела по разрешению экономических споров можно заметить, что в Управлении по экономическим вопросам упраздняется аналогичная структурная единица сицу, существовавшая под эгидой ка, что подтверждает предположение о соотношении ка и сицу. Более того, упоминания о них встречаются только в Правилах функционирования структуры МИД. Функции малых структурных единиц описаны там же, также в документе предусматривается прикрепление к каждой малой структурной единице ответственных за координацию и планирование в количестве 1–2 человек.

После рассмотрения особенностей структуры Министерства уместно представить ее целиком. Возглавляет МИД, как правило, политический назначенец, обладающий значительным опытом на других постах. Так, министр Хаяси Ёсимаса (2021–2023) ранее дважды занимал должность министра культуры, дважды – сельского хозяйства, один раз обороны, а также пять раз избирался в Палату советников Японии. У него было два

⁶ 組織案内・所在地 [Организационная структура и отделения] // МИД Японии. 17.01.2022. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/sosiki/index.html> (дата обращения: 27.07.2023).

⁷ 経済局、国際法局及び総合外交政策局の組織改編等 [О структурных изменениях в Управлениях по экономическим вопросам, международному праву и внешней политике] // МИД Японии. 31.07.2020. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_008637.html (дата обращения: 27.07.2023).

⁸ 国際法局国際裁判対策室の設置 [Создание Бюро по разбирательствам в рамках международных судов в составе Управления по вопросам международного права] // МИД Японии. 10.04.2015. https://www.mofa.go.jp/mofaj/ila/ila/page24_000424.html (дата обращения: 27.07.2023).

старших парламентских заместителя и три парламентских заместителя, однако наибольший интерес представляет первый заместитель министра – карьерный дипломат, который и направляет работу аппарата министерства. По состоянию на июль 2023 г. это был Мори Такэо, в прошлом занимавший крупные посты в посольствах страны в США и Германии, возглавлявший отделы различных управлений и ведавший вопросами участия Японии в соглашении о Транстихоокеанском партнерстве. Имеются также посты двух заместителей по политическим и экономическим вопросам (они занимаются переговорами). Под эгидой министра работают два консультативных совета 審議会 (*сингикай*): по культурным обменов и кадровой политике, а также центр повышения квалификации. Ответственность за принятие текущих управленческих решений лежит на начальниках управлений 局長 (*кёкутё:*) и начальниках отделов 課長 (*катё:*), поскольку, как уже отмечалось, основная работа происходит именно на уровне *ка*, которые и составляют костяк структуры *кёку* и *бу* (таб. 1). Министру также подчинены японские загранучреждения.

Таблица 1. Территориальные и функциональные подразделения МИД Японии

Территориальные подразделения	Функциональные подразделения
• Управление Азиатско-Тихоокеанского региона ○ Департамент Юго-Восточной и Юго-Западной Азии • Управление Северной Америки • Управление Центральной и Южной Америки • Управление Европы • Управление Ближнего Востока и Африки ○ Департамент Африки	• Секретариат Министерства ○ Директор по бюджетно-финансовым вопросам ○ Глава протокола ○ Директор по вопросам прессы ○ Директор по вопросам культурных обменов • Управление внешней политики ○ Департамент разоружения, нераспространения и науки • Управление по экономическим вопросам • Управление международного сотрудничества • Управление по вопросам международного права • Консульское управление • Управление информации и анализа

Составлено по: 組織案内・所在地 [Организационная структура и отделения] // МИД Японии. 17.01.2022. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/sosiki/index.html> (дата обращения: 27.07.2023).

Закон о государственных служащих, закон о статусе дипломатических работников

Два указанных закона находятся в тесной связке друг с другом. Рамочный закон о государственных служащих определяет принципы организации работы госслужащих (в том числе и служащих МИД), вопросы найма и увольнения, оплаты труда, проведения экзаменов для поступления на государственную службу⁹. В нем заложен основополагающий

⁹ 国家公務員法 [Закон о государственных служащих] от 1947 г. №120 (ред. 01.04.2023) // E-Gov. https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=322AC0000000120_20210901_503AC00000000036 (дата обращения: 27.07.2023).

меритократический принцип японской государственной службы: прием на работу и продвижение по службе осуществляются по итогам прохождения экзаменов и оценки навыков и способностей, а не на основе происхождения, пола, взглядов или других подобных характеристик.

Сдача квалификационных экзаменов – это первый шаг к поступлению на японскую государственную службу. Испытания проводятся по нескольким уровням, в зависимости от сложности работы, на которую претендует кандидат. Применительно к МИД – это карьерные дипломаты, дипломаты-специалисты, административно-технические работники.

Экзамены проходят ежегодно для соискателей в возрасте от 21 до 30 лет или моложе, при условии, что такие соискатели оканчивают университет в следующем году либо их квалификация может быть признана достаточной. В соответствии с провозглашенным в законе принципом равенства возможностей отдельно подчеркивается, что название института, который окончил соискатель, не влияет на возможность участвовать в конкурсе. Количество испытаний и их сложность также отвечают принципам отбора, заложенным в законе о государственных служащих.

Карьерные дипломаты¹⁰, которые относятся к высшему классу 総合職 (*со:го:сёку*) «широких специалистов», имеют шансы занять самые высокие должности в министерстве благодаря своим выдающимся аналитическим и организаторским способностям. Экзамен для карьерных дипломатов состоит из двух этапов (по итогам первого этапа предусмотрен промежуточный отсев) и проверяет как общие способности, необходимые для госслужащих (такие как понимание текста, умение работать с числами, знание текущих событий), так и знания кандидатов по их специальности. С участниками конкурса также проводят групповые испытания и индивидуальные интервью. Есть требования к знанию иностранных языков¹¹. На 2023 г. в Министерстве было запланировано принять на работу по классу «широких специалистов» 30 человек¹².

Дипломаты-специалисты 専門職 (*сэммонсёку*) составляют костяк сотрудников, работающих по конкретным странам и регионам или отдельным международным проблемам. Первый этап испытания состоит из двухчасовых экзаменов по международному праву и праву или экономике, написания эссе, теста на проверку базовых способностей и двустороннего письменного перевода (один из 23 языков на выбор, включая русский). Прошедших первый этап ожидает устное собеседование на иностранном языке, личное и групповое интервью и проверка здоровья. На конкурс 2023 г. было вынесено около 50 мест¹³.

¹⁰ Здесь и далее под карьерными имеются в виду дипломаты, которые строили свою карьеру в рамках МИД, в отличие от т.н. политических назначенцев, которые, как ясно из названия, получают высокие назначения по решению политического руководства страны. Это не означает, что дипломаты-специалисты не являются по своей сути карьерными дипломатами; в контексте дипломатической службы Японии их карьерный трек редко подразумевает руководящие должности, даже на уровне начальника отдела. В то же время переход между треками *со:го:сёку* и *сэммонсёку* практикуется редко, хотя теоретически возможен при условии достижения высоких показателей в работе и прохождения специального отбора.

¹¹ 国家公務員採用 総合職試験 (院卒者試験・大卒程度試験) 受験案内 [Прием на работу госслужащих по классу широких специалистов: испытания для выпускников бакалавриата и магистратуры] // Государственное бюро по кадрам. 2023. https://www.jinji.go.jp/saiyo/siken/jyukennannnai/jyukennannnai_sougousyoku.pdf (дата обращения: 27.07.2023).

¹² 総合職試験 府省等別採用予定数 (2023年度採用) [План по набору в министерства и ведомства по классу «широких специалистов» на 2023 финансовый год] // Национальная кадровая служба. 2022. <https://www.jinji.go.jp/saiyo/saiyo/sougou/2022sougousyokufusyoubetusaiyouyoteisuu.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

¹³ 2023年度 外務省専門職員採用試験案内 [Вступительные испытания для устраивающихся на работу по классу специалистов в 2023 финансовом году] // МИД Японии. 2023. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100462452.pdf> (дата обращения: 27.07.2023).

Экзамены на замещение должностей административно-технического персонала 一般職 (*иппансёку*) также проходят в два этапа и включают в себя проверку способностей кандидатов к точному выполнению соответствующих обязанностей, личное интервью и медицинское освидетельствование¹⁴.

Стоит отметить, что участие в конкурсе на замещение должностей «широких специалистов» и административно-технического персонала не гарантирует устройства на работу в желаемое ведомство, в том числе в МИД. Дело в том, что конкурс и соответствующие экзамены проводятся Национальной кадровой службой, которая только удостоверяет знания и компетенции кандидатов, после чего кандидаты должны обратиться в интересующие их министерства для прохождения собеседований¹⁵. Экзамены на должности специалистов проводят сами ведомства в соответствии с собственными запросами, что означает гарантированный прием на желаемую работу в случае успешного прохождения испытаний.

Сложность экзаменов и высокая конкуренция традиционно ставят в лучшее положение выпускников ведущих японских вузов, в первую очередь Токийского университета. В японском языке даже есть для обозначения его выпускников, занимающих лучшие должности японской государственной службы. Их называют «группировкой выпускников Токийского университета» 東大閥 (*то:дайбацу*). В июле 2023 г. Вестник Токийского университета выпустил материал, из которого следует, что в 2022 г. только в МИД Японии устроились 19 выпускников бакалавриата (это было наиболее популярное направление государственной службы среди выпускников) и 5 – магистратуры (при общем наборе на должности «широких специалистов» в 30 человек)¹⁶. Дело здесь не в имени учебного заведения, а в том, что в лучшие вузы изначально попадают наиболее подготовленные выпускники, преимущество которых перед остальными по итогам обучения в университете только укрепляется. Это обуславливает элитарность государственной службы, в том числе дипломатической.

Оплата труда государственных служащих производится в соответствии с утвержденными таблицами, отражающими отрасль государственной службы, категорию и стаж работы. Таблица для сотрудников МИД предполагает восемь категорий¹⁷, по которым они и подразделяются внутри Министерства (от первой до восьмой). Однако в посольствах за рубежом, в соответствии с законом о статусе дипломатических работников, они разделяются на ранги в соответствии с международной практикой, а именно: атташе, третий секретарь и так далее. Для сотрудников, находящихся в загранучреждениях, отдельным актом предусматриваются дополнительные надбавки за выслугу лет¹⁸.

Закон о статусе дипломатических работников¹⁹ в известной степени высвечивает проблемы, отмеченные А.Н. Пановым в его работах относительно продвижения по должности сотрудников,

¹⁴ 国家公務員採用一般職試験 受験案内 [Прием на должности административно-технического персонала госслужбы: вступительные испытания] // Национальная кадровая служба. 2023. https://www.jinji.go.jp/saiyo/siken/jyukennannnai/jyukennannnai_kousotsusya.pdf (дата обращения: 27.07.2023).

¹⁵ 国家公務員の紹介 [О государственной службе] // Национальная кадровая служба. 2023. <https://www.jinji.go.jp/saiyo/syokai/syokai.html> (дата обращения: 14.11.2023).

¹⁶ 【23卒東大生就職状況】学部生首位は3年連続楽天 院生は2年連続アクセンチュアがトップへ [Ситуация с трудоустройством выпускников 2023 года: среди бакалавров 3 года подряд лидирует компания «Ракутэн», среди выпускников магистратуры второй год на первом месте компания Accenture] // Тодай симбун онлайн. 26.07.2023. https://www.todaishimbun.org/shuushokusaki_20230725/ (дата обращения: 14.11.2023).

¹⁷ 一般職の職員の給与に関する法律 (Закон «Об оплате труда») от 1950 г. №915 (ред. 01.04.2021) // E-Gov. – URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=325AC1000000095> (дата обращения: 14.11.2023).

¹⁸ 在勤基本手当の号の適用に関する規則 [Правила применения надбавки к зарплате за выслугу лет для сотрудников загранучреждений] от 1987 г. №6 (ред. 2014 г.) // E-Gov. <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=362M50000020006> (дата обращения: 14.11.2023).

¹⁹ 外務公務員法 [Закон о статусе дипломатических работников] от 1952 г. №411 (ред. 17.06.2022 г.) // E-Gov. <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=327AC0000000041> (дата обращения: 27.07.2023).

не относящихся к карьерным дипломатам. В ходе последней крупной правительственной реформы, прошедшей в 2002 г., ставилась задача повысить количество послов и чиновников высоких категорий, не относящихся к карьерным дипломатам (чей карьерный трек изначально предполагает в перспективе высшие руководящие должности), и подчеркивалось, что без развития потенциала сотрудников других двух категорий никакая реформа не может быть успешной²⁰. Однако, как представляется, она так и не была выполнена, притом что закон о статусе дипломатических работников гарантирует сотрудникам Министерства право на самореализацию и совершенствование профессиональных навыков, а закон о государственных служащих, как упоминалось, предполагает меритократический принцип набора на государственную службу.

Три карьерных трека, тем не менее, по-прежнему существуют, а мобильность между ними ограничена. Проект реформы МИД содержал схемы карьерного пути работников этих трех категорий²¹. Из них следует, что у сотрудников, которые сейчас называются «широкими специалистами», развитие карьеры линейно, содержит меньше этапов и приводит к высшим должностям (руководящие должности в министерстве 幹部 *камбу*, посол, генеральный консул, посланник, советник). Для дипломатов-специалистов предусмотрена значительная вариативность, и по итогам отборов и оценок результативности работы пиком их карьеры может быть как должность средней руки, так и должность (в лучшем случае) посла или генконсула, начальника отдела. Проект реформы в связи с этим предполагал ликвидацию практики автоматического повышения «широких специалистов» и более активное продвижение по службе дипломатов-специалистов²².

Между тем современные материалы Министерства показывают, что разница в скорости карьерного роста по-прежнему есть, и заметная. К примеру, в брошюре 2023 г., посвящённой «широким специалистам», есть интервью женщины – советника начальника отдела (課長補佐官 *катё: хосакан*), которой потребовалось 12 лет, чтобы достичь этой должности²³; до аналогичной должности сотрудница из категории дипломатов-специалистов дослужилась за 23 года (с учетом трехлетнего декретного отпуска)²⁴. Карьерный дипломат получил должность советника посольства (参事官 *сандзикан*) в США за 17 лет²⁵, а дипломат-специалист стал советником посольства в Бангладеш после 25 лет службы²⁶.

Смягчить остроту проблемы было призвано, среди прочего, изменение названий классов. В 2008 г. был принят базовый закон о реформе государственной службы²⁷, в соответствии с которым с 2012 г. сотрудников класса «карьерных дипломатов» стали называть не 一種 (*иссю*), что означает «первый класс», а *со:го:сёку* (широкие специалисты)²⁸. Едва

²⁰ 「変えよう! 変わろう! 外務省」提言と報告 – 「内からの改革」スタート – [«Будем менять! Будем меняться! МИД»: объявление и официальная информация – начало «перемен изнутри»] // МИД Японии. 12.07.2002. https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/kai_genjo/kk/kk.html (дата обращения: 27.07.2023).

²¹ 入省時の試験区分毎のキャリア・パス (異動・昇進コース) [Карьерный путь сотрудников разных категорий при поступлении на работу в МИД] // МИД Японии. 21.08.2002. https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/kai_genjo/actpln/betten2.html (дата обращения: 14.11.2023).

²² 外務省改革「行動計画」 [План действий по реформе МИД] // МИД Японии. 21.08.2002. https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/kai_genjo/actpln/kodo.html (дата обращения: 14.11.2023).

²³ 「総合職 (旧 I 種) 採用案内」 [Путеводитель по трудоустройству по классу «широких специалистов»] // МИД Японии. 2023. С. 7. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000463910.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

²⁴ 「専門職員採用案内」 [Путеводитель по трудоустройству по классу дипломатов-специалистов] // МИД Японии. 2022. С. 16. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000346914.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

²⁵ Путеводитель по трудоустройству по классу «широких специалистов». С. 21.

²⁶ Путеводитель по трудоустройству по классу дипломатов-специалистов. С. 17.

²⁷ 国家公務員制度改革基本法 [Базовый закон о реформе государственной службы] от 2008 г. №68 (ред. 01.08.2015 г.) // E-Gov. <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=420AC00000000068> (дата обращения: 14.11.2023).

²⁸ 平成24年度から国家公務員採用試験が変わります! [С 2012 фин. года меняется система экзаменов для замещения должностей государственной службы!] // Национальная кадровая служба. <https://www.jinji.go.jp/saiyo/syokai/pamphlet.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

ли, однако, такой шаг снимает вопросы к элитарности и ригидности кадровой структуры японского МИД.

Вместе с тем в процедуре набора кадров прослеживаются и новые тенденции. Так, Министерство с 2022 г. набирает на работу сотрудников со знанием информационно-коммуникационных технологий, электроники и высоких технологий, которые будут заниматься вопросами цифровой трансформации МИД, его информационной безопасности и цифровых платформ, необходимых для осуществления дипломатической деятельности²⁹. МИД также набирает сотрудников с опытом в области, например, цифровой торговли на основе срочного трудового договора с возможностью корректировки его сроков³⁰.

Общее количество сотрудников Министерства возрастает. С 2013 по 2023 г. оно увеличилось на 850 человек, составив, согласно проекту бюджета на 2023 г., 6 604 человека³¹, что даже несколько превышает потолок, установленный законом «О штатах административных учреждений»³². В сравнении с другими крупными государствами, однако, это весьма низкий показатель, что признают и составители бюджета Министерства. В 2022 г., по данным японского МИД, в Германии количество сотрудников составляло 7 380 человек, во Франции – 8 766, в Великобритании – 7 471, в КНР – 9 000, в России – 11 771, а в США – 29 954. Принимая во внимание особенности японской трудовой дисциплины, неизбежно предполагающей массовые переработки, а также материалы специальной группы по улучшению рабочей обстановки в МИД Японии, опубликованные в 2010 г., где переработки напрямую связывали с излишней нагрузкой на работника³³ (то есть фактически речь шла о нехватке кадров), стоит вопрос об адекватности численности штата ведомства стоящим перед ним задачам.

Он видится особенно острым, если учесть, что в 2010 г. в МИД работало 5 703 человека³⁴, – иными словами, за 12 лет штат вырос всего на 800 человек. Нынешняя численность считается недостаточной и по мнению экспертов, и политического руководства страны: так, правительство Японии планирует для целей дальнейшего наращивания дипломатической активности к 2030 г. увеличить количество сотрудников внешнеполитического ведомства на 20% и вывести его на уровень Великобритании и Франции³⁵. Эксперты отмечают, что нехватка кадров усугубляется и оттоком молодых людей в частные компании и за рубеж,

²⁹ 国家公務員採用一般職試験（大卒程度試験）技術系区分からの採用（情報通信業務）[Набор на государственную службу выпускников вузов, выдержавших экзамены по технологическим специальностям, для работы в сфере ИКТ] // МИД Японии. 19.07.2023. https://www.mofa.go.jp/mofaj/ms/prs/page23_003446.html (дата обращения: 27.07.2023).

³⁰ 任期付外務省職員の募集（サービス貿易室（デジタル貿易及びデジタル経済分野））[Вакансия для работы в МИД по срочному договору (Бюро по торговле услугами, цифровая торговля и цифровая экономика)] // МИД Японии. 01.04.2022. URL: https://web.archive.org/web/20220405162054/https://www.mofa.go.jp/mofaj/ecm/st/page22_003662.html (дата обращения: 27.07.2023).

³¹ 令和5年度予算の概要 [Основные параметры бюджета на 2023 финансовый год] // МИД Японии. 2022. С. 10. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100439136.pdf> (дата обращения: 27.07.2023).

³² 行政機関職員定員令 [Закон о штатах административных учреждений] от 1969 г. №121 (ред. 01.04.2023 г.) // E-Gov. <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=344CO0000000121> (дата обращения: 27.07.2023).

³³ 外務省勤務環境改善のための具体的改善策 [Конкретные предложения по улучшению рабочей атмосферы в МИД] // МИД Японии. 06.2010. https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/shocho/pdfs/josei_teigen.pdf (дата обращения: 27.07.2023).

³⁴ 2010年外交青書 [Голубая книга по дипломатии за 2010 год] // МИД Японии. 09.2010. https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2010/html/chapter4/chapter4_01_01.html (дата обращения: 27.07.2023).

³⁵ 外交官を30年に2割増目標 政府、英仏並み8000人に [Правительство нацелено увеличить численность дипломатических работников на 20% до 2030 года и довести его до 8 тысяч человек – показателя Франции и Великобритании] // Никкэй симбун. 28.06.2023. <https://www.nikkei.com/article/DGKKZO72280240X20C23A6PD0000/> (дата обращения: 14.11.2023).

и недовольством молодых кадров условиями работы, в результате чего они покидают госслужбу³⁶.

Особенности структуры МИД Японии на современном этапе

Как уже отмечалось, в структуре МИД Японии основной вклад в повседневную работу ведомства вносят малые подразделения – отделы (*ка*) и бюро (*сицу*), из которых состоят функциональные и территориальные управления (*кёку*) и департаменты (*бу*). Японские загранучреждения также являются неотъемлемой частью организационной структуры министерства.

Рамочная структура МИД Японии, в сравнении, например, с российской, включающей в себя 39 департаментов, может на первый взгляд показаться весьма компактной, однако она с лихвой компенсируется наличием значительного числа отделов. Как представляется, количество отделов и возложенные на них функции отражают современные приоритеты японской дипломатии. В приведенной таблице (таб. 2) приведено количество малых подразделений в управлениях и департаментах МИД Японии. После таблицы приводится описание функционала этих подразделений в территориальных и функциональных департаментах.

Таблица 2. Количество малых подразделений в управлениях и департаментах

Управление, департамент	Количество подразделений
Секретариат Министерства	19 + архив и библиотека МИД
Директор по финансово-бюджетным вопросам	1
Директор по вопросам прессы	7
Директор по вопросам культурных обменов	5
Управление внешней политики	13 + Центр по найму в международные организации
Департамент разоружения, нераспространения и науки	6
Управление по экономическим вопросам	11
Управление международного сотрудничества	10
Совет по решению глобальных проблем	5
Управление по вопросам международного права	7
Консульское управление	11
Управление информации и анализа	4
Управление АТР	6
Департамент Юго-Восточной и Юго-Западной Азии	3
Управление Северной Америки	4
Управление Центральной и Южной Америки	3
Управление Европы	9 (4 посвящены работе с Россией)
Управление БВ и Африки	2
Департамент Африки	2

Составлено по: 組織案内・所在地 [Организационная структура и отделения] // МИД Японии. 17.01.2022. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/sosiki/index.html> (дата обращения: 27.07.2023).

³⁶ 日本の「人材難・人手不足」を解消するために必要なこと [Что нужно для ликвидации дефицита кадров в Японии] // Yahoo News. 16.07.2023. <https://news.yahoo.co.jp/articles/41229c8f5131afd7f99c93b52d461855c1d6f1b1> (дата обращения: 14.11.2023).

Территориальные управления организованы, в основном, по группам стран и региональным организациям. Например, в Управление АТР входят два отдела Северо-Восточной Азии (для КНДР и РК), два отдела КНР и Монголии (по вопросам политического и экономического взаимодействия), отдел Океании и отдел региональной политики, занятый работами в рамках АСЕАН и АСЕАН+3, а также экономическими вопросами.

Управление Северной Америки включает в себя два отдела Северной Америки – для отношений с США и Канадой и для экономических вопросов – а также отдел по вопросам Договора безопасности и бюро по вопросам размещения американских войск в Японии.

Управление Европы подразделяется на девять департаментов, среди которых три страновых (отделы Западной Европы и ЦЮВЕ, бюро по отношениям со странами Центральной Азии и Закавказья), два посвящены отношениям с ЕС (отдел) и взаимодействию в рамках АСЕМ (бюро), а четыре – вопросам взаимодействия с Россией (отдел по дипломатическим отношениям, бюро по экономическим отношениям, обменам и вопросам взаимодействия по Курильским островам).

Управление менее приоритетной Центральной и Южной Америки содержит в составе два отдела по группам стран, бюро для стран Карибского бассейна и бюро по взаимодействию с представителями японской диаспоры в регионе. В состав Управления по Ближнему и Среднему Востоку и Африке входят два отдела Ближнего и Среднего Востока по группам стран. Африка представлена департаментом (бу), разделенным по группам стран на два отдела (вопросы функционирования формата ТИКАД и взаимодействия с Африканским союзом переданы в ведение Первого отдела Африки). В то время как Япония слабо представлена на Ближнем и Среднем Востоке, выделение Африки в отдельное подразделение в рамках управления соответствует растущей важности этого континента как географического вектора внешней политики Японии.

Таким образом, в АТР усилия Японии сконцентрированы на развитии взаимодействия с АСЕАН и КНР, решении проблем северокорейской ракетной угрозы и территориального конфликта с РК (притом ими заняты разные люди). На американском направлении важное место занимают вопросы взаимодействия в рамках японо-американского альянса. В Европе Японию интересуют проблемы взаимодействия с ЕС и поддержания форума АСЕМ, который представляет важный кластер мирового экономического потенциала, а также вопросы взаимодействия с Россией – важным поставщиком энергетических ресурсов и оппонентом в территориальном споре. После начала СВО на Украине Россия стала восприниматься как источник угроз в области региональной и глобальной безопасности.

Что касается отделов и бюро в функциональных управлениях и департаментах, анализ их структуры подтверждает высказанный в предыдущем разделе тезис о том, что они могут являться гибким ответом на изменения в международной, а подчас и внутривнутриполитической, обстановке. Среди весьма стандартных подразделений Управления внешней политики можно заметить Бюро по санкциям ООН и Бюро по продвижению женщин³⁷; первый был создан в 2018 г. с упором на контроль за исполнением санкций, введенных ООН, прежде всего в отношении КНДР, а второй – в 2014 г. как ответ на политику тогдашнего премьера Абэ по созданию *女性が輝く社会* (*Дзёсэй-га кагаяку сякай*), «Общества, в котором женщины сияют», или общества, в котором женщины имеют равные с мужчинами возможности для реализации своего потенциала (как личностного, так и профессионального) и получают равное с ними вознаграждение за свой труд. Находящийся под эгидой Управления департамент включает в себя Бюро по международному научному сотрудничеству³⁸ –

³⁷ 総合外交政策局 [Управление внешней политики] // МИД Японии. 03.02.2023. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/sosiki/sogo.html> (дата обращения: 27.07.2023).

³⁸ 軍縮不拡散・科学部 [Департамент разоружения, нераспространения и науки] // МИД Японии. 13.08.2019. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/sosiki/gunbi.html> (дата обращения: 27.07.2023).

важный элемент научной дипломатии, которая в последние годы становится все более заметной.

В 2015 г. в составе Управления по вопросам международного права было создано Бюро по обеспечению деятельности Японии в международных судах. Это событие выпало на активную фазу разбирательства между Филиппинами и КНР в Международном суде ООН по вопросу спорных территорий в Южно-Китайском море (ЮКМ). Цель создания нового подразделения – накопление знаний и укрепление потенциала Министерства для участия в разбирательствах под эгидой Международного суда ООН³⁹. Администрация Абэ начала постулировать в стратегических документах как часть концепции «проактивного пацифизма» приверженность «общим ценностям», включая и верховенство права, в том числе в отношении морских пространств, и еще до создания означенного бюро отмечала риски действий Китая в ЮКМ⁴⁰.

Решение Международного трибунала, принятое в 2016 г., в Китае отвергли, однако Абэ в ходе переговоров с китайской стороной летом того же года призывал исполнить решение Суда, ссылаясь на важность мирного разрешения конфликтов и поддержания верховенства права⁴¹. Аналитики полагают, что отказ КНР признать вынесенное решение только усилил опасения японского руководства относительно перспектив мирного разрешения уже японских споров с Пекином и тем самым вынудил Токио еще более активно выступать в поддержку «общих ценностей» и принципов верховенства права [Koga 2020, p. 56].

Учитывая хроническую недоукомплектованность штата, возникает вопрос, насколько эффективна с точки зрения использования трудовых ресурсов столь разветвленная система отделов. С одной стороны, обилие отделов и бюро предоставляет широкие возможности для горизонтальной ротации. Положительным моментом также является и гибкость такой структуры, когда отделы и бюро могут быть переназначены, упразднены или созданы с нуля в зависимости от ситуации.

С другой стороны, неясно, снижает ли уровень трудовой нагрузки такое мелкое дробление или оборачивается чрезмерной и неравномерной нагрузкой для крайне ограниченного числа сотрудников в каждом отделе и бюро. Японские СМИ, к примеру, отмечают, что ситуация на Украине привела к тому, что дипломаты, работающие на европейском направлении, перегружены больше, чем обычно, а для обеспечения японской внешнеполитической линии по украинскому вопросу в отдел Восточной Европы пришлось перебрасывать персонал из других отделов и бюро⁴². Поскольку у каждой структурной единицы должен быть координатор или ответственный за планирование, это означает также возложение дополнительных обязанностей на сотрудников или их перераспределение на соответствующие должности с других фронтов работы.

Руководство страны осознает проблему и ищет возможности для расширения штатов. В апреле 2023 г. на заседании комитета ЛДП по международным делам было принято решение о необходимости увеличивать штат, расширять консульский аппарат и далее наращивать дипломатическую активность. Отмечается и необходимость улучшать условия труда, уровень

³⁹ 国際法局国際裁判対策室の設置 [О создании Бюро по разбирательствам в рамках международных судов] // МИД Японии. 10.04.2015. https://www.mofa.go.jp/mofaj/ila/ila/page24_000424.html (дата обращения: 27.07.2023).

⁴⁰ О Стратегии национальной безопасности Японии. С. 7–8.

⁴¹ 日中首脳会談 [Японо-китайский саммит] // МИД Японии. 15.07.2016. https://www.mofa.go.jp/mofaj/a_o/c_m1/cn/page4_002181.html (дата обращения: 27.07.2023).

⁴² 石崎直人 [Исидзаки Наото]. 外務省「働き方改革」ピンチに ウクライナ対応で業務急増 [«Реформа занятости» в МИД сталкивается с проблемами: в связи с ситуацией на Украине растет нагрузка на работников] // Йомиури симбун онлайн. 12.04.2022. <https://www.yomiuri.co.jp/politics/20220412-OYT1T50063/> (дата обращения: 27.07.2023).

оплаты. Среди причин – сложная международная обстановка⁴³. В духе настоящего момента МИД Японии объявил и о внедрении технологий искусственного интеллекта (ИИ) в информационно-аналитическую работу⁴⁴. Пока что, впрочем, неясно, поможет ли ИИ разгрузить штаты и будет ли эффективен, поскольку технологии находятся в стадии тестирования.

Представительства Японии за рубежом

Закон «Об учреждении МИД» определяет пять типов японских дипломатических представительств за рубежом. На практике Япония располагает представительствами только трех типов: посольства, генеральные консульства и правительственные представительства, они же миссии и представительства при международных организациях.

В 2014 г. в МИД была принята Стратегия обустройства японских дипломатических представительств⁴⁵. В ней говорилось, что в условиях усложняющейся международной обстановки и диверсификации направлений дипломатии, в интересах развития концепции 地球儀を俯瞰する外交 (*тикю:ги-о фукан суру гайко:*), или «панорамной дипломатии», и поддержки личностной дипломатии необходимо наращивать японский дипломатический потенциал, в том числе посредством наращивания штата и расширения сети японских дипломатических и консульских представительств. Была признана необходимость ускоренного достижения поставленной еще в 2007 г. задачи довести количество дипломатических представительств до 150 (на тот момент Япония имела дипломатические сношения со 193 государствами, на конец 2014 г. функционировало 139 посольств, а с остальными странами сношения поддерживались через посольства по совместительству).

В качестве основы для решения об открытии представительств в новых странах в приведенном выше документе предлагается учитывать, прежде всего, важность для японских интересов двусторонних отношений с конкретной страной, состояние внешней торговли и инвестиций, количество проживающих в стране японских граждан и действующих там японских предприятий. В качестве факторов принятия решения указывают: важность страны для обеспечения японской национальной безопасности и степень восприятия японских стратегических заявлений ее руководством, потенциал для экономической и энергетической дипломатии, уровень влияния страны на международной арене и наличие в стране представительств других крупных международных игроков.

Подходы в части определения факторов, обуславливающих для японского руководства необходимость открытия дипломатических представительств в отдельных странах, за прошедшие десятилетия не изменились. Характеризуя эти факторы, А.Н. Панов ранее писал о «комплексной мощи» (влиянии на международной арене) целевых стран-партнеров, которая ложилась в основу решения о выведении дипломатических и консульских сношений на новый уровень, а также степени развития двусторонних отношений с Японией [Панов 1989, с. 46]. Стратегия 2014 г. предлагает точно такую же логику.

⁴³ 領事体制の強化要請、定員増やODA拡充 自民部会決議案 [Проект решения комитета ЛДП: Необходимо укреплять консульскую службу, увеличивать количество персонала и расширять ОПР] // Нихон кэйдзай симбун. 25.04.2023. <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA252A70V20C23A4000000/> (дата обращения: 27.07.2023).

⁴⁴ 【独自】海外の情勢不安を早期察知へ、ネット情報をAI解析…外務省が来年にも運用開始 [МИД уже в следующем году начнет использовать анализ информации в интернете с помощью ИИ для более быстрого реагирования на нестабильность за рубежом] // Йомиури симбун. 06.04.2022. <https://www.yomiuri.co.jp/politics/20220406-OYT1T50109/> (дата обращения: 27.07.2023).

⁴⁵ 在外公館の整備方針 [Стратегия обустройства дипломатических представительств] // МИД Японии. 08.2014. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000350752.pdf> (дата обращения: 27.07.2023).

Японии удалось выполнить поставленную задачу к 2018 г., когда с 1 января открылось 150-е посольство. Анализ списка стран, в которых в 2014–2022 гг. были открыты посольства, как минимум с официальной точки зрения японского МИД отвечает предложенным критериям. Во всех случаях также указывается, что на открытие посольства и отправку посла был официальный запрос от государства.

Так, с 1 января 2015 г. открывались посольства на Маршалловых островах, в Армении и Намибии (учтены в стратегии). Маршалловы острова названы важным пунктом системы морских коммуникаций и источником морских ресурсов. Интерес к Армении обусловлен богатыми запасами молибдена, развитием IT-индустрии и нереализованным экономическим потенциалом. К Намибии – ее ресурсно-энергетическим потенциалом⁴⁶.

С начала 2016 г. учреждались посольства на Мальдивах, Соломоновых островах, Барбадосе, в Таджикистане, Туркменистане и Молдове. Подчеркивалось геополитическое значение Мальдив как важного пункта морских коммуникаций в Индийском океане. Соломоновы острова названы важными с точки зрения рыбных и минеральных ресурсов, а также продолжения совместных работ по эксгумации и перезахоронению павших японских солдат. Барбадос – важный игрок в Карибском регионе. В центральноазиатских республиках Японию интересует поддержание стабильности и борьба с новыми вызовами в приграничной с Афганистаном зоне. Молдова представлена стратегически важным игроком в контексте отношений России и ЕС, а также страной, находящейся на пути демократизации и маркетизации⁴⁷.

С января 2017 г. начали работу посольства в Самоа, Албании, Северной Македонии (тогда – БЮР Македония) и на Маврикий. Самоа – государство с самым многочисленным населением в Полинезии, является получателем международной помощи и отличается положительным восприятием японских нарративов. Албания названа «ключом к стабильности и развитию Европы», сделано упоминание о богатых ресурсах. Находившаяся в тот момент на пути в НАТО Северная Македония была сочтена важной с точки зрения усиления кооперации Японии с ЕС и НАТО. Маврикий – благоприятная для ведения бизнеса страна с экономическим потенциалом сотрудничества⁴⁸.

С 2018 г. начало работу посольство на Кипре⁴⁹, с 2020 – в Вануату⁵⁰, а с 2021 – на Гаити⁵¹. С 2018 г. статус главы японской миссии в Белоруссии был повышен до уровня чрезвычайного и полномочного посла (с 1993 г. Япония была представлена в стране на уровне посланника)⁵². МИД не предлагает мотивировки открытия посольств в этих странах, однако и здесь мотивы должны быть примерно одинаковыми. Что касается посольств в Европе, то Кипр является важной страной с точки зрения членства в ЕС, а посольство в Минске может быть необходимо для сбора и анализа информации, в том числе относительно действий России в Европе. Вануату – бедное государство, получатель японской помощи. Гаити является крупным

⁴⁶ 我が国在外公館の新規開設 [Об открытии новых представительств Японии за рубежом] // МИД Японии. 26.12.2014. https://warp.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11454275/www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_001614.html (дата обращения: 27.07.2023).

⁴⁷ 我が国在外公館の新規開設 [Об открытии новых представительств Японии за рубежом] // МИД Японии. 28.12.2015. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press1_000100.html (дата обращения: 27.07.2023).

⁴⁸ 我が国在外公館の新規開設 [Об открытии новых представительств Японии за рубежом] // МИД Японии. 28.12.2016. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_004119.html (дата обращения: 27.07.2023).

⁴⁹ 我が国在外公館等の新規開設 [Об открытии новых представительств Японии за рубежом] // МИД Японии. 28.12.2017. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_005482.html (дата обращения: 14.11.2023).

⁵⁰ 我が国在外公館等の新規開設 [Об открытии новых представительств Японии за рубежом] // МИД Японии. 27.12.2019. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press4_008198.html (дата обращения: 14.11.2023).

⁵¹ 我が国在外公館等の新規開設 [Об открытии новых представительств Японии за рубежом] // МИД Японии. 28.12.2020. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/press22_000129.html (дата обращения: 14.11.2023).

⁵² 政治関係 [Политические отношения] // Посольство Республики Беларусь в Японии. https://japan.mfa.gov.by/ja/bilateral_relations/ (дата обращения: 14.11.2023).

получателем международной помощи, в том числе японской, туда раньше направлялись японские миротворческие силы.

Открытие новых дипломатических представительств в 13 странах и сопровождавшие его официальные мотивы позволяют заключить, что Япония не только на словах, но и на деле проводит внешнюю политику, основанную на значительной роли экономической и ресурсной дипломатии. Для целей этой внешней политики была принята Стратегия обустройства японских дипломатических представительств, подходы которой показывают полную преемственность с прежними подходами в отношении дипломатических сношений. Расширение дипломатического присутствия в мире служит и целям дальнейшего продвижения ценностной повестки, заявленной в доктринальных документах (в 2023 г. связка между расширением дипломатического присутствия и увеличением количества стран, разделяющих «общие ценности», была подтверждена на официальном уровне⁵³).

Структура и функции японского посольства

Структура и численность японского посольства зависят от значимости страны пребывания для интересов Японии. А.Н. Панов отмечает, что для функционирования посольства минимально необходимое число сотрудников составляет 8, среди которых посол, советник по администрации, советник по экономике, советник по связям с общественностью, консул, а также административно-технические работники: связист, бухгалтер, дежурный комендант. При этом в малых посольствах работает в среднем 10 сотрудников, а в крупных (США, Великобритания, КНР, Россия, Республика Корея) – от 50 до 100, из которых большая часть приходится именно на дипломатических работников [Панов 2015, с. 292–293].

Получить актуальные данные о численности достаточно сложно, так как численность работников заграничных учреждений отдельно по посольствам не публикуется. В отчете Министерства внутренних дел Японии за 2010 г. содержатся данные о количестве сотрудников в посольствах Хорватии, Азербайджана, Словакии, Словении, Восточного Тимора, Мозамбика и Анголы, и штатная численность сотрудников в каждом не превышала 13 человек, притом не во всех штат был заполнен до конца⁵⁴. По данным официального сайта МИД Японии, в 2022 г. в заграничных учреждениях (включая консульства и официальные представительства) работало около 3,5 тыс. человек⁵⁵, что составляет немногим больше половины всех сотрудников ведомства.

Данные о структуре посольств также официально практически не публикуются. На официальных сайтах посольств удалось найти три схемы структуры представительств в России, Мексике и на Маршалловых островах. Все они несколько отличаются, однако возможно выделить и сходства (таб. 3).

Структура японского посольства может быть адаптирована под местные условия или особенности двусторонних отношений. В странах с непростой криминогенной обстановкой может быть сформирован отдел, отвечающий за вопросы безопасности. Непростые эпидемиологические или просто сложные климатические условия могут требовать создания медицинского отдела. Факт получения государством пребывания заметных объемов помощи от Японии обуславливает создание отдела, ответственного за менеджмент такой помощи.

⁵³ Правительство нацелено увеличить численность дипломатических работников на 20% до 2030 г.

⁵⁴ 在外公館に関する行政評価・監視 資料 [Результаты оценок и инспекций заграничных представительств Японии. Приложение] // Министерство внутренних дел и коммуникаций Японии. 05.2010. с. 4. https://www.soumu.go.jp/main_content/000064692.pdf (дата обращения: 27.07.2023).

⁵⁵ Организационная структура и отделения.

**Таблица 3. Структура посольств Японии в России, Мексике
и на Маршалловых островах**

Россия	Мексика	Маршалловы острова
• Чрезвычайный и полномочный посол • Министр, заместитель главы миссии • Министр, глава канцелярии ○ Общий отдел ○ Политический отдел ○ Отдел по связям с парламентом ○ Военный отдел ○ Экономический отдел ○ Информационный отдел ○ Консульский отдел	• Чрезвычайный и полномочный посол • Министр, заместитель главы миссии • Министр, глава канцелярии ○ Политический отдел ○ Экономический отдел ○ Отдел связи ○ Бухгалтерия ○ Отдел безопасности ○ Медицинский советник ○ Консульский отдел ○ Информационно-культурный отдел	• Чрезвычайный и полномочный посол • Министр, заместитель главы миссии ○ Общий отдел ○ Секретариат ○ Политический отдел ○ Экономический отдел ○ Отдел по сотрудничеству в области развития ○ Информационно-культурный отдел ○ Консульский отдел ○ Отдел безопасности

Составлено по: 在ロシア大使館機構図 [Организационная структура Посольства Японии в России] // Посольство Японии в России. https://www.ru.emb-japan.go.jp/image/Embassy_structure_jp.jpg

大使館の組織図 [Организационная структура Посольства Японии в Мексике] // Посольство Японии в Мексике. 18.01.2017. https://www.mx.emb-japan.go.jp/itprtop_ja/00_000868.html;

組織概要 [Сведения об организационной структуре] // Посольство Японии на Маршалловых островах. 25.08.2016. https://www.mh.emb-japan.go.jp/itpr_ja/eoj_organization.html (дата обращения: 27.07.2023).

Военный атташе может быть нужен там, где есть отношения в военной сфере – это видно по России, с которой Япония ранее вела регулярные переговоры в формате 2+2 (министры иностранных дел и обороны) и которая является так или иначе важной для Японии страной и крупным соседом.

Представляют интерес особенности позиционирования Министерством функционала японских посольств. На официальной странице МИД⁵⁶ указано, что посольства представляют Японию в странах пребывания, проводят переговоры с руководством этих стран, занимаются сбором и анализом информации, проводят информационно-разъяснительную работу в интересах своей страны, а также делают «важную работу» по охране жизни и собственности своих граждан.

На странице представлено четыре направления: информационно-разъяснительная деятельность, защита японских граждан в стране пребывания, руководство Официальной помощью развитию, а также защита интеллектуальной собственности и поддержка японского бизнеса. Если первые два направления интуитивно понятны, то третье – ОПР – представляет собой важнейший столп японской внешней политики, а последнее, представляется, и отличает японское посольство от посольств других стран и являет серьезный функционал посольства в области экономической дипломатии.

Первый его элемент – это деятельность дипломатов, ответственных за защиту интеллектуальной собственности японских компаний. Защита интеллектуальной

⁵⁶ 在外公館の仕事 [Работа заграничных учреждений Японии] // МИД Японии. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/zaigai/shigoto.html> (дата обращения: 27.07.2023).

собственности – один из принципиальных вопросов современной внешнеэкономической деятельности. В случае Японии защита интеллектуальной собственности – это крайне важный элемент экономической дипломатии, что подтверждается также интересом страны к мегарегиональным торговым соглашениям – например, Транстихоокеанскому партнерству, в котором вопросам интеллектуальной собственности в торговле уделяется много внимания.

Ответственные за этот круг вопросов дипломаты прикреплены почти к каждому японскому посольству, и их работа заключается в консультировании, а в случае неспособности компаний самостоятельно защитить свои интересы в рамках закона – и прямой поддержке, вплоть до обращения от имени посольства в компетентные органы страны пребывания с просьбой провести справедливое разбирательство, установить обстоятельства и прекратить нарушение прав интеллектуальной собственности. Такие дипломаты также проводят семинары по защите прав интеллектуальной собственности в стране/регионе пребывания. Деятельность их осуществляется в сотрудничестве с Японской организацией внешней торговли JETRO⁵⁷. Сайт МИД Японии предлагает ознакомиться с четырьмя удачными примерами восстановления справедливости для японских компаний, определяющим фактором в которых стала поддержка посольств в Польше, Ираке, Гватемале и Турции⁵⁸.

Второй элемент – это деятельность посольств в рамках работы так называемого единого окна для выходящего на международные рынки японского бизнеса. В рамках поддержки выхода японских предприятий на рынки зарубежных стран МИД предлагает консультационные и информационные услуги о законодательстве целевых стран, правилах работы с местными чиновниками, предлагает юридическую защиту в случае официальных требований со стороны государственных органов в стране пребывания⁵⁹. На уровне практически всех посольств и ряда консульских учреждений созданы аналогичные «единые окна», в которые предлагается обращаться по максимально широкому ряду вопросов: от общих вопросов по законодательству и визовых аспектов до помощи в поиске профессиональных юристов и бухгалтеров; также через единое окно можно получить помощь в информационном сопровождении предприятий.

Таким образом, налицо внимание внешнеполитического руководства Японии к вопросам экономической дипломатии. Несмотря на наличие других институтов экономической дипломатии, таких как JETRO, японские загранучреждения не конкурируют с ними, а скорее интегрированы в одну систему, задача которой – обеспечить для японского бизнеса, выходящего за рубеж, максимально комфортные условия не только в крупных и развитых странах, но и в странах, где условия ведения бизнеса могут быть сложнее. Однако, как известно, высокие риски зачастую окупаются гораздо лучше.

Заключение

Нормативно-правовая основа, на которой зиждется японская дипломатия, состоит из пакета законов, приказов и сводов правил, многие из которых были приняты еще в середине прошлого века. Сформулированы они весьма широко и ограничиваются перечислением функций, целей и задач, раскрытием технических вопросов функционирования дипломатической службы как части государственной.

⁵⁷ 知的財産保護支援 [Поддержка в сфере защиты прав интеллектуальной собственности] // МИД Японии. 06.04.2023. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/zaigai/chiteki/index.html> (дата обращения: 27.07.2023).

⁵⁸ 在外公館における取組事例 [Примеры деятельности загранучреждений Японии] // МИД Японии. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000235058.pdf> (дата обращения: 27.07.2023).

⁵⁹ 日本企業支援 [Поддержка японских предприятий] // МИД Японии. https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/zaigai/kigyo/ichiran_i.html (дата обращения: 27.07.2023).

Характерной для дипломатии Японии как страны с кабинетно-парламентской системой является практика передачи должности министра иностранных дел политическому назначенцу – высокопоставленному представителю правящей партии с обширным аппаратным и общеполитическим опытом. Карьерные дипломаты, как правило, могут дослужиться до первого заместителя министра или постов двух заместителей министра, которые, впрочем, играют принципиальную роль в проведении дипломатических переговоров. При этом существуют карьерные треки как для «широких специалистов», так и для дипломатов, специализирующихся на отдельных странах. Быстро подняться к вершинам дипломатической карьеры имеют все шансы только «широкие специалисты», ранее называвшиеся «первым классом», но уже на протяжении долгого времени звучат призывы к усилению гарантированного законом о государственных служащих меритократического начала в кадровых вопросах.

Связка МИД с правящей партией заметно усилилась при премьер-министре Абэ Синдзо, когда в закон «Об учреждении МИД» была внесена обязанность МИД оказывать помощь Правительству и секретариату Кабинета министров при формулировании внешнеполитической стратегии, что связано с давним стремлением японских премьеров, не только Абэ, укреплять принципы единоначалия в управлении государством. В случае с Абэ такие решения были продиктованы целью подчинения всей государственной машины одной общей стратегии, направленной на повышение роли Японии в международных делах и ее экономическую ревитализацию.

Важные элементы гибкости прослеживаются в способе организации Министерства иностранных дел Японии. Становой хребет этой структуры определен законодательно и не подвергается изменениям уже многие годы, однако в соответствующие документы вносятся достаточно много правок (история правок в официальном онлайн-депозитории показывает, что иной раз в один документ вносится несколько правок в год⁶⁰), предметом которых может являться закрытие одного отдела и открытие другого. Еще один вид структурных единиц, *сицу*, в основных документах не упоминается вообще, что позволяет еще оперативнее адаптировать организационную структуру под нужды складывающейся ситуации.

Вызывает, впрочем, сомнения в эффективности такой структуры хроническая нехватка кадров во внешнеполитическом ведомстве. Максимальная численность сотрудников МИД также установлена законом, который регулярно пересматривается, однако за последнее десятилетие прирост составил всего лишь 800 человек, притом что за последние пять лет Япония открыла более десяти новых посольств, а также консульства. В случае нештатных или кризисных ситуаций в ведомстве прибегают к проверенному временем инструменту – массовым переработкам – и к перераспределению работников между отделами, что не может не вызывать ослабления одних направлений в пользу других.

Тем временем объем работы расширяется не только количественно, но и качественно: японские посольства получили новый функционал в области поддержки национального бизнеса на внешних рынках, были учреждены должности ответственных по защите интеллектуальных прав японских производителей, что должно влечь за собой или дополнительное расширение штатов (что едва ли происходит), или повышение нагрузки на имеющихся работников. Представляется, что если Япония планирует и дальше повышать свою дипломатическую активность, то в ближайшей перспективе возникнет необходимость расширения штатов и увеличения финансирования, даже несмотря на продолжающиеся экономические сложности и рост расходов на другие нужды, связанные с обеспечением национальной безопасности.

⁶⁰ Например, в приказ о структуре МИД в 2016 г. было внесено три поправки, в 2017 – одна, в 2018 – две, в 2019 – две, в 2020 – две, в 2022 – одна, в 2023 – одна. См. <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=412CO0000000249>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Галузин М.Ю., Илышев А.В. Дипломатическая служба Японии. *Дипломатия иностранных государств* / под ред. Т.В. Зоной. Москва: РОССПЭН. 2004. С. 167–181.
- Илышев А.В. Японская государственная служба. Москва: Издательство РАГС. 2010.
- Панов А.Н. Японская дипломатическая служба. Москва: Международные отношения. 1988.
- Панов А.Н. Дипломатическая служба Японии. *Дипломатическая служба зарубежных стран* / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 2015. С. 277–300.

REFERENCES

- Galuzin, M. & Ilyshev, A. (2004). Diplomaticheskaya sluzhba Yaponii [Japanese Diplomatic Service]. In T. Zonova (ed.), *Diplomatiya inostrannykh gosudarstv* [Diplomacy of Foreign States] (pp. 167–181). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Ilyshev, A. (2010). *Yaponskaya gosudarstvennaya sluzhba* [Japanese Public Service]. Moscow: Izdatel'stvo RAGS. (In Russian).
- Panov, A. (1988). *Yaponskaya diplomaticheskaya sluzhba* [Japanese Diplomatic Service]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Panov, A. (2015). Diplomaticheskaya sluzhba Yaponii [Japanese Diplomatic Service]. In A. Torkunov & A. Panov (Eds.), *Diplomaticheskaya sluzhba zarubezhnykh stran* [Diplomatic Service of Foreign States] (pp. 277–300). Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». (In Russian).

* * *

- Koga, K. (2020). Japan's "Indo-Pacific" question: countering China or shaping a new regional order? *International Affairs*, 96 (1), 49–73. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz241>
- Mulgan, A.G. (2018). *The Abe Administration and the Rise of the Prime Ministerial Executive*. Routledge.

Поступила в редакцию: 28.07.2023

Received: 28 July 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-53-64

Переводчики с айнского языка на землях Эдзо в XVII–XVIII вв. (по японским источникам)

О.В. Климова

Аннотация. На основе анализа японских источников в статье рассматривается вопрос о том, как в Японии появились переводчики с айнского языка, какие функции они выполняли и как менялся их статус в период с XVII по XVIII вв. В это время Япония придерживалась политики самоизоляции, и все немногочисленные контакты с внешним миром жестко контролировались правительством. Там, где соприкосновение с чужеземной культурой все же происходило, требовались переводчики. Так, существовали переводчики китайского, корейского и голландского языков. На острове Хоккайдо, где велась торговля с айнами, также требовались переводчики с айнского языка. При написании статьи были использованы японские архивные материалы, на основе которых описывается история появления переводчиков с айнского языка и изучаются первые упоминания о них в начале XVII в. Также исследуется вопрос о том, какие функции они выполняли и какую нишу в обществе занимали. Выделяется отдельная категория переводчиков с айнского языка в княжестве Мацумаэ, которая привлекалась исключительно на время важных официальных мероприятий клана Мацумаэ. Детально рассматриваются их функции, положение в обществе, а также первые упоминания преуспевших в своей профессии знатоков айнского языка. Особое внимание уделяется тому, как изменился статус и функции переводчиков с айнского языка на Эдзо в начале XVIII в. в рамках «системы подряда торговых мест-басё». Отдельно рассматривается уровень владения айнским языком переводчиками Эдзо, рассказывается о попытках составления первых словарей айнского языка и трудностях, которые были с этим связаны. Автор делает вывод, что функции переводчиков с айнского языка претерпели огромные изменения. Если в XVII в. к их услугам обращались лишь во время торговли, церемонии приветствия или сопровождения судна, то к концу XVIII в. они стояли на передовой линии управления японцев айнами. Их права и обязанности были настолько обширны, что фактически они, являясь представителями власти на местах, управляли айнским народом.

Ключевые слова: Переводчики с айнского языка, айны, история Японии, Эдзо, Хоккайдо, словари айнского языка

Автор: Климова Ольга Вадимовна, PhD, доцент, заведующая кафедрой японоведения, Институт востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (СПб) (адрес: 190068, Санкт-Петербург, канал Грибоедова, д. 123). ORCID: 0000-0002-6500-4593; E-mail: o_klimova@hotmail.com oklimova@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Климова О.В. Переводчики с айнского языка на землях Эдзо в XVII–XVIII вв. (по японским источникам) // Японские исследования. 2023. № 4. С. 53–64. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-53-64

The interpreters of Ainu language in the lands of Ezo in the 17th – 18th centuries (based on Japanese archive materials)

O.V. Klimova

Abstract. This article, based on Japanese sources, discusses the question of how the Ainu language interpreters' guild was formed, what functions translators performed, and how their status changed in the period from the 17th to the 18th centuries. During this time, Japan pursued the policy of self-isolation, and all contacts with the outside world were closely controlled by the government. However, in the places where contact with foreign culture did occur, interpreters were needed. So, there were interpreters of Chinese, Korean, and Dutch languages. In the island of Hokkaido, where trade with the local Ainu took place, the interpreters of Ainu language were needed. In this article, the history of Ainu language interpreters and their first appearance is researched based on Japanese archive materials. The research also focuses on the functions the interpreters performed and their status in Japanese society at the time. There was a separate category of interpreters of the Ainu language in Matsumae, who were involved exclusively in important official events of the Matsumae clan. Their functions and positions in society, as well as the first mentions of Ainu language experts who succeeded in their profession, are also examined in detail. Particular attention is paid to the status and functions of the interpreters of the Ainu language in Ezo at the beginning of the 18th century, when a new *basho* trading system was introduced in Japan. The subject of the Ezo interpreters' level of command of the Ainu language is also in the focus of the research. The study mentions the attempts to compile the first dictionaries of the Ainu language and the difficulties that came with it. The author concludes that the functions of interpreters of the Ainu language have undergone tremendous changes. In the 17th century, the services of interpreters were used only for the occasions of trade, as well as ceremonies of welcoming or escorting a ship. By the end of the 18th century, they stood at the forefront of the Japanese control of the Ainu. Their rights and obligations were so extensive that, in fact, they, as representatives of local authorities, completely controlled the Ainu people.

Keywords: The interpreters of Ainu language, Ainu, history of Japan, Ezo, Hokkaido, Ainu language dictionaries.

Author: Klimova Olga V., PhD, associate professor, head of the Japanology department, Institute of Asian and African studies, HSE University (St-Petersburg). (address: 123, Griboedova canal, St-Petersburg, 190068, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6500-4593; E-mail: o_klimova@hotmail.com oklimova@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Klimova, O.V. (2023). Perevodchiki s ainskogo yazyka na zemlyakh Edzo v XVII–XVIII vv. (po yaponskim istochnikam) [The interpreters of Ainu language in the lands of Ezo in the 17th – 18th centuries (based on Japanese archive materials)]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 53–64. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-53-64

Введение

В XVII – первой половине XIX в. Япония придерживалась политики самоизоляции, все немногочисленные контакты с внешним миром были строго регламентированы центральным правительством. Те места на территории Японии, где происходило соприкосновение с иностранцами, носили название «четырёх входов» (四つの口, *ёццу но кути*). На о. Цусима был разрешен вход судам из Кореи, в провинцию Сацума – судам с Рюкю, в княжестве Мацумаэ на Хоккайдо велась активная торговля с айну, а Нагасаки был единственным портом, куда помимо китайских торговых кораблей было позволено заходить и голландским судам.

Именно в этих местах, где происходили контакты с чужеземцами, требовались переводчики. В Нагасаки, помимо переводчиков с голландского языка, находились переводчики с китайского языка, которых называли *то:цу:дзи* 唐通詞¹ [Toriaki 2009, p. 27], а также незначительное число переводчиков с сиамского, вьетнамского и тайваньского языков. На о. Цусима присутствовали переводчики с корейского языка. Помимо устных и письменных переводов, с помощью представителей переводческой профессии производился сбор необходимой информации о той или иной стране.

Ярким примером является именитый клан Со (宗氏), под управлением которого находился о. Цусима. Он выступил инициатором организации специальных мест пребывания японцев – *倭館* *вакан* – в корейском городе Пусан. Именно там собиралась интересующая клан Со информация. Данная деятельность была бы невозможной без помощи переводчиков.

Статус переводчиков во время периода самоизоляции мог сильно отличаться в зависимости от места, в котором они находились, и от того, каким языком они владели. Япония вела торговлю с такими странами, как Китай и Голландия, однако, единственной страной, с которой у Японии были официально установлены дипломатические отношения, являлась Корея. Поэтому деятельность корейских переводчиков регламентировалась строже других.

Гильдия переводчиков голландского языка в Нагасаки имела иерархическую структуру. В первую группу входили «старшие переводчики» (大通詞, *о:цу:дзи*), во вторую – «младшие переводчики» (小通詞, *коцу:дзи*). Ко второй группе относились и переводчики, которые определялись как «внутренние переводчики» (内通詞, *найцу:дзи*). Далее существовало более мелкое деление [Kimura 2010, p. 14]. По социальному статусу первая группа была намного выше второй, и переход из одной группы переводчиков в другую был невозможен.

На землях Эдзо (蝦夷地 Эдзоти, нынешний Хоккайдо) находились переводчики айнского языка. До XVII в. о них имеется мало информации. Скорее всего, изначально они являлись посредниками в торговле с айнами, и на этом их функции заканчивались.

Однако к концу XVIII в. переводчики айнского языка уже стояли на передней линии управления японцев айнами. Их права и обязанности были настолько обширны, что фактически они, являясь представителями власти на местах, управляли айнским народом. Интересным является и тот факт, что айнам запрещалось учить японский язык и говорить на нем, поэтому все общение происходило только при помощи переводчиков.

В отечественной и зарубежной историографии тема японских переводчиков с айнского языка изучена мало. При написании статьи были использованы такие японские архивные материалы, как «Записи клана Мацумаэ» (松前家記, «Мацумаэ кэ ки»), «Сводные записи Цугару» (津輕一統志, «Цугару итто:си»), «Записи о названиях мест в землях Эдзо и расстояния между ними» (蝦夷地名考並里程記, «Эдзоти мэйко: нарабини ритэй ки»), «Занимательные сведения о России» (魯西亜異聞, «Росиа ибун») и др.

На основе анализа этих источников мы рассматриваем следующие вопросы: как появились в Японии переводчики с айнского языка, какие функции они выполняли и как менялся их статус в период с XVII по XVIII вв.

Переводчики на землях Эдзо

Переводчиков на землях Эдзо называли «*цу:дзи*» (通詞 или 通辞) – «человек, который помогает общению». В толковом словаре «История земли Хоккайдо» (北海道郷土史事典,

¹ Для обозначения переводчиков китайского языка существует еще одно иероглифическое написание слова «переводчик» – 通事 *цу:дзи*. Это объясняется тем, что помимо устных и письменных переводов, в обязанности переводчиков китайского языка входили контроль над китайцами, проживающими на территории Японии, оформления разрешений на вход кораблей и т.д. Именно поэтому здесь используется иероглиф 事 *кото*, который в данном случае можно перевести как «разные дела».

Хоккайдо: кё:досидзитэн) дается такое определение: «Цу:дзи – это переводчики между японцами и айнами» [Hokkaido: kyo:do-shi jiten 1965, p.53]. В «Большом толковом словаре Хоккайдо» (北海道大百科事典 Хоккайдо: дайхякка дзитэн) термин «цу:дзи» трактуется следующим образом: «Это люди, которых нанимали торговцы, работающие в рамках договорной системы или наместники бугё:, поскольку военное сословие, которое там управляло, запрещало айнам использовать японский язык» [Hokkaido: daihyakka jiten 1981, p.115].

Первое упоминание о переводчиках с айнского языка на землях Эдзо относится к 1593 г., когда Какидзаки (Мацумаэ) Ёсихиро (蠣崎慶広, 松前慶広, 1548–1616) во время аудиенции с Тоётоми Хидэёси (1536–1598) получил официальный документ, подтверждающий его право на владение островом Эдзо. После возвращения в земли Эдзо, Какидзаки Ёсихиро собрал влиятельных айнов и показал им данную грамоту. На страницах «Записей клана Мацумаэ» «Мацумаэ кэ ки»,² имеется следующее упоминание о переводчике (訳人, якунин).

«Встретился со всеми варварами [айнами. – О.К.] с востока и запада, через переводчика обо всем вечером рассказал. Подчинил варваров и управлял всей прибылью».

Следующее упоминание о переводчиках с айнского языка на Эдзо встречается в документах, относящихся к 1669 г., когда произошло восстание айнов против японских властей (известно, как «восстание Сякусяин»). В «Сводных записях Цугару» (Рис. 1), содержится не только описание хода восстания, но и интересующие нас упоминания о переводчиках с айнского языка.

Рис. 1. «Сводные записи Цугару»
[Tsugaru]

Так, например, сообщается о том, что в 4-й день 8-й луны 9-го года девиза правления Камбун 寛文 (1669 г.) во время наступления войск Мацумаэ в Осиямамбэ, в первом воинском отряде под предводительством Какидзаки Сакудзаэмон (蠣崎作左衛門) (?-?) среди ста шестидесяти девяти человек находился один переводчик. Так же обстояло дело и у остальных двух отрядов, но имена переводчиков не называются.

Первое упоминание о переводчиках княжества Мацумаэ, связанное с торговлей, относится к 2 июня 1692 г. (5-й год девиза правления Гэнроку). В «Дневнике Мацумаэ Мондо Хиротоки» (松前主水広時日記 – «Мацумаэ Мондо Хиротоки никки») отмечается, что для торговли на северном побережье Эдзо было отправлено судно в Соя, а капитана корабля сопровождал переводчик [Matsumae Mondo Hirotohi nikki].

Похожая запись была сделана и в 1717 г. (2-й год девиза правления Кё:хо:) на страницах другого, не менее важного, источника, известного как «Записи Мацумаэ Эдзо» (松前蝦夷記, «Мацумаэ Эдзо ки»). Там

также отмечается, что на корабле присутствовал переводчик с айнского языка (夷言葉通詞, *эбису котоба цу:дзи*).

В начале XVIII в. в городе Мацумаэ насчитывалось шестнадцать переводчиков, а когда их не хватало, то приходилось дополнительно нанимать людей из Хигасидзай – западной части приамурского города Мацумаэ [Sasaki 2013, p.238]. Остается неизвестным, представляли ли эти шестнадцать переводчиков с айнского языка переводческую гильдию или какую-либо

² «Записи клана Мацумаэ» 『松前家記』 «Мацумаэ кэ ки». Хранится в Национальном музее г. Токио (цифровая библиотека) (То:кё: кокурицу хакубуцукан дэйдзитару раибурари: 東京国立博物館デジタルライブラリー) <https://webarchives.tnm.jp/dlib/detail/2462;sessionId=C397801F9C426DA412D43291AB9F55F8> (дата обращения: 10.10.2023).

организацию. Однако можно утверждать, что это были люди, владеющие айным языком, и данное занятие позволяло им получать доход.

Примечательно, что нанимали переводчиков только на время проведения торговли, а жалование, которое им выплачивалось, составляло 14–15 *рѐ*. Для сравнения: денежное вознаграждение наместников, помимо должностного оклада и жалования, выплачиваемого три раза в год, составляло 700 *рѐ*: [Климов 2021, с. 177].

Переводчики с айнского языка и княжество Мацумаэ

Помимо вышеупомянутых переводчиков с айнского языка на Эдзо, существовала отдельная категория переводчиков, которая привлекалась исключительно на время важного официального мероприятия княжества Мацумаэ. Это был ритуал аудиенции *уимаму*, во время которого князь Мацумаэ встречался с айскими старейшинами из различных поселений. Однако остается неизвестным, насколько четко было определено положение переводчиков в социальной структуре княжества Мацумаэ.

Церемония *уимаму* начала проводиться с 1615 г. и проходила раз в год в рамках новогодней обрядности. По мере вовлечения в *уимаму* всех глав айских селений, власти княжества Мацумаэ стали использовать данное мероприятие для ужесточения контроля, а также в качестве рычага давления на айнов.

Первые упоминания об *уимаму* можно найти на страницах книги «Иллюстрации обычаев Эдзо» (蝦夷国風図絵, «Эдзо кокуфу: дзуэ»³, 1777 г., 6-й год девиза правления Анъэй), которая хранится в архиве центральной библиотеки города Хакодате.

На страницах источника «Записи о названиях мест в землях Эдзо и расстояния между ними»⁴ (Рис. 2), составленного известным переводчиком с айнского языка Уэхара Кумадзиро: (上原熊次郎, ?–1827) в 1824 г., можно найти упоминание о человеке из района Карацу города Мацумаэ по имени Кояма Дзю:бээ (小山重兵衛, ?–?), который выступал в качестве «помощника» (取扱人, *ториацукаинин*). Можно предположить, что его основная «помощь» заключалась в переводе. В этом же источнике говорится о том, что старейшины айских селений, приезжающие на подобные мероприятия, были обязаны заранее сделать запрос управляющему того места (運上屋支配人, *ундзё:я сихаинин*), где происходила торговля с айнами, а также переводчику, капитану корабля и ответственному за прием корабля. Очевидно, что переводчик был неотъемлемой частью данных мероприятий.

В период девиза правления годов Тэммэй (天明, 1781–1789) упоминается переводчик с айнского

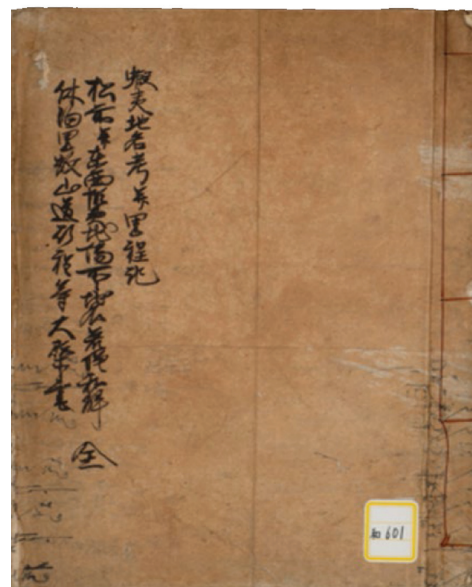

Рис. 2. «Записи о названиях мест в землях Эдзо и расстояния между ними» и место хранения, которое в сноске не видно

³ «Иллюстрации обычаев Эдзо» (『蝦夷国風図絵』, «Эдзо кокуфу: дзуэ») хранится в архиве центральной библиотеки города Хакодате (Хакодатэси тю:о: тосёкан, 函館市中央図書館). Hakodate City Central Library Digital Archives <http://archives.c.fun.ac.jp/fronts/detail/scrollframe/57eb722f1a557206c0000082> (дата обращения: 10.10.2023).

⁴ Хранится в архиве Токийского национального музея. <https://webarchives.tnm.jp/dlib/detail/2200> (дата обращения: 10.10.2023).

языка по имени Ямада Кю:эмон (山田久右衛門, ?–?), который на протяжении многих лет приезжал на Эдзо. Он понимал восточные и западные диалекты айнского языка земли Эдзо и даже мог общаться с жителями Сантан (Сахалина), что говорит о его необычайно высоких лингвистических способностях и высоком уровне владения айнским языком и его диалектами.

Таким образом, мы смело можем утверждать, что в таких местах, как Мацумаэ и Эсаси, где происходила активная торговая деятельность, существовали переводчики с айнского языка, основным родом деятельности которых был перевод. Известный литератор Хэдзугу То:саку (平鉄東作, 1726–1789), который с 1783 по 1784 г. общался с айнами в Мацумаэ и Эсаси, изучал их обычаи и собирал информацию о землях Эдзо, на страницах своего произведения «Записи о путешествии по востоку» (東遊記, «То:ю:ки») отмечает, что «в Мацумаэ есть много переводчиков». В источнике «Состояние страны Эдзо, ее обычаев и людей» (蝦夷国風俗人情之沙汰, «Эдзо-но кун фу:дзоку ниндзё: но сата»), автором которого является известный географ и исследователь Могамы Токунай (1755–1836), также имеется упоминание о том, что «среди жителей Мацумаэ есть переводчики» [Ezo no kuni fu:zoku ninjyo: no sata].

Отдельное внимание стоит уделить «Дневниковым записям относительно расследования смуты Эдзо в период Кансэй» (寛政蝦夷乱取調日記, «Кансэй Эдзо ран торисирабэ никки») [Kansei Ezo ran torishirabe nikki]. Этот источник посвящен Мэнаси-Кунаширскому восстанию айнов 1789 г. против японской власти, произошедшему на полуострове Сирэтоко на северо-востоке Хоккайдо. Здесь содержатся подробные отчеты Нииды Магодзабуро: (新井田孫三郎, ?–1807), который в 1789 г. по приказу княжества Мацумаэ был отправлен для подавления восстания. Он также участвовал в переговорах с айном по имени Икотои⁵ – старейшиной айнского поселения на Аккэси, и прочими старейшинами айнских поселений. В результате подавления восстания было казнено 37 айнов, а их просоленные головы были отправлены в г. Мацумаэ, где их выставили напоказ [Климов 2021, с.178].

На страницах данного источника имеются упоминания о старших переводчиках (上通辞, уцу:дзи), которые привлекались во время официальных переговоров, и младших переводчиках (下通辞, ситацу:дзи). Последние были задействованы во время предварительных переговоров. Других сведений относительно того, каким образом распределялась работа между представителями данной профессии не имеется. В качестве одного из старших переводчиков, которые принимали участие в переговорах с айнами упоминается имя Хиросэ Санъэмон (広瀬三右衛門, ?–?).

Примечательно, что должность младшего переводчика в источниках, относящихся к истории княжества Мацумаэ, более не упоминается. Данный факт говорит о том, что она, с большой вероятностью, была введена временно, из-за нехватки переводчиков с айнского языка на тот момент.

Практически не осталось сведений о том, какое положение занимали переводчики с айнского языка Эдзо в иерархической вассальной системе княжества Мацумаэ. В собрании «Новая история Хоккайдо» (新北海道史, «Син хоккайдо: си») [Shin Hokkaido: shi, vol. 2, p. 122–153] есть описание профессий и их положение в системе, где переводчику отводится тот же ранг, что и главе пехотинцев (асигару), которые занимали самую низкую ступень среди самураев. В источнике более позднего периода – «Список жалований» (御扶持列席帳, «Гофутти рэссэки тё:») – от 1853 г. имеется упоминание о переводчиках (通辞, цу:дзи) и переводчиках-стажерах (通辞見習, цу:дзи минарай), из чего можно сделать вывод, что среди переводчиков существовала своя иерархическая система. Однако что она из себя представляла, когда сформировалась и каким образом функционировала, остается неизвестным.

⁵ Один из 43 айнов, вставших на защиту японцев во время смуты годов Кансэй, когда айнами было убито около 70 японцев. После подавления восстания эти айны были удостоены аудиенции с правителями княжества Мацумаэ.

В системе чиновнического аппарата Мацумаэ и Хакодате нет даже упоминания о должности переводчика с айнского языка. Однако судя по тому, что чиновники княжества Мацумаэ обращались за помощью к переводчикам из таких мест, как Абута⁶ (虻田), данная профессия существовала и была, вне всякого сомнения, востребована. Особенно часто упоминается переводчик с айнского языка по имени Уэхара Кумадзиро:, который после того, как Хоккайдо перешел в непосредственное подчинение центральных властей Японии, был официально принят на работу в администрацию княжества Мацумаэ. Примечательно, что он же был и одним из первых переводчиков русского языка (он учился русскому языку у В.М. Головнина и помогал тому при общении с японскими чиновниками).

Переводчики с айнского языка в рамках системы подряда торговых мест

Официально должность переводчика с айнского языка появилась в начале XVIII в. – со времени установления «системы подряда торговых мест-басё» (場所請負制, *басё укэои сэй*). В соответствии с данной системой, торговые места стали передаваться в распоряжение торговцев с Хонсю, которые, в свою очередь, должны были заранее подавать заявку на подряд и заключать договор с вассалом князя Мацумаэ [Соколов 2014, с.276].

В каждом торговом месте были учреждены прибрежные пункты, где располагались специальные административные здания: торговые конторы, торгово-рыболовные пункты побережья (運上屋, *ундзё:я*) [Таксами 1990, с.36] и сторожевые посты (番屋, *банья*). В каждом торговом месте, где проводилась торговля с айнами, упоминаются четыре должности:

1. управляющий торговой конторы 支配人 *сихайнин*;
2. переводчики 通辞 *цу:dzi* – кроме осуществления перевода, они также были ответственны за ход переговоров;
3. бухгалтеры 帳役 *тё:яку* – вели учет торговых операций;
4. охранники или стражи (番人, *баннин*) – осуществляли караульную службу на месте хранения рыбы и непосредственно руководили рыболовством [Takakura 1972, p.236].

В рамках данной системы переводчики являлись наемными лицами. Японский исследователь Сирояма Томомаса в своих работах, посвященных договорной системе, отмечает, что помимо переводчиков *цу:dzi* существовали и помощники переводчиков (通辞手伝, *цу:dzi тэцудай*) и временные переводчики (仮通辞, *кари цу:dzi*) [Shiroyama 1961, p.712–735]. Однако нам не удалось найти сведений о том, когда они существовали и был ли это повсеместный феномен.

Как отмечалось ранее, айнам было запрещено изучать японский язык и говорить на нем. Это было, в первую очередь, выгодно купцам, получавшим на откуп торговые участки. Они потребительски относились к местному населению и «были озабочены прежде всего тем, как побольше извлечь прибыли» [Климов 2021, с.219]. Они обманывали туземцев, продавали им просроченные товары и совершали прочие несправедливые действия.

На страницах «Занимательных сведений о России» (魯西亜異聞, «*Росиа ибун*»)⁷ имеется следующая информация про отношение японцев к айнам:

«[Стражи *баннин*] управляли айнами, заставляли их ловить различного рода рыбу – сельдь, форель, лосося; торговали американским сакэ, старой поношенной одеждой и табаком. Когда же айны не подчинялись приказам, то хлестали, били их и подчиняли своей воле. По этой причине айны их боялись и уважали. Они обладали большой властью в землях айнов.

⁶ Город, который находился в юго-западной части Хоккайдо.

⁷ Письменный источник «*Росиа ибун*» составлен со слов Торидзо и Фукумацу, состоит из пяти частей и хранится в Архиве Историографического института Токийского университета. Без пагинации.

Стражам, которые были в округах земли Эдзо, даже было разрешено носить временный поясной меч» [Roshia ibun].

Отношение туземцев к японцам также оставляло желать лучшего. В частности, японских переводчиков, при помощи которых происходило общение, айны называли «плохими японскими переводчиками» (на айнском языке: *уэн тоно тун* [Kubodera 1977, p.112]).

Обращает на себя внимание и тот факт, что переводчики выполняли не только непосредственно переводческие функции, но и управленческие. Зачастую именно им приходилось решать проблемы, возникающие в ходе общения с туземцами. Подтверждение этому можно найти в источниках начала XIX в., в которых сохранились сведения о местах проживания переводчиков *цу:дзи*.

На страницах «Отчета с земель Эдзо» (蝦夷地諸御用留, «Эдзотисё гоё: домэ», 7-я луна 2-го года девиза правления Бунка, 1805 г.) имеется интересная информация относительно торговых мест (басё) и их жителей (Рис. 3). Перечисляются названия басё в землях Эдзо, имена людей, под управлением которых находилось данное место, имена и функции подрядчиков, имена управляющих, а также количество охранников при каждой торговом месте.

Так, например, в торговом месте Усубэцу, которое находилось под непосредственным контролем клана Мацумаэ, а именно под управлением его представителя Ацуя (Ацутани) Синсита (Арасита) (厚谷新下, ?-?), подрядчика не было, а функции управляющего выполнял переводчик, при котором находился один охранник.

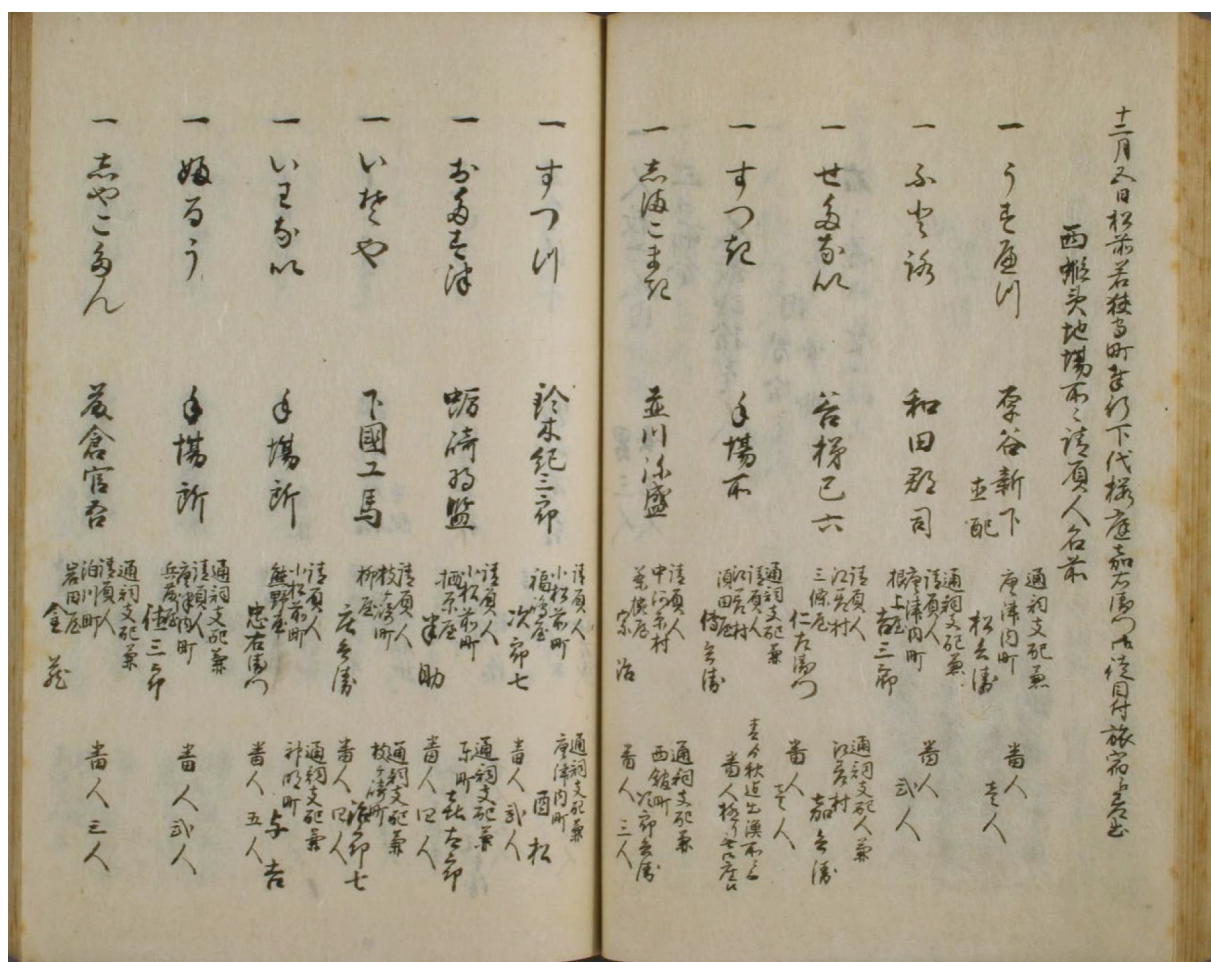

Рис. 3. «Отчет с земель Эдзо».

Место хранения – архив японского университета Васэда

В результате анализа данного источника стало очевидно, что не существовало ни одной должности, которая бы однозначно обозначалась термином «переводчик», все они были более сложные по структуре и зачастую сочетали в себе множество функций.

Так, среди подрядчиков часто встречаются должности переводчиков-подрядчиков, в разряд которых как раз и входили переводчики *цу:dzi*. Дословно их должность называлась «переводчик – управляющий – подрядчик» (通詞支配兼請負人, *цу:dzi сихаи кэн укэоинин*) – все в одном лице. Более того, в большинстве случаев, среди управляющих указаны только переводчики, с пометкой, что они же являлись и управляющими (通詞支配人兼, *цу:dzi сихаинин канэ*). Таким образом, переводчики часто выполняли функции управляющих торговой конторой.

При отсутствии японских переводчиков с айнского языка, подрядчикам и охранникам приходилось общаться с айнами напрямую. В своем большинстве подрядчики, которые часто приезжали на земли Эдзо, владели определенным словарным запасом айнского языка и могли объясниться на бытовом уровне с туземцами. К услугам переводчиков они обращались только в рамках проведения официальной церемонии с айнами – новогоднего приветствия (*омуся*). Что касается стражников, то они также владели ограниченным лексиконом айнского языка, который, чаще всего, позволял им решать повседневные вопросы и проблемы. Однако бывали ситуации, когда им этого не удавалось. Так, в «Занимательных сведениях о России» сообщается, что стражники – это купцы и горожане 町人 *тё:нин*, зачастую не понимающие языка Эдзо [Roshia ibun].

Несмотря на то, что в своем большинстве переводчикам с айнского языка приходилось выполнять множество функций, в конце XVIII – начале XIX в., стали появляться переводчики, имена которых были в то время на слуху, такие, как ранее упомянутые Уэхара Кумадзиро: и Хиросэ Санъэмон.

Уровень владения айнским языком переводчиков Эдзо

Лингвист Асаи Тоору (浅井亨), занимающийся исследованием и изучением айнского языка и культуры, на страницах «Большой энциклопедии Хоккайдо» высказывает мнение о том, что многие из айнов хорошо владели японским языком и могли общаться без участия переводчиков. Последние же были задействованы только во время официальных мероприятий. Он также ставит под сомнение уровень владения айнским языком даже самых именитых переводчиков, таких как Уэхара Кумадзиро: и Ямада Кю:эмон (山田久右衛門, ?-?), которые состояли на службе в администрации княжества Мацумаэ [Hokkaido: dai hyakka jiten 1981, p.115]. Фукадзава Мика в своей статье «Архив клана Кага как источник по айнскому языку и Кага Дэндзо:» справедливо пишет, что очень сложно оценить уровень знания айнского языка переводчиками, но одновременно отмечает, что переводчик Уэхара Камидзаро был на особом счету [Fukazawa 2014, p.30].

Стоит отметить, что о таких переводчиках, как Нотоя Кадзуёси (能登屋員吉, ?-?) и Кагая Дэндзо:⁸ (加賀屋伝蔵, 1804–1874), который работал в торговой конторе Нэмуру (根室会場, *нэмуру кайдзё:*) и был также ответственным за разработку и мелиорацию земель, остались самые высокие отзывы.

Нотоя Кадзуёси отмечает, что основной работой переводчиков с айнского языка было написание текста официальных обращений бакуфу к айнам во время церемонии официального

⁸ Прибыл в город Нэмуру на Хоккайдо в качестве охранника торговой конторы (нарядчика). Далее переквалифицировался в переводчика с айнского языка и достиг должности старшего переводчика 大通詞, *о:цу:dzi*.

приветствия. Помимо этого, в их обязанности входил перевод текста официального обращения и приветствия властей на айнский язык, а также его зачитывание.

Имеются свидетельства того, что в этих переводах были ошибки. Нотоя Кадзуёси, выступая с жесткой критикой в адрес подобных переводчиков, говорил о том, что неверный перевод равноправен вранью. Он также утверждал, что невозможно выучить айнский язык, не прожив на протяжении многих лет вместе с айнами в их поселениях. Кагая Дэндзо, соглашаясь со своим коллегой, отмечал, что в айнском языке существуют различные диалекты, а также есть особенности мужской и женской речи, что делает перевод достаточно трудным занятием.

И Кагая Дэндзо: и Нотоя Кадзуёси были потомственными переводчиками, и в их семьях передача навыков перевода и искусства общения на айнском языке были делом чести. Кагая Дэндзо: отмечает, что «детям, рожденным в семьях охранников *баннин* и не усвоивших айнские диалекты, должно быть стыдно» [Sasaki 2013, p.238].

Более того, Кагая Дэндзо: является автором одного из словарей айнского языка (イロハ蝦夷語, «Ироха эдзо-го») – «Словарь айнского языка» или «Словарь языка варваров»), на страницах которого можно найти заметки о трудностях перевода. Вот его слова:

«Айнский язык четко не определен. Названия земли и неба, травы и деревьев, отличаются в зависимости от востока и запада, морского побережья и гор. Это же, естественно, касается и языка, на котором говорят женщины и мужчины. Помимо того, что они все отличаются, это еще невозможно и записать. Видны ошибки в переводе моего учителя [Уэхара Кумадзиро: – О.К.] в «Мосиогуса» 「藻塩草」⁹. Этим я не кичусь. Я, являясь подражателем, не имею права смеяться. Однако я пытаюсь подобрать простые слова, чтобы перевод был правильным. В-первых, перевод очень важное занятие. Его можно сравнить с публичными объявлениями 制札 *сэйсацу*, которые необходимо записывать азбукой для того, чтобы все могли понять. С айнским языком, чтобы все поняли, необходимо делать то же самое. Следует переводить на простой айнский язык. Этому меня научил Хиросэ [Санъэмон. – О.К.].

27 день 9 луны

Мияути Китаэмон 宮内喜太右衛門

米屋 Комэя [Магобээ] 伝蔵様 [Кагая] Дэндзо:» [Fukazawa 2014, p.28–29; Iroha ezogo, p.16–17].

Уэхара Кумадзиро:, Хиросэ Санъэмон и Мияути Китаэмон были старшими коллегами-переводчиками Кагая Дэндзо: и передавали ему свои знания айнского языка. Все они сталкивались с теми же проблемами: разнообразие диалектов, трудности в правильном транскрибировании, различия в женской и мужской речи.

Заключение

В XVII в. среди переводчиков с айнского языка, основная работа которых заключалась в том, чтобы сопровождать корабли и помогать с переводом во время общения японцев с айнами, существовала отдельная группа переводчиков, которая была задействована кланом Мацумаэ на время официальных мероприятий. Однако их социальный статус в рамках существовавшей иерархической системы Мацумаэ остается неизвестным.

Официально должность переводчика айнского языка появилась только в начале XVIII в. – со времени установления «системы подряда торговых мест-*басё*». В рамках данной системы переводчики выполняли множественные функции: они были управляющими, подрядчиками и переводчиками в одном лице. Являясь представителями власти на местах, они, фактически

⁹ «Мосиогуса» 『藻塩草』 – самый древний японско-айнский словарь.

были японскими чиновниками, которые управляли айнами. В 1770-х гг. появляются должности старших и младших переводчиков, что говорит о включении их в чиновничий аппарат со свойственным ему иерархическим устройством.

В конце XVIII – начале XIX в. стали появляться переводчики, имена которых были в то время на слуху (Уэхара Кумадзиро: и Хиросэ Санъэмон), в начале XIX в. появились и потомственные переводчики (Кагая Дэндзо: и Нотоя Кадзуёси) с высоким уровнем владения айным языком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Климов В.Ю. Записи о Светоносном правлении [земли варваров] добродетельного Государя» (Кю:мэй ко:ки). Первая и вторые тетради // Новые источники по истории и культуре айнов. Под ред. В.В. Щепкина. Ин-т Восточных рукописей РАН. – Санкт-Петербург: Изд-во «ЛЕМА». 2021. С. 168–276.
- Соколов А.М. Айны от истории до современности. Материалы к истории становления айнского этноса. Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 2014.
- Таксами Ч.М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. Москва: Мысль. 1990.

REFERENCES

- Klimov, V. (2021). *Zapisi o Svetonosnom pravlenii [zemli varvarov] dobrodetelnogo Gosudarya (Kyūmei kōki). Pervaya i vtoryie tetradi* [Records of the Luminous Rule [of the Land of the Barbarians] of the Virtuous Sovereign. (Kyūmei Kōki). First and Second Notebooks]. In *Novyie istochniki po istorii i kul'ture ainov* [New Sources on the History and Culture of the Ainu] (pp. 168–276). Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: Lema. (In Russian).
- Sokolov, A. (2014). *Ainy ot istorii do sovremennosti. Materialy k istorii stanovleniya ainskogo etnosa* [The Ainu from History to the Present. Materials on the History of the Formation of the Ainu]. Saint Petersburg: MAE RAN. (In Russian).
- Taksami Ch., Kosarev V. (1990) *Kto vy, ainy? Ocherk istorii i kul'tury*. [Ainu, Who Are You? Notes on History and Culture]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
- * * *
- Ezo kokufū zue* [Ezo Style Paintings]. *Hakodate shi chūō toshokan* [Central Library of Hakodate City]. Digital Archives. Retrieved from <http://archives.c.fun.ac.jp/fronts/detail/scrollframe/57eb722f1a557206c0000082> (In Japanese).
- Ezo no kuni fūzoku ninjō no sata* [Manners and Customs of Ezo Country]. Union Catalogue Database of Japanese Texts. Retrieved from <https://kokusho.nijl.ac.jp/biblio/100334941/5?ln=ja> (In Japanese).
- Ezochi meiko narabini riteiki* [The Record of the Names of Areas in the Land of Ezo and the Distance Between Them]. *Tōkyo kokuritsu hakubutsukan shozō teishitsuhon* [Imperial Household Book of Tokyo National Museum]. Retrieved from <https://webarchives.tnm.jp/dlib/detail/2200> (In Japanese).
- Ezochisho goyō dome* [The Reports From the Land of Ezo]. The Archives of Waseda University. Retrieved from https://archive.wul.waseda.ac.jp/kosho/wa03/wa03_06022/wa03_06022.html (In Japanese).
- Fukazawa, M. (2014) *Kaga-ke bunsho no ainu-go shiryō to Kaga Denzō* [Ainu Materials in Kaga Clan Documents and Kaga Denzō]. Chiba daigaku daigakuin jinbun shakai kagaku kenkyūka [Graduate School of Humanities and Social Sciences, Chiba University] Kenkyū purojekuto hōkoku-sho 274 shū [Research Project Report Volume 274]. *Ainu-go no Bunken-gakuteki kenkyū* [Philological study of the Ainu Language], 1. 21–48. (In Japanese).

- Hezutsu, Tōsaku. Tōyūki [Records About the Journey to the East]. In *Nihon shomin seikatsu shiryō shūsei tanken, kikō, chishi* [Compilation of Materials on the Lives of Common People in Japan. Exploration, Travelogue, Topography], Vol.4 (Pp. 415–437). Tokyo: San ichi shobō. (In Japanese).
- Hokkaido daihyakka jiten [Big Encyclopedia of Hokkaido], *Gekan* [Second Volume]. (1981). Sapporo: Hokkaidō shinbunsha. (In Japanese)
- Hokkaidō kyōdoshi jiten [Encyclopedia of the Lands of Hokkaido]. (1965). Sapporo, Kita shobō. (In Japanese).
- Kansei Ezo ran torisirabe nikki [The Diary of Investigation of the Ezo Turmoil in the Kansei Era]. In *Nihon shomin seikatsu shiryō. Shūsei tanken, kikō, chishi* [Compilation of Materials on the Lives of Common People in Japan. Exploration, Travelogue, Topography], Vol. 4 (pp. 679–730). Tokyo: Sanichi shobō. (In Japanese).
- Kimura, Naoki. (2012). *Tsūyakutatchi-no bakumatsu ishin* [Interpreters in the Bakumatsu Period]. Tokyo: Yoshikawa. (In Japanese).
- Kubodera, Itsuhiko. (1977). *Jojishi kamiuta seiden no kenkyū* [Study of Epic Poems and Sacred Traditions]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
- Matsumae Ezo ki [The records of Matsumae Ezo]. Hokkaidō daigaku hoppō siryō dētabēsu [Hokkaido University Northern Archive Materials Database]. Retrieved from <https://www2.lib.hokudai.ac.jp/cgi-bin/hoppodb/kyuki.cgi?id=0A000130000000000&page=1&lang=0> (In Japanese).
- Matsumae Mondo Hirotohi nikki [The Diary of Matsumae Mondo Hirotohi]. In *Hokkaidō daigaku hoppō shiryōkan. Shinhokkaidōshi* [Hokkaido University Northern Archive. New History of Hokkaido], Vol. 7. (In Japanese).
- Matsumaeki [The Records of Matsumae]. Tōkyō kokuritsu hakubutsukan dejitaru raiburārī [National Museum of Tokyo. Digital library]. Retrieved from <https://webarchives.tnm.jp/dlib/detail/2462;jsessionid=C397801F9C426DA412D43291AB9F55F8> (In Japanese).
- Roshia Ibut [Rumors About Russia]. Tōkyō daigaku shiryō hensanjo [The Archives of Tokyo University]. (In Japanese).
- Sasaki, Toshikazu. (2013). *Ainu-shi no jidai e* [Toward the Age of Ainu History]. Hokudai Ainu senjūmin kenkyū sentā sōsho 3 [Hokkaido University Ainu and Indigenous Studies Center Series 3]. Hokkaidō daigaku shuppankai [Hokkaido University Press]. (In Japanese).
- Shin Hokkaidō shi [New History of Hokkaido]. (1970). Vol. 2. Hokkaido, Sapporo. (In Japanese).
- Shiroyama, Tomomasa. (1961). *Matsumae Ezochi basho ukeoi seido-no kenkyū* [Research on Matsumae Ezo Place Contract System], Vol 1. Hokkaidō Keizai kenkyūjo. (In Japanese).
- Takakura, Shin'ichirō. (1972). *Shinpan Ainu seisaku-shi* [New Addition of Ainu Policy History]. Kyōto San ichi shobō. (In Japanese).
- Toriaki, K. (2009). *Voices of the invisible presence: Diplomatic Interpreters in Post – World War II Japan*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Tsugaru ittōshi [The Unification Records of Tsugaru]. *Shukan*. [Main Volume]. Retrieved from <https://adeac.jp/hirosaki-lib/viewer/mp000039-200010/18-116-01/> (In Japanese).

Поступила в редакцию: 30.07.2023

Received: 30 July 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-65-80

Роль Японии на формирующемся глобальном рынке водорода

О.В. Дёмина, М.Г. Мазитова

Аннотация. В статье проведен анализ текущего состояния формирующегося рынка водорода с низким объемом выбросов углерода по основным его параметрам: емкости, географическим сегментам, технологиям, инвестициям и заявленным проектам. Обобщены оценки развития рынка до 2050 г., определены текущие барьеры для развития и причины широкого разброса оценок емкости рынка. Выделяются три масштабных географических сегмента рынка: Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Северная Америка и Европейский Союз. Определены факторы, обуславливающие выбор Японией технологических решений на базе водорода в рамках энергоперехода. Показано, что государственная политика в данной сфере подкреплена соответствующими инвестициями и институциональными условиями. Описана хронология развития государственной энергетической политики в Японии в отношении использования и развития водородных технологий, свидетельствующая о твердости намерений по созданию водородной экономики. Усиление международного сотрудничества направлено как на решение задач по ресурсному обеспечению (соглашения с потенциальными экспортерами водорода и странами, обеспеченными ресурсами, необходимыми для производства новых материалов и оборудования в рамках всей технологической цепочки производства водорода), так и на поиск рынков сбыта японских водородных технологий. Систематизирована информация по основным соглашениям Японии со странами и регионами мира в данной сфере и реализованным к настоящему времени масштабным проектам в части создания международных цепочек поставок водорода. Показана роль Японии как инициатора развития международного взаимодействия и формирования глобального рынка низкоуглеродного водорода, а также как безусловного лидера на формирующемся рынке в плане государственной политики, наличия технологий, крупномасштабных инвестиций и международного сотрудничества в данной сфере. Определено, что на сегодняшнем этапе стимулирование развития глобального рынка водорода со стороны Японии выражается в высокой активности страны в международных проектах и соглашениях по развитию водородных технологий и цепочек поставок водорода, что ведет к росту количества заключенных соглашений о международном сотрудничестве, признанием другими странами ключевой роли водорода в энергопереходе и утверждении ими национальных водородных стратегий. Выявлено, что из-за высокой стоимости японского оборудования, используемого в производстве «зеленого» водорода, страна, скорее всего, будет проигрывать в конкуренции за рыночные ниши на глобальном рынке водорода.

Ключевые слова: мировой рынок водорода, зеленый водород, энергетическая безопасность, энергетическая политика, международные цепочки поставок водорода, водородная экономика, Япония.

Авторы: Дёмина Ольга Валерьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (адрес: ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042). ORCID: 0000-0002-7992-5852; E-mail: demina@ecrin.ru

Мазитова Марина Гамиловна, научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (адрес: ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042). ORCID: 0000-0002-7978-7904, E-mail: mazitova@ecrin.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Роль Японии на формирующемся глобальном рынке водорода // Японские исследования. 2023. № 4. С. 65–80. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-65-80

Japan's role in the emerging global hydrogen market

O.V. Dyomina, M.G. Mazitova

Abstract. The article analyzes the current state of the emerging low-carbon hydrogen market in terms of its main parameters: capacity, geographical segments, technologies, investments, and announced projects. Estimates for the development of the low-carbon hydrogen market up to 2050 have been summarized. Barriers to its development and the reasons for different estimates of market capacity have been identified. There are three large-scale geographic market segments: the Asia-Pacific region, North America, and the European Union. The reasons why the energy transition in Japan will be based on low-carbon hydrogen are described. Japan's state policy in this area is supported by investments and institutional conditions. The timeline of Japan's energy policy development shows the determination to create a hydrogen economy. The goals of Japan's international cooperation are to solve the problems of resource provision (agreements with potential exporters of hydrogen and countries provided with resources necessary for the production of new materials and equipment within the entire technological chain of hydrogen production) and to search for markets for Japanese hydrogen technologies. Japan's main agreements with countries and regions of the world in this area and large-scale projects implemented to date in terms of creating international hydrogen supply chains are systematized. The role of Japan as an initiator of the development of international interactions and the formation of a global market for low-carbon hydrogen, as well as a market leader in terms of public policy, availability of technology, large-scale investment and international cooperation is substantiated. It has been determined that Japan's high activity in international projects and agreements on the development of hydrogen technologies and hydrogen supply chains determines the country's leading role in stimulating the development of the global hydrogen market at the current stage. Japan's activity is leading to an increase in the number of international cooperation agreements, recognition by other countries of the key role of hydrogen in the energy transition, and the adoption by more and more countries of their national hydrogen strategies. It was revealed that due to the high cost of Japanese equipment used in the production of "green" hydrogen, the country is likely to lose in competition for market niches in the global hydrogen market.

Keywords: global hydrogen market, green hydrogen, energy security, energy policy, international hydrogen supply chains, hydrogen economy, Japan.

Authors: *Dyomina Olga V.*, Candidate of sciences (economics), Senior Researcher, Economic Research Institute FEB RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042). ORCID: 0000-0002-7992-5852; E-mail: demina@ecrin.ru

Mazitova Marina G., Research Fellow, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7978-7904; E-mail: mazitova@ecrin.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Dyomina, O.V., Mazitova, M.G. (2023). Rol' Yaponii na formiruyushchemsya global'nom rynke vodoroda [Japan's role in the emerging global hydrogen market]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 65–80. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-65-80

Введение

На современном этапе развития мировой экономической системы спрос на энергоресурсы удовлетворяется преимущественно за счет ископаемых видов топлива, при этом неравномерность размещения обуславливает их высокую долю в торговле энергоресурсами. Так объем мировой торговли энергоресурсами в 2020 г. оценивался в 1,5 трлн долл., при этом на долю ископаемого топлива приходилось свыше 90% стоимости. В перспективе до 2050 г. ожидается, что масштаб мировой торговли энергоресурсами сохранится на том же уровне, при этом доля ископаемого топлива сократится до 15% [Geopolitics... 2022].

Экономическая доступность энергетических ресурсов является одним из определяющих факторов развития стран. Мировые рынки углеводородов являются олигополистическими: на 10 крупнейших производителей приходится около 73% мирового производства¹. В данных условиях возможности потребителей влиять на цены и диверсифицировать поставщиков энергоресурсов ограничены. Высокая волатильность цен на энергоресурсы, необходимость обеспечения энергетической безопасности (путем диверсификации поставщиков, создания резервов энергоресурсов и др.) и ужесточение экологической повестки в мире являются основными драйверами поиска альтернативных способов энергоснабжения для стран нетто-импортеров.

Одним из перспективных способов повышения энергобезопасности в современных условиях является масштабное использование в качестве энергоносителей возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и водорода. Интерес к водородным технологиям обусловлен широкой распространенностью водорода и возможностью его длительного хранения. Данные свойства водорода позволяют организовать конкурентный мировой рынок, а стране нетто-импортеру дают возможность увеличить долю собственных ресурсов в энергобалансе. К тому же в рамках современной экологической повестки технологии производства водорода с низким углеродным следом² рассматриваются как один из ключевых элементов стратегии достижения углеродной нейтральности во многих странах. Последнее стало возможным по мере стремительного снижения издержек производства энергии на базе ВИЭ и стоимости электролизеров, которые определяют конечную цену производства «зеленого» водорода [Geopolitics... 2022].

Япония является экономически развитой страной с высоким уровнем развития технологий, но при этом практически не обеспечена собственными энергетическими ресурсами, спрос на которые удовлетворяется за счет импорта. Таким образом, основной проблемой для экономики страны является энергетическая безопасность, включающая в себя необходимость снижения стоимости энергоснабжения. На современном этапе развитие водородных технологий является одним из способов решения данной проблемы. Кроме того, включение водорода в стратегию развития национальной экономики приведет к формированию новых секторов производства в стране и позволит Японии создавать ниши для своей продукции на мировых рынках водорода.

Целью данного исследования является анализ роли Японии в формировании мирового рынка водорода и оценка потенциала кооперации Японии с другими странами в данной сфере.

¹ Statistical Review of World Energy. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения 10.11.2023).

² «Водород с низким углеродным следом» – водород, произведенный путем электролиза воды с использованием электроэнергии, полученной на основе ВИЭ («зеленый» водород), и водород, произведенный из ископаемого топлива с применением технологий улавливания, использования и хранения углерода (CCUS). В данной статье «низкоуглеродный водород» и «водород с низким углеродным следом» являются синонимами.

Текущее состояние и перспективы развития мирового рынка водорода

В настоящее время водород используется преимущественно в качестве промышленного газа, будучи элементом промежуточного потребления в рамках технологических процессов. Традиционными сферами потребления водорода являются нефтеперерабатывающая, химическая и сталелитейная промышленность (рис. 1). Практически весь водород используется в качестве химического сырья: для производства аммиака, метанола, синтетического топлива, ракетного топлива и в нефтепереработке (процессы гидроочистки, гидрокрекинга, гидроконверсии) [Афанасьев 2022]. С помощью водорода также осуществляется восстановление металлов из их оксидов.

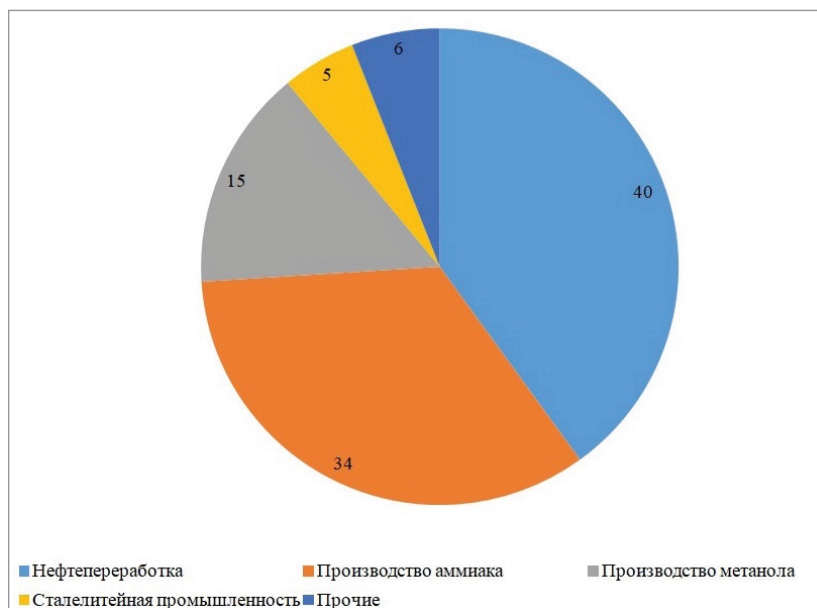

Рис. 1. Структура потребления водорода по направлениям использования, 2021 г., %
Составлено по: [Global... 2022].

На сегодняшний день водород не является торгуемым товаром, однако объем его использования в мире по оценкам экспертов превышает годовой объем международной торговли сжиженным природным газом (СПГ) [Geopolitics... 2022].

В 1990–2020 гг. ежегодные темпы роста потребления водорода в мире составляли в среднем 2,9%, что было обусловлено, прежде всего, использованием водорода в нефтепереработке при росте спроса на нефтепродукты³.

В 2021 г. мировой спрос на водород увеличился на 5% по сравнению с предыдущим годом (до 94 млн т), что было вызвано восстановлением экономической активности в традиционных сферах его применения после спада, обусловленного пандемией [Global... 2022].

Крупнейшими потребителями водорода в 2021 г. являлись страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) (47% мирового спроса), Северная Америка (17%) и страны Европейского Союза (9%). Максимальные объемы потребления водорода среди стран АТР наблюдались в странах с развитым нефтеперерабатывающим сектором: Китае (27% мирового спроса и 16,9% нефтеперерабатывающих мощностей в мире⁴), Индии (9% и 5%), Японии (2% и 3,1%) и Республике Корея (1,5% и 3,3) [World... 2022].

³ Развитие водородной энергетики в России. <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/razvitie-vodorodnoy-energetiki-v-rossii-novaya-energopolitika/> (дата обращения: 10.11.2023).

⁴ Statistical Review of World Energy. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения 10.11.2023).

В настоящее время водород получают преимущественно из углеводородного сырья (рис. 2), и его производство сопровождается существенным объемом выбросов углекислого газа. Так, по итогам 2021 г. выбросы оценивались в 900 млн т CO_2 (около 2,5% от мирового объема эмиссии от промышленных процессов и сжигания топлива). Производство низкоуглеродного водорода в 2021 г. составило всего 0,7% от суммарного производства (около 1 млн т). В основном такой вид водорода производился из ископаемого топлива с применением технологий CCUS, и только 35 тыс. т – из электричества путем электролиза воды [Global... 2022]. Такая структура источников сырья и способов производства водорода обусловлена доминирующими направлениями его использования и стоимостью технологий.

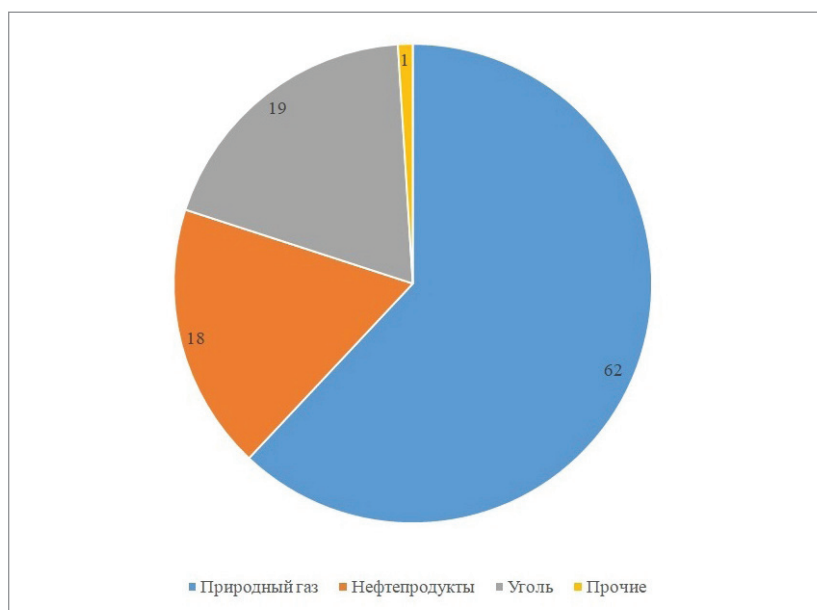

Рис. 2. Структура производства водорода по источникам сырья, 2021 г., %
Составлено по: [Global... 2022].

В 2021 г. стоимость производства водорода из ископаемого топлива была в несколько раз дешевле, чем при производстве низкоуглеродного водорода. Так, средняя стоимость производства 1 кг водорода из природного газа составляла 1,0–2,5 долл., из природного газа с применением CCUS – 1,5–3,0 долл., из электроэнергии, произведенной на основе ВИЭ – 4,0–9,0 долл. [Global... 2022]. Высокая стоимость производства низкоуглеродного водорода на сегодняшний день выступает одним из ключевых барьеров развития рынка водорода. Поэтому снижение стоимости производства и сбыта водорода рассматривается как одна из ключевых задач по развитию данного рынка.

Экономическая конкурентоспособность «зеленого» водорода в основном определяется стоимостью получения энергии на базе ВИЭ (например, на сегодняшний день стоимость получения электроэнергии на базе солнечной энергии составляет 55% от конечной стоимости водорода). В большинстве экспертных оценок предполагается существенное удешевление такого вида водорода к 2030 г. Так по прогнозам агентства McKinsey & Company его стоимость для конечных потребителей сократится в 2 раза [De Pee et al 2022]. Схожие оценки дают эксперты Международного энергетического агентства: по их прогнозу ожидается снижение стоимости зеленого водорода в 2–3 раза [Global... 2022].

Технологическими лидерами в области водородных технологий в настоящее время являются страны Европейского союза, Япония и США. Республика Корея и Китай только выходят на международный уровень [Hydrogen... 2023]. На сегодняшний день выделяют десяток перспективных технологий, направленных на усовершенствование способов

производства, хранения и потребления водорода: топливные элементы (ячейки) на основе водорода; материалы для водородных компонентов; автотранспорт на водородных топливных элементах; различные способы производства водорода (паровая конверсия метана, электролиз, подземная газификация угля), системы и методы хранения водорода⁵.

Из указанных технологий наиболее распространенными на практике на сегодняшний день являются производство водорода на основе электролиза и транспорт на топливных элементах. Так, в мире к концу 2022 г. действующие электролизные мощности составили 700 МВт, по проектам создания дополнительных 9 ГВт мощностей приняты положительные инвестиционные решения. В перспективе к 2030 г. ожидается, что мощность электролизеров составит 134 ГВт, а лидерами по установленной мощности будут страны Европейского Союза и Китай [Global... 2022].

В настоящее время по всему миру работает более 1070 водородных заправочных станций, в 2022 г. их число удвоилось по сравнению с 2021 г. В основном станции расположены в странах АТР, среди которых лидируют Китай (свыше 300), Республика Корея (210) и Япония (163)⁶.

На данный момент мировой рынок водорода только формируется, а перспективы его развития во многом определяются масштабами государственной поддержки в отдельных странах. О серьезности намерений в данной области свидетельствуют принятые водородные стратегии, подкрепленные государственными инвестициями, а также большое количество оформленных патентов на технологии по всей цепочке создания стоимости водорода в качестве энергоносителя и объявленных в данной области проектов.

Суммарные государственные инвестиции на целевую поддержку развития технологий и проектов водорода с низким уровнем выбросов на период 2021–2030 гг. определены в размере не менее 65 млрд долл. Наибольший объем финансирования приходится на три страны – Францию, Германию и Японию [Geopolitics... 2022].

К настоящему времени в мире анонсировано более 1000 проектов в области водородных технологий, в 80% которых заявленный срок начала реализации – до 2030 г. Планируемые прямые инвестиции в данной сфере – 320 млрд долл., при этом по инвестициям на сумму 29 млрд долл. уже приняты окончательные инвестиционные решения. В соответствии с данными проектами объем мирового производства низкоуглеродного водорода к 2030 г. составит 38 млн т, в том числе 25 млн т будут произведены из электроэнергии на базе ВИЭ, 13 млн т – из ископаемого топлива с технологиями CCUS⁷.

Оценки потенциального объема рынка водорода с низкими выбросами углерода сильно варьируют и характеризуются высокой степенью неопределенности (табл. 1). По мере реализации национальных водородных стратегий, которых к настоящему времени насчитывается около 30, прогнозируется рост международной торговли водородом. Резкий скачок объема торговли ожидается с 2035 г. по мере увеличения спроса на «зеленый» водород [Geopolitics... 2022].

Национальные стратегии по развитию водородных технологий в зависимости от связи с глобальным рынком условно можно разделить на три группы: ориентированные на внутренний рынок (Китай, Великобритания), на экспорт водорода (Россия, Австралия, Чили, Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман) и на импорт водорода (страны Европейского Союза, Япония, Республика Корея) [Водород... 2022]. Таким образом, не весь прогнозируемый объем производства водорода будет направлен на мировой рынок. Потенциальный объем мировой

⁵ Марчук Н.П., Туровец Ю.В. Перспективы водородной энергетики. НИУ ВШЭ. 15.06.2023 <https://issek.hse.ru/news/840275432.html> (дата обращения: 17.07.2023).

⁶ Hydrogen Insights 2023. <https://hydrogencouncil.com/wp-content/uploads/2023/05/Hydrogen-Insights-2023.pdf> (дата обращения: 09.11.2023).

⁷ Hydrogen Insights 2023. <https://hydrogencouncil.com/wp-content/uploads/2023/05/Hydrogen-Insights-2023.pdf> (дата обращения: 09.11.2023).

торговли водородом с низкими выбросами углерода в 2026 г. оценивается в 2,4 млн т, в 2030 г. – до 12 млн т [Global... 2022]. Прогнозируемый к 2050 г. объем торговли колеблется в пределах от 5 до 73 млн т в зависимости от институциональных условий формирования рынка водорода, при этом на долю торговли предположительно будет приходиться до 22% удовлетворения мирового спроса на водород [World... 2022].

Таблица 1. Потенциальный объем глобального рынка водорода с низкими выбросами углерода, млн т

Источник оценки	2021 факт.	2030	2050
bp Energy Outlook: 2023 edition	1		
Сценарий ускоренного сокращения выбросов (Accelerated)		30	300
Сценарий достижения углеродной нейтральности (Net Zero)		50	460
Hydrogen Insights 2023		38	–
Global Hydrogen Review 2022		24–34	–
World Energy Outlook-2022			
Сценарий, основанный на реализации официально принятой политики (STEPS)		6	24
Сценарий, основанный на учете принятых обязательств (APS)		30	225
Сценарий, основанный на достижении нулевых выбросов к 2050 г. (NZE)		90	452

Составлено по: [Global... 2022; World... 2022; Geopolitics... 2022; Energy... 2023]; Hydrogen Insights 2023. <https://hydrogencouncil.com/wp-content/uploads/2023/05/Hydrogen-Insights-2023.pdf> (дата обращения: 09.11.2023).

По оценкам экспертов пространственная структура спроса на водород к 2030 г. и 2050 г. сохранится без существенных изменений: на долю АТР будет приходиться 45–48% мирового спроса, на Европейский Союз – 9–11%, Северную Америку – 16–20% [World... 2022].

Прогнозируемый рост спроса на низкоуглеродный водород связан в первую очередь с отраслями, в которых невозможно масштабное использование ВИЭ с целью снижения выбросов парниковых газов (ПГ): в энергетике (накопитель энергии, высокотемпературное отопление), на транспорте (большегрузный транспорт дальнего следования, авиация дальнего следования, международные морские перевозки), в промышленности (сталелитейная промышленность) [Geopolitics... 2022]. Указанные направления использования требуют развития соответствующих технологий.

Таким образом, на сегодняшний день можно выделить несколько основных барьеров на пути формирования глобального рынка водорода:

- экономические (высокая стоимость производства водорода с низкими выбросами углерода, крупнотоннажной транспортировки водорода, выработки электроэнергии на водородных топливных элементах) [Холкин 2019];
- технологические (низкий уровень разработанности отдельных технологий в цепочке производства и сбыта водорода);
- стандартизационные (отсутствие механизмов для отслеживания и подтверждения типа производства водорода и единых международных стандартов в области водородных технологий) [Geopolitics... 2022].

Государственная политика Японии по развитию водородной экономики

Высокие темпы экономического развития Японии после Второй мировой войны и модернизация экономики страны сопровождались ростом потребления ископаемых видов топлива (нефти, угля и природного газа). Однако нефтяные кризисы 1970-х гг. выявили высокую степень энергосырьевой уязвимости японской экономики и обусловили необходимость коренных изменений в энергетической стратегии страны. Именно тогда в Японии начали разрабатываться основы политики обеспечения энергетической безопасности. Долгосрочными приоритетами были названы энергосбережение, сокращение импорта нефти и поощрение использования альтернативных источников энергии. Прежде всего, ставка была сделана на использование атомной энергии, а также угля и СПГ [Подоба 2021].

Общая энергетическая политика Японии изложена в Стратегических энергетических планах, которые принимаются в соответствии с Основным законом об энергетической политике 2002 г. Главным принципом, лежащим в основе этих планов, является достижение энергетической безопасности, экономической эффективности и экологической устойчивости (обычно называемых «3 Э»⁸).

Последствия аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. коренным образом изменили энергетическую политику Японии. Так, в четвертом Стратегическом энергетическом плане, принятом в апреле 2014 г., наряду с тремя традиционными принципами была отмечена «безопасность» в качестве ключевого приоритета энергетической политики («3 Э плюс С»)⁹. План предусматривал максимально возможное снижение зависимости от ядерной энергетики при одновременном повышении энергоэффективности, расширении использования ВИЭ и повышении эффективности тепловых электростанций [Japan... 2021]. В плане 2014 г. впервые было включено в повестку создание «общества, основанного на водороде», которое использует водород в качестве энергии.

Также в 2014 г. была составлена Стратегическая дорожная карта в отношении водорода и топливных элементов, в которой была предложена реализация концепции водородного общества в рамках трехэтапной программы. На первом этапе предполагалось резкое расширение использования водорода (стационарных топливных элементов и транспортных средств на топливных элементах), на втором (вторая половина 2020-х гг.) – полноценное внедрение водородной энергетики и создание крупномасштабной системы снабжения водородом, на третьем (примерно к 2040 г.) – создание системы снабжения низкоуглеродным водородом.

В 2016 г. в дорожную карту были включены цели по расширению использования топливных элементов для жилых помещений и транспортных средств на топливных элементах.

После вступления в силу Парижского соглашения в ноябре 2016 г. добавились обязательства по решению проблемы изменения климата, в то время как выбросы парниковых газов в Японии значительно увеличились из-за закрытия атомных электростанций.

В 2017 г. была разработана Базовая водородная стратегия, направленная на решение проблемы энергетической безопасности и сокращение выбросов парниковых газов, а также на создание общества, основанного на водороде. Стратегия включала существующую дорожную карту по внедрению и распространению отдельных технологий, позиционируя водород как новый вариант безуглеродной энергетики.

В Базовой стратегии были сформулированы основные направления развития водородной энергетики и намечены количественные ориентиры использования водорода в производстве и потреблении энергии до 2050 г.

⁸ От англ. “3 E”: Energy security (энергетическая безопасность), Economic efficiency (экономическая эффективность), Environmental sustainability (экологическая устойчивость).

⁹ От англ. “3 E plus S”, где “S” – Safety (безопасность).

1. Заметное увеличение роли водорода в энергоснабжении потребителей и производстве транспортных средств (в том числе грузовиков, автопогрузчиков, локомотивов и даже маломерных морских судов).

2. Развитие инфраструктуры транспортировки водорода – как морским путем, так и через систему трубопроводов на территории Японии. Строительство водородных кластеров, а именно, специальных территорий, на которых водород как энергоресурс будет иметь первостепенное значение.

3. Создание приоритетных возможностей для развития водородной энергетики и повышения ее доли в энергобалансе страны до 25–30% (с учетом доли ВИЭ). Широкое внедрение систем улавливания и хранения углерода.

4. Разработка механизмов международного сотрудничества в вопросах транспортировки и хранения водорода, а также создание единых стандартов для образцов техники, работающей на водородных топливных элементах [Корнеев 2020].

В марте 2019 г. правительство Японии обновило свою Стратегическую дорожную карту в отношении водорода и топливных элементов. В дорожной карте были представлены новые цели по спецификациям базовых технологий, а также определены меры, необходимые для достижения этих целей.

В обновленной дорожной карте определены сроки реализации водородной экономики: 2022 г. – технологическая демонстрация возможности хранения и транспортировки водорода из-за рубежа; 2030 г. – внедрение полномасштабной генерации водорода; 2050 г. – реализация полноценного внутреннего потребления низкоуглеродного водорода¹⁰.

В последнем на данный момент шестом Стратегическом энергетическом плане 2021 г. декларируется растущее значение водородной энергетики. В нем представлено видение государства инвестиционно-технологических аспектов этого процесса. Так, планируется максимальное стимулирование производства водорода для нужд внутреннего рынка, а также выстраивание цепочек поставок из-за рубежа во взаимодействии с надежными партнерами, среди которых Бруней, Австралия, Норвегия, Россия (дальнейшее сотрудничество с Россией по водородной тематике в настоящее время поставлено на паузу, но не исключается его возобновление при наличии подходящих условий)¹¹.

В июне 2023 г. правительство Японии впервые пересмотрело свою Базовую водородную стратегию. Обновленная стратегия охватывает в качестве новых энергоносителей не только водород, но и аммиак, синтетический метан (или «е-метан»¹²) и синтетическое топливо.

В стратегии устанавливаются цели по увеличению поставок водорода и аммиака в страну (2030 г. – до 3 млн т, 2040 г. – 12 млн т, 2050 г. – 20 млн т), снижению стоимости поставок водорода (2030 г. – до 30 иен за м³, 2050 г. – 20 иен за м³), увеличению количества оборудования для электролиза воды с деталями японского производства (примерно до 15 ГВт мощности электролизеров во всем мире к 2030 г.) и привлечению государственных и частных инвестиций в цепочки поставок водорода и аммиака (на сумму более 15 трлн иен в течение следующих 15 лет)¹³.

¹⁰ Japan: Strategic Hydrogen Roadmap. <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/mfat-market-reports/japan-strategic-hydrogen-roadmap-30-october-2020/> (дата обращения: 10.11.2023).

¹¹ Корнеев К. Новые направления энергетической политики Японии и сотрудничество с Россией в условиях санкций. *Российский совет по международным делам*. 22.03.2022. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novye-napravleniya-energeticheskoy-politiki-yaponii-i-sotrudnichestvo-s-rossiei-v-usloviyakh-sanktsii/> (дата обращения: 31.07.2023).

¹² «Е-метан» (англ. e-methane) – альтернативный природный газ, синтезируемый из CO₂ и водорода.

¹³ Bocobza, J. & Tanabe, M. Japan Hydrogen Basic Strategy. <https://www.whitecase.com/insight-alert/japan-hydrogen-basic-strategy> (дата обращения: 09.11.2023).

Таким образом, правительство Японии рассчитывает к 2030 г. занять 10% мирового рынка производства водорода методом электролиза воды, к 2040 г. – увеличить в 6 раз ожидаемый годовой объем производства водорода в стране¹⁴.

Что касается создания международных цепочек поставок, Япония намерена укрепить свои связи со странами-потенциальными экспортерами водорода – странами Северной Америки, Ближнего Востока и АТР.

В рамках достижения вышеуказанных основных целей в Базовую стратегию была включена новая концепция – «Стратегия водородной промышленности» – и определены конкретные области, в которых японские компании имеют преимущества перед своими глобальными конкурентами с точки зрения передовых технологий¹⁵:

- поставка водорода (включая производство и цепочки поставок водорода);
- декарбонизированная энергетика;
- топливные элементы;
- использование водорода (включая процессы восстановления железа/стали из их соединений, химические продукты и суда, работающие на водороде);
- водородные соединения (включая топливный аммиак и продукты переработки углерода).

В области поставок водорода акцентируется внимание на проектировании крупных судов-перевозчиков различных видов водорода (сжиженный водород, метилциклогексан, аммиак), а в направлении декарбонизации энергетике – на разработке систем сжигания топлива с высоким содержанием водорода¹⁶.

Таким образом, эволюция энергетической политики Японии свидетельствует о том, что низкоуглеродный водород рассматривается как ключевой элемент энергоперехода.

Международное сотрудничество Японии в области водородных технологий и цепочек поставки водорода

Япония является одним из лидеров в области водородных технологий и заинтересованной стороной в развитии мирового рынка. Она взяла на себя ведущую роль в разработке ряда международных стандартов по водороду: ISO/TC197 (Водородные технологии), IEC/TC105 (Технологии топливных элементов) и UN/GTR13 (Глобальные технические правила для транспортных средств, работающих на водороде/топливных элементах) [Мастепанов, Араи 2020]. Также на долю Японии в 2011–2020 гг. в среднем приходилось 24% международных комплексных патентов в области развития водородных технологий во всех ключевых сегментах: 20% от общего количества патентов в области производства водорода, 22% – в области хранения и транспортировки, 28% – в сфере технологий конечного использования [Hydrogen... 2023].

Однако Япония уступает конкурентам по экономической эффективности отдельных передовых технологий: эксплуатационные расходы на японские щелочные электролизеры выше, чем на европейские и китайские. Прогнозируется, что к 2030 г. стоимость японских электролизеров будет в 2 раза выше китайских [Dellatte 2023]. Это может стать одним из ограничений для экспорта японских технологий на отдельных сегментах мирового рынка водорода.

¹⁴ Игнатьева А. Япония планирует в 6 раз увеличить объемы производства водорода к 2040 г. // *Neftegaz. RU*. 03.04.2023. <https://neftgaz.ru/news/Alternative-energy/775442-yaponiya-planiruet-v-6-raz-uvlichit-obemy-proizvodstva-vodoroda-k-2040-g/> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁵ Bocobza, J. & Tanabe, M. Japan Hydrogen Basic Strategy. <https://www.whitecase.com/insight-alert/japan-hydrogen-basic-strategy> (дата обращения: 09.11.2023).

¹⁶ Bocobza, J. & Tanabe, M. Japan Hydrogen Basic Strategy. <https://www.whitecase.com/insight-alert/japan-hydrogen-basic-strategy> (дата обращения: 09.11.2023).

Ключевыми направлениями государственных инвестиций в области развития водородных технологий в Японии являются: проектирование автомобилей с низкими выбросами углерода, создание сети заправочных станций для транспорта на топливных элементах, развитие цепочек поставок водорода с использованием новых источников за рубежом. По трем указанным направлениям аккумулируется около 80% суммарных государственных расходов на исследовательские разработки в области водородных технологий (508 млн долл. в апреле 2020 г. – марте 2021 г.). Кроме того, дополнительное финансирование Японского национального агентства исследований и разработок по развитию новой энергетики и промышленных технологий получают проекты, направленные на создание крупномасштабной цепочки поставок водорода (2,7 млрд долл.) и производство экологически чистого водорода (0,7 млрд долл.).

Япония также обладает преимуществом в технологии производства топливных элементов. Страна продолжает инвестировать в эту технологию и стремится стать ведущим мировым экспортером. Так, объем инвестиций в этой сфере в апреле 2020 г. – марте 2021 г. составил 92,5 млн долл (15% от суммарных государственных расходов на исследовательские разработки в области водородных технологий) [Nakano 2021].

Активный патронат государства и масштабные инвестиции в области развития водородных технологий и реализации проектов в этой сфере позволяют Японии поддерживать технологическое лидерство и выступать пионером в развитии глобального рынка водорода, стимулируя остальные страны на присоединение к формирующемуся рынку.

Одной из основных задач водородной стратегии Японии является выстраивание международных цепочек поставок водорода. С этой целью страна осуществляет масштабное инвестирование в данную сферу, активно налаживает партнерские отношения, скрепляя их двусторонними торговыми соглашениями, меморандумами и другими формами соглашений о сотрудничестве (табл. 2). Переход к преимущественно двухстороннему формату соглашений был обусловлен утратой иллюзий по поводу возможности создания международного режима торговли водородом в среднесрочной перспективе [Корнеев 2020].

Таблица 2. Международное сотрудничество Японии в области водородных технологий и поставок водорода

Контрагент	Формат взаимодействия, документ	Цель, результаты
Европейский Союз (ЕС)	Энергетический диалог между ЕС и Японией и сотрудничество в области инноваций для продвижения перехода к чистой энергетике и решения проблемы изменения климата (2019)	Разработка Меморандума о сотрудничестве.
	Зеленый альянс (2021)	Соглашение о сотрудничестве между Японией и ЕС, направленное на расширение усилий по декарбонизации, развитие сотрудничества в области водорода и обеспечение информационного обмена.
	Меморандум о сотрудничестве в области водорода между Министерством экономики, торговли и промышленности Японии (METI) и Европейской комиссией (2022)	Определение областей сотрудничества между ЕС и Японией в производстве, торговле, транспортировке, хранении, распределении и использовании водорода.

ЕС, США	Совместное заявление о будущем сотрудничестве в области технологий водорода и топливных элементов между МЕТІ, Генеральным директором Европейской комиссии по энергетике (ENER) и Министерством энергетики США (DOE) (2019)	Обязательство продолжать трехстороннее сотрудничество в области водородных технологий и топливных элементов.
США, Австралия, Индия	Пакет мер по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD) (Q-CHAMP)	Сотрудничество в области зеленого водорода: обмен опытом, создание цепочек поставок, совместное регулирование, рабочие группы и пилотные проекты.
Австралия	Меморандум о сотрудничестве в области энергетики и полезных ископаемых (2019)	Определение областей сотрудничества между двумя странами в энергетическом и ресурсном секторах, включая создание цепочек поставок водорода, ускорение НИОКР и разработку водородных технологий, а также развитие рынков водорода.
	Совместное заявление о будущем сотрудничестве в области водорода и топливных элементов (2020)	Сотрудничество и обмен передовым опытом в следующих областях: разработка нормативной базы; производство, доставка и хранение водорода; продвижение исследований и разработок в области водорода и технологий топливных элементов; стимулирование перехода отраслей на водород.
	Партнерство по декарбонизации с помощью технологий с низким уровнем выбросов (2021)	Укрепление сотрудничества между двумя странами (и странами АСЕАН) для достижения углеродной нейтральности посредством совместных инициатив, направленных на стимулирование технологий с низким уровнем выбросов, включая водородные технологии.
	Программа торговли чистым водородом (2022)	Экспорт зеленого сжиженного водорода из Австралии в Японию на сумму 150 млн австралийских долларов (93 млн евро).
Канада	Меморандум о сотрудничестве в области энергетики (2019)	Развитие технологий улавливания и хранения углерода, в частности, для производства водорода.
Новая Зеландия	Меморандум о сотрудничестве по водороду (2018)	Сотрудничество по разработке водородных технологий и пилотных проектов.
Индонезия	Меморандум о сотрудничестве по реализации энергоперехода (2022)	Обмен информацией и совместная реализация проектов по разработке и внедрению водородных технологий.

Сингапур	Меморандум о сотрудничестве в области разработки норм и технологий с низким уровнем выбросов (2022)	Обмен информацией, сотрудничество в области НИОКР, поиск путей сотрудничества по созданию стандартов и реализации международных норм в области водородной энергетики.
Таиланд	Меморандум о сотрудничестве по реализации энергетического партнерства (2022)	Сотрудничество в области водородных технологий, включая обмен информацией, совместное обучение и совместные инвестиции.
Вьетнам	Совместное заявление о сотрудничестве по достижению углеродной нейтральности (2021)	Обязательство двух стран о финансовой и технической поддержке в области водородной энергетики.
АСЕАН	Экономическое сотрудничество в эпоху после пандемии (2022)	Инвестиционные планы Японии в регионе АСЕАН, включающие конкретные обязательства по поддержке технологий декарбонизации, в том числе водородных.
Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)	Официальные обсуждения по созданию водородного партнерства (2021)	Формирование цепочки поставок низкоуглеродного водорода из ОАЭ, в которой Япония будет поставлять электролизеры.
Саудовская Аравия	Меморандум о взаимопонимании между Институтом экономики энергетики Японии (IEEJ) и компанией Saudi Aramco (2019)	Обсуждение возможностей по производству водорода из нефтяных ресурсов Саудовской Аравии и поставки «голубого» аммиака в Японию.
Россия	Совместное заявление о сотрудничестве между METI и Министерством энергетики РФ о сотрудничестве в области устойчивой энергетики (2021) ¹⁷	Развитие перспективных проектов по добыче и поставкам российского СПГ и газового конденсата, ВИЭ, производства водорода, продукции газохимии, аммиака, а также проектов CCUS.
Малайзия	Меморандум о взаимопонимании между компаниями Petronas, JOGMEC и ENEOS (ранее JX Nippon Oil and Gas Exploration) (2020)	Изучение возможностей разработки месторождений природного газа в Малайзии и экспорта в Японию водорода на основе природного газа с применением технологий CCUS.
	Меморандум о взаимопонимании между компаниями ENEOS-Petronas и Malaysia's Petronas (2021)	Разработка проекта поставок низкоуглеродного водорода в Японию. Проект является частью Зеленого инновационного фонда правительства Японии.
Аргентина	Меморандум о сотрудничестве с целью стимулирования развития водорода в качестве экологически чистого источника энергии (2019)	Японские инвестиции в области развития водородных технологий и интеграция Аргентины в глобальные цепочки поставок водорода.

Составлено по: [Delaval et al 2022; Dellatte 2023].

¹⁷ В 2022 г. заседания по сотрудничеству приостановлены.

Для потенциальных контрагентов сотрудничество с Японией представляет интерес по нескольким основным причинам: потенциальный масштабный рынок сбыта (в самой стране практически нет условий для производства водорода, так как нет ни необходимых площадей земли под развитие масштабной ВИЭ генерации, ни собственных запасов ископаемых энергоресурсов); трансферт технологий (страна является одним из лидеров в области водородных технологий); возможность получить иностранные инвестиции (правительство Японии осуществляет масштабные инвестиции для формирования международных цепочек поставок водорода). Тем самым Япония выступает как инициатор формирования взаимовыгодного сотрудничества не только для потенциальных экспортеров водорода, но и стран с ресурсами, необходимыми для производства новых материалов и оборудования в рамках всей цепочки производства и сбыта водорода.

Япония при выборе потенциальных контрагентов ориентирована на обеспечение надежности поставок, максимальную диверсификацию поставщиков, доступ к дефицитным природным ресурсам, необходимым в рамках перехода к углеродной нейтральности, развитие технологического партнерства и поиск потенциальных рынков сбыта японских технологий.

Японскими исследователями был выполнен анализ экономической эффективности поставок «зеленого» водорода, полученного из ископаемого топлива с использованием CCUS. Австралия, Китай, Россия и США определены как наиболее привлекательные страны для развития таких производств [Корнеев 2020].

В настоящее время Япония активно участвует в международных проектах по производству водорода в Норвегии, Австралии, Новой Зеландии, аммиака – в Саудовской Аравии, ОАЭ, Индонезии, Малайзии¹⁸.

Япония является пионером и в области организации международных цепочек поставки водорода. Одним из направлений является транспортировка водорода в виде смеси с толуолом. Примером служит совместный проект с Брунеем: водород получается из отработанного газа в Брунее, а в японском порту Кавасаки создан завод по дегидрированию для извлечения водорода из смеси. Поставки начали осуществляться с 2017 г., в 2020 г. объем составил около 110 т водорода. Водород в рамках данного проекта используется для питания производящей электроэнергию газовой турбины [Delaval et al 2022].

Другим направлением является транспортировка сжиженного водорода. Для реализации такого проекта в 2021 г. компанией Kawasaki Heavy Industries был построен первый в мире водородный танкер вместимостью 1250 м³. Водород производится из австралийского бурого угля и поставляется в японский порт Кобе. Поставка первой партии сжиженного водорода состоялась в 2022 г. [Delaval et al 2022].

Таким образом, Япония, являясь одним из технологических лидеров, обладая существенными финансовыми ресурсами и заинтересованностью в развитии глобального рынка водорода, выступает одним из основных драйверов формирования рынка. Однако, несмотря на достигнутые результаты, объем приложенных правительством и отдельными корпорациями Японии усилий пока не трансформировался в высокие темпы развития рынка низкоуглеродного водорода. От многостороннего формата обсуждения пришлось отказаться в пользу двухсторонних соглашений как наиболее перспективных форм международного сотрудничества. Построение международных цепочек поставок находится на начальном этапе, в настоящее время осуществляется реализация только пилотных проектов.

¹⁸ Список проектов подробнее см.: [Delaval 2022], Корнеев К. Политика Японии в области развития возобновляемой энергетики. *Российский совет по международным делам*. 08.12.2020. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/politika-yaponii-v-oblasti-razvitiya-vozobnovlyaemoy-energetiki/> (дата обращения: 31.07.2023).

Заключение

Проблема энергетической безопасности, которая обрела глобальные масштабы в период нефтяных кризисов 1970-х гг., многократно усилилась с обострением геополитической напряженности и перебоями в поставках энергоресурсов в период пандемии. Под большим давлением в данной ситуации оказались страны нетто-импортеры энергоресурсов.

На сегодняшний день Япония по-прежнему является крупным нетто-импортером энергоресурсов. Решение проблемы энергетической безопасности в стране длительное время виделось в развитии ядерной энергетики. Последнее обеспечивало как высокую долю собственного производства и сокращение импорта первичных энергоресурсов, так и решало проблему снижения выбросов парниковых газов. Однако, последствия аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. вынудили искать новые пути решения проблемы. Во всем мире приоритетным способом диверсификации топливно-энергетического баланса с учетом требований по снижению выбросов ПГ является широкомасштабное использование ВИЭ. У Японии природно-географические факторы выступают одним из существенных ограничений в плане возможностей использования и расширения данного направления. При нынешнем уровне техники и технологий для Японии наиболее оптимальным решением проблемы представляется развитие водородных технологий.

Япония была первой, кто включил водород как основной элемент энергоперехода, инициируя при этом формирование глобального рынка водорода, что было закреплено в Базовой водородной стратегии, принятой в 2017 г. В данной стратегии Японии отводится роль мирового технологического лидера и экспортера водородных технологий, одного из масштабных рынков сбыта и крупнейшего инвестора. Эволюция нормативно-правовых документов свидетельствует об усилении роли водорода в реструктуризации национальной экономики. Однако из-за высокой стоимости японского оборудования, используемого в производстве «зеленого» водорода, страна, скорее всего, будет проигрывать в конкуренции за рыночные ниши на глобальном рынке водорода.

Высокая активность Японии в международных проектах и соглашениях по развитию водородных технологий и цепочек поставок водорода вызывает рост заинтересованности со стороны множества стран, что отражается в увеличении количества заключенных соглашений о международном сотрудничестве, признанием странами ключевой роли водорода в энергопереходе и утверждении ими национальных водородных стратегий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афанасьев П.А., Попов Е.Ю., Черемисин А.Н. Потенциал генерации водорода в углеводородных пластах. *Neftegaz.RU*. 2022. №4. С. 102–107. <https://magazine.neftegaz.ru/articles/alternativnaya-energetika/733471-potentsial-generatsii-vodoroda-v-uglevodorodnykh-plastakh/> (дата обращения: 15.07.2023).
- Водород: формирование рынка и перспективы России. 2022. Москва: Институт проблем естественных монополий. <https://ipem.ru/content/vodorod-formirovanie-rynka-i-perspektivy-rossii/> (дата обращения: 15.07.2023).
- Корнеев К.А. Политика Японии в области развития водородной энергетики // *Японские исследования*. 2020. № 4. С. 64–77. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028.
- Мастепанов А.М., Араи Х. Водородная стратегия Японии // *Энергетическая политика*. 2020. № 11. С. 62–73. DOI: 10.46920/2409-5516_2020_11153_62
- Перспективы России на глобальном рынке водородного топлива / под. ред. А. Холкина. Москва: EnergyNet. 2019. <https://www.eprussia.ru/upload/iblock/ede/ede334adeb4c282549a71d6fec727d64.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).
- Подоба З.С. Энергетическая стратегия и переход к зелёной энергетике в Японии // *Японские исследования*. 2021. № 1. С. 6–24. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-6-24

REFERENCES

- Afanas'ev, P.A., Popov, E.Yu., & Cheremisin, A.N. (2022). Potentsial generatsii vodoroda v uglevodorodnykh plastakh [Potential for Hydrogen Generation in Hydrocarbon Reservoirs]. *Neftegaz.RU*, 4, 102–107. (In Russian). Retrieved June 21, 2023, from <https://magazine.neftegaz.ru/articles/alternativnaya-energetika/733471-potentsial-generatsii-vodoroda-v-uglevodorodnykh-plastakh/>
- Kholkin, A. (Eds.). (2019). *Perspektivy Rossii na global'nom rynke vodorodnogo topliva* [Prospects for Russia in the Global Hydrogen Fuel Market]. Moscow: EnergyNet. (In Russian). Retrieved June 21, 2023, from <https://www.eprussia.ru/upload/iblock/ede/ede334adeb4c282549a71d6fec727d64.pdf>
- Korneev, K.A. (2020). Politika Yaponii v oblasti razvitiya vodorodnoi energetiki [Japan's Policy in the Field of Hydrogen Energetics Development]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4, 64–77. (In Russian). <http://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-1-6-24>
- Mastepanov, A.M. & Arai, H. (2020). Vodorodnaya strategiya Yaponii [Japan's Hydrogen Strategy]. *Energeticheskaya politika*, 11, 62–73. (In Russian). http://doi.org/10.46920/2409-5516_2020_11153_62
- Podoba, Z.S. (2021). Energeticheskaya strategiya i perekhod k zelyonoy energetike v Yaponii [Energy Strategy and Transition to Green Energy in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 1, 6–24. (In Russian). <http://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-1-6-24>
- Vodorod: formirovanie rynka i perspektivy Rossii [Hydrogen: Market Formation and Prospects for Russia]. (2022). Moscow: Institute for Natural Monopolies Research. (In Russian).

* * *

- De Pee, A. et al. (2022, November 23). The Clean Hydrogen Opportunity for Hydrocarbon-Rich Countries. *McKinsey & Company*. Retrieved June 13, 2023, from <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-clean-hydrogen-opportunity-for-hydrocarbon-rich-countries>
- Delaval, B. et al. (2022). *Hydrogen RD&D Collaboration Opportunities: Japan*. CSIRO, Australia. Retrieved June 13, 2023, from <https://explore.mission-innovation.net/wp-content/uploads/2023/04/H2RDD-Japan-FINAL.pdf>
- Dellatte, J. (2023, March 20). Global Hydrogen Policy: Assessing Japan's Hydrogen Society. *Institute Montaigne*. Retrieved July 31, 2023, from <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/global-hydrogen-policy-assessing-japans-hydrogen-society>
- Energy Outlook 2023 (2023, January). *BP p.l.c.* Retrieved June 21, 2023, from <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2023.pdf>
- Geopolitics of the Energy Transformation: The Hydrogen Factor (2022, January). *IRENA*. Retrieved June 21, 2023, from <https://www.irena.org/Publications/2022/Jan/Geopolitics-of-the-Energy-Transformation-Hydrogen>
- Global Hydrogen Review 2022 (2022, September). *IEA*. Retrieved June 21, 2023, from <https://www.iea.org/reports/global-hydrogen-review-2022>
- Hydrogen Patents for a Clean Energy Future (2023, January). *IEA*. Retrieved June 21, 2023, from <https://www.iea.org/reports/hydrogen-patents-for-a-clean-energy-future>
- Japan 2021. Energy Policy Review (2021, March). *IEA*. Retrieved June 21, 2023, from <https://www.iea.org/reports/japan-2021>
- Nakano, J. (2021, October 21). Japan's Hydrogen Industrial Strategy. *CSIS*. Retrieved June 21, 2023, from <https://www.csis.org/analysis/japans-hydrogen-industrial-strategy>
- World Energy Outlook 2022 (2022, October). *IEA*. Retrieved June 21, 2023, from <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022>

Поступила в редакцию: 16.08.2023

Received: 16 August 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-81-93

Социокультурные особенности потребительского поведения японской молодежи: от традиционной парадигмы к современным трендам

В.С. Морозова, В.А. Реунова

Аннотация. В данной статье проанализирован ряд социокультурных аспектов, оказывающих влияние на формирование, развитие и динамику потребительского поведения молодежи в современном японском обществе. Авторы отмечают, что хотя современный контекст (технологии, медиа) оказывает влияние на потребительское поведение молодежи в Японии, при этом на него продолжают влиять и традиционные ценности и ориентации. Теоретико-методологической основой исследования являются комплексная методология, основанная на теории высоко- и низкоконтрастных культур Э.Т. Холла, применяемая при характеристике стадии принятия решения о покупке того или иного товара, а также социокультурный подход, позволивший проанализировать такие аспекты потребительского поведения, как ценности, ценностные ориентации, поведенческие стереотипы и мотивации. Этот подход позволил более детально разобраться в системе потребностей и предпочтений целевой аудитории, что в будущем будет способствовать разработке эффективных маркетинговых стратегий, соответствующих культурным и социальным нормам потребителей. Для проведения более детального анализа эффективности коммуникаций брендов с молодежным сегментом рынка были отобраны четыре международных компании, представляющие различные подходы к взаимодействию с целевой аудиторией: UNIQLO, Comme des Garçons (CDG), ZARA, Louis Vuitton (LV). Эти бренды были выбраны в соответствии с их популярностью среди японских потребителей на одном из крупнейших рейтинговых сайтов ranking.net. Далее авторы сосредоточили исследовательское внимание на тщательном анализе обширного объема эмпирических данных, полученных из разнообразных источников, включая данные из различных ресурсов, в т.ч. отчета о проекте World Values Survey Association и новостных СМИ, проанализировали SNS-аккаунты и официальные сайты указанных выше международных торговых компаний. Отличительной особенностью данного исследования является проведение глубоких структурированных интервью с представителями японской молодежи, общее количество которых составило 11 человек, что позволило уточнить некоторые положения работы, а также визуализировать отношение потребителей к выбранным компаниям в виде карт восприятия и облаков слов.

Ключевые слова: Япония, молодежь, потребительское поведение, социокультурные особенности, маркетинг.

Авторы: Морозова Валентина Сергеевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры китайской филологии, институт востоковедения, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (адрес: 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 9); приглашенный профессор кафедры исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии, институт востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (адрес: 190068, Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, 123). ORCID: 0000-0001-9928-4530; E-mail: morozova1550@mail.ru

Реунова Валерия Алексеевна, магистрант, магистерская программа «Электронный бизнес и цифровые инновации», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (адрес: 109028, Москва, Покровский бульвар, 11). ORCID: 0009-0002-7884-9111; E-mail: vareunova@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Морозова В.С., Реунова В.А. Социокультурные особенности потребительского поведения японской молодежи: от традиционной парадигмы к современным трендам // Японские исследования. 2023. № 4. С. 81–93. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-81-93

Sociocultural characteristics of consumer behavior among Japanese youth: From traditional paradigm to modern trends

V.S. Morozova, V.A. Reunova

Abstract. This article analyzes a range of sociocultural aspects that influence the formation, development and dynamics of consumer behavior among youth in contemporary Japanese society. The authors note that, while the modern context (technology, media) influences the consumer behavior of Japanese youth, traditional values and orientations continue to have an impact on it. The theoretical and methodological foundation of the research is a comprehensive methodology based on Edward T. Hall's theory of high-context and low-context cultures, which is applied to characterize the stage of decision-making in the purchase of various products. Additionally, a sociocultural approach was employed, allowing the analysis of consumer behavior aspects such as values, value orientations, behavioral stereotypes, motivations. This approach enabled a more in-depth understanding of the target audience's needs and preferences, which, in the future, will facilitate the development of effective marketing strategies aligned with the cultural and social norms of consumers. To conduct a more detailed analysis of the brand communications effectiveness with the youth segment of the market, four international companies were selected, representing various approaches to interacting with the target audience: UNIQLO, Comme des Garçons (CDG), ZARA, and Louis Vuitton (LV). These brands were chosen based on their popularity among Japanese consumers according to one of the largest ranking websites, ranking.net. The authors then focused their attention on a thorough analysis of a vast amount of empirical data obtained from various sources, including data from diverse resources, including the report from the World Values Survey Association and news media. They analyzed social networking services (SNS) accounts and official websites of the aforementioned international trading companies. A distinctive feature of this study is the use of in-depth structured interviews with representatives of the Japanese youth, with a total of 11 participants, which allowed for the refinement of the research on certain aspects and the visualization of consumers' attitudes towards the selected companies in the form of perception maps and word clouds.

Keywords: Japan, youth, consumer behavior, sociocultural characteristics, marketing.

Authors: Morozova Valentina S., Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Chinese Philology, Institute of Oriental Studies, Herzen University (address: 9, Moika Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation); Visiting Professor, Department of Chinese, South and Southeast Asian Studies, Institute of Asian and African Studies, HSE University (address: 123, Griboyedov Canal, Saint-Petersburg, 190068, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9928-4530; E-mail: morozova1550@mail.ru

Reunova Valeriia A., master's student, Master's Programme "Electronic Business and Digital Innovations", HSE University (address: 11, Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation). ORCID: 0009-0002-7884-9111; E-mail: vareunova@edu.hse.ru

Conflicts of interests: Authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Morozova, V.S., Reunova, V.A. (2023). Sotsiokul'turnye osobennosti potrebitel'skogo povedeniya yaponskoi molodezhi: ot traditsionnoi paradigmy k sovremennym trendam [Sociocultural characteristics of consumer behavior among Japanese youth: From traditional paradigm to modern trends]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 81–93. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-81-93

Введение

Япония является одной из ведущих стран по объему ВВП, что привлекает на ее рынок различные международные компании. Однако Япония также известна и крайне требовательной потребительской аудиторией, что связано с социокультурными особенностями японцев, ценностные ориентации которых различны в каждой возрастной группе. Так, японская молодежь не только характеризуется высоким уровнем потребительской культуры, что способствует увеличению спроса на качественную одежду и модные бренды, но и очень восприимчива к глобализационным тенденциям, сохраняя при этом связь с системой традиционных ценностей, которая также оказывает влияние на их потребительскую идентичность. Сегодня модель потребления японской молодежи трансформируется вместе с изменением их образа жизни [Goy-Yamamoto 2004, p. 271]. Эти изменения проявляются в новых способах социальных контактов, новых формах работы, во внимании к вопросам гендера и т.д. Японские молодежные субкультуры (например, *отаку* – фанаты аниме или *кояру* – субкультура японских старшеклассниц) оказывают влияние на направления модных тенденций, разработку инновационных продуктов [Keliyan 2011]. Учитывая, что указанная группа составляет существенную часть платежеспособной аудитории японского рынка, данное исследование приобретает особую актуальность.

Основная задача исследования состояла в изучении влияния современных социокультурных факторов и традиционных ценностей на потребительское поведение современной японской молодежи, на формирование и выражение потребительской идентичности данной аудитории. Для реализации этой задачи авторы использовали комплексную методологию, основанную на концепции высоко- и низкоконтекстных культур Э.Т. Холла, контент-анализе социальных медиа платформ, а также серии глубинных интервью с представителями молодого поколения. Такой подход позволяет не только изучить потребительское поведение путем анализа социокультурных установок и тематизации опыта потребителей, сделав акцент на важности объединения методов поведенческой науки и маркетинговых исследований [Vespestad 2020], но и связать теоретические аспекты с реальными практиками и более глубоко понять, каким образом социокультурные аспекты влияют на выбор и предпочтения молодежи в процессе потребления, а также как эти влияния отражаются на их социальной и культурной интеграции в современное общество.

Теория высоко- и низкоконтекстных культур Э.Т. Холла и специфика потребительской идентичности в современной Японии

Исследование феномена потребительской идентичности как совокупности взглядов, убеждений, ценностей и поведенческих намерений, которые формируют потребителя как личность, является важным аспектом маркетинговых исследований, так как позволяет лучше понять потребности и предпочтения целевой аудитории, а также разработать эффективные стратегии продвижения продуктов на рынке. Оно позволяет уяснить, как взгляды, ценности

и поведенческие намерения потребителей, связанные с различными культурными основаниями, влияют на их потребительскую идентичность. Так, потребительская идентичность, основанная на коллективистских ценностях, может предполагать предпочтение товаров и услуг, которые подчеркивают принадлежность к определенной группе или сообществу, а потребительская идентичность, основанная на индивидуалистических ценностях, может предполагать предпочтение товаров и услуг, которые подчеркивают индивидуальность и самостоятельность. В восточноазиатских обществах, к которым принадлежит и Япония, индивидуализм и коллективизм сосуществуют, и это оказывает влияние и на процесс формирования идентичности молодежи, и на ее потребительские предпочтения [Sugimura et al. 2021].

Методология Э.Т. Холла позволяет охарактеризовать японскую культуру как *высококонтекстную*, т.е. транслируемая ею информация заключена не только в словах, но в большей степени в знаках (невербальных сигналах, жестах, мимике), поэтому умение читать между строк является для японского общества принципиальным, а сами японцы особенно чувствительны к второстепенным и не очевидным вещам [Hall & Hall 1987, p.8, 52]. Подобный исторически сложившийся социокультурный контекст формирует культуру Японии, стиль общения представителей которой не прямой и его ключевая информация содержится в символах [Wang et al. 2020, p.315] и зависит от ситуации. Более того, прямое выражение чувств и мыслей всегда рассматривалось здесь как неуместное, что способствовало установлению в японском обществе негласных норм и правил.

Даже стандартная *«модель демонстративного потребления»* характеризуется в современной Японии своими нюансами. Данная модель потребительской идентичности нацелена на выделение себя среди других и привлечение внимания [Veblen 1997, p. 85]. Вместе с тем, в современной коллективистской Японии подобное нарочитое выделение себя с помощью консюмеризма избегается, и наблюдается тенденция так называемого «незаметного или невыразительного потребления» [Fujiwara & Moriguchi 2021, p. 3]. В высококонтекстном культурном окружении, характеризующимся внимательностью японского населения к деталям в повседневной жизни, потребители легко распознают происхождение бренда, и покупателям брендов класса люкс не требуется дополнительно подчеркивать свой статус внешними атрибутами. Именно поэтому бренды класса люкс с минималистским дизайном пользуются большей популярностью, чем те, которые придают излишнюю изысканность облику.

Изучение потребительских предпочтений японской молодежи как предмета исследования рассматривает три этапа (этап осознания потребности, этап поиска информации, этап оценки альтернатив). Однако культура Японии и здесь накладывает свой отпечаток, т.к. японская потребительская идентичность, которую формирует *высококонтекстная культура*, делает акцент на эстетической ценности товара. Придавая большое значение оформлению, японские потребители, как правило, избегают приобретения товаров с поврежденной или некрасивой упаковкой. Более того, даже используемые цвета могут оттолкнуть потребителя от покупки: например, желтый цвет ассоциируется с чистящими средствами, следовательно, косметические товары с желтым оформлением игнорируются [Hall & Hall 1987, p. 137].

Кроме того, японские потребители могут быть эмоционально привязаны не только к продукту, но и к самому бренду, поскольку развитие долгосрочных отношений поощряется обществом [Deno 2018, p. 42]. Этот принцип заложен в концепции «окаку-сама» (お客様, т.н. клиентоориентированность), согласно которой культура стимулирует предприятия к построению долгосрочных отношений с клиентами. Это означает, что японские предприятия часто строят отношения с клиентами на основе личного контакта и доверия, а не на краткосрочных коммерческих интересах. Японские потребители скорее склонны к покупке товаров и услуг от компаний, которые они знают и которым доверяют, даже если другие компании предлагают более дешевые и доступные альтернативы.

В целом, теория культурных измерений Холла позволяет выделить следующие особенности потребительской идентичности в современной Японии:

- «скрытый потребительский спрос» / «недемонстративное потребление» – феномен, связанный с нежеланием японцев демонстрировать свои истинные предпочтения. Поэтому многие японские компании уделяют большое внимание деталям, качеству и удобству использования товаров, а не только их внешнему виду или бренду;

- лояльность к бренду, исходящая из эмоциональной связи (モノへの愛着, mono e no aichaku, что переводится буквально как «привязанность» к предметам). Этот термин используется для описания тесной эмоциональной связи, которая может возникнуть между человеком и предметом, который он приобрел или использует.

После рассмотрения основных концепций и культурных контекстов потребительской идентичности современного японского общества, перейдем к исследованию молодежного сегмента как ключевой потребительской аудитории.

Молодежный сегмент Японии как ключевая потребительская аудитория

В современном мире молодежный сегмент является ключевой потребительской аудиторией по ряду причин. Молодежь представляет собой активную социальную группу, склонную к увеличению расходов на развлечения, к покупке модных вещей, косметики, современных высокотехнологичных товаров. Она легче принимает новые идеи и продукты, а потому является ключевым игроком на рынке. В современной Японии молодежный сегмент не является исключением, он также следит за модными трендами и является влиятельной потребительской группой. Кроме того, в Японии студенческая молодежь обладает высокой покупательной способностью, в том числе благодаря тому, что в этой стране развита практика подработки на неполный рабочий день. Современная японская молодежь также является крупнейшей группой потребителей быстрой моды, при этом некоторые известные марки ориентированы именно на японский молодежный рынок. Так, компания UNIQLO удерживает первое место по объему продаж в молодежном сегменте одежды, а бренд SUPREME систематически организует лимитированные выпуски продукции, которые фактически распродаются в течение нескольких минут после начала продаж.

Далее, для анализа коммуникаций брендов с молодежным сегментом были выбраны четыре компании: UNIQLO, Comme des Garçons (CDG), ZARA, Louis Vuitton (LV). Эти бренды были выбраны в соответствии с их популярностью среди японских потребителей на одном из крупнейших рейтинговых сайтов ranking.net. UNIQLO и ZARA¹ занимают соответственно первое и второе места среди брендов быстрой моды². LV занимает второе место после GUCCI в рейтинге лучших брендов класса люкс, но в отдельных мужских и женских рейтингах он занимает первое место. CDG занимает 17-е место в общем рейтинге и 1-е место среди брендов высокого класса из Японии³. Авторы классифицируют их по двум блокам, исходя из такого критерия, как страна происхождения – японские (UNIQLO, Comme des Garçons) и неапонские (ZARA, Louis Vuitton) компании. Данный критерий был выбран, так как он отражает степень

¹ Fasuto fasshon burando rankingu (Fast Fashion Brands Ranking) // Minna no rankingu (Ranking by Everyone). June 15, 2022. <https://ranking.net/rankings/best-fast-fashion-brands> (дата обращения: 16.06.2023).

² Быстрая мода (англ. fast fashion) – это концепция производства и продажи модной одежды, которая подстраивается под быстро меняющиеся тенденции и доступна по относительно невысокой стоимости. Такие компании регулярно обновляют свои коллекции, выпуская линии одежды, обуви и аксессуаров для удовлетворения спроса на сезонные тренды.

³ Haiburando rankingu (Luxury Brands Ranking) // Minna no rankingu (Ranking by Everyone). June 12, 2023. <https://ranking.net/rankings/best-high-fashion-brands> (дата обращения: 16.06.2023).

понимания производителями социокультурных особенностей, влияющих на потребительские предпочтения. В каждой из этих групп представлены бренд люксовой категории (Comme des Garçons, Louis Vuitton) и бренд масс-маркета (UNIQLO, ZARA).

Начнем анализ с японских брендов *UNIQLO* и *Comme des Garçons*:

Бренд UNIQLO, основанный в 1974 г.⁴, занимает третье место среди крупнейших производителей одежды и ритейлеров в мире и второе место по глобальной рыночной капитализации после INDITEX (ZARA)⁵. В последнее время компания значительно усовершенствовалась: из производителя дешевой и некачественной одежды [Assmann 2018, р. 5] она превратилась во всемирно известный бренд, который может вызвать гордость у японских потребителей [Bautista et al. 2020, р. 110]. Важными моментами в деятельности бренда являются простота, продемонстрированная в кампании #SimpleMadeBetter, и молодежность, представленная в продвижении графических футболок UNIQLO (UT), на которых изображены личности и персонажи, популярные среди японской молодежи [Lascity 2019, р. 61]. Сотрудничество с музыкальной группой YOASOBI в 2021 г. также широко рекламировалось с помощью молодежных видеороликов с интервью на YouTube⁶. UNIQLO имеет аккаунты в различных социальных сетях, но самый представительный – в японской социальной сети LINE (41 млн подписчиков). Социальная сеть LINE является одной из самых популярных среди молодежи Японии. Среди ее пользователей большинство составляют люди в возрасте от 15 до 29 лет, что связано с множеством функций, которые особо привлекательны для этой категории (мессенджер, онлайн-игры, групповые чаты, магазин стикеров).

Авангардный дизайнерский бренд Comme des Garçons был основан Кавакубо Рей в 1973 г., а его первый бутик был открыт в Токио⁷. В настоящее время – это международный японский бренд одежды премиум-класса, признанный в Японии и в других странах. Однако одной из главных особенностей бренда является то, что он часто сотрудничает с брендами массового спроса, такими как Vans, Nike, Converse⁸ и H&M⁹. Comme des Garçons часто экспериментирует с нестандартными стилями, создавая эксклюзивные коллекции, привлекающие внимание молодежи (например, коллекция PLAY). Что касается социальных сетей, то у CDG нет аккаунта в LINE, а на странице в Instagram всего 2,3 млн подписчиков, и контент в основном демонстрирует информацию о проходящих показах и фотографии из бутиков.

Таким образом, можно сказать, что оба бренда нацелены на молодежный сегмент, их маркетинговые стратегии и дизайн учитывают социокультурные особенности японской молодежи, которые, среди прочего, выражаются в следующем.

- Минимализм. Японская молодежь зачастую выражает свой стиль через минималистичные формы и нейтральные цвета, что находит отражение в ассортименте UNIQLO и Comme des Garçons.

- Отношение к культурному наследию. Японская молодежь является ярким примером ценителей своей культуры и традиций. Показательно, что компания Comme des Garçons известна

⁴ Company Introduction // FAST RETAILING CO., LTD. June 2, 2023. <https://www.fastretailing.com/eng/group/strategy/japan.html> (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ Industry Ranking // FAST RETAILING CO., LTD. May 31, 2023. <https://www.fastretailing.com/eng/ir/direction/position.html> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Zara // YouTube. 2023. <https://www.youtube.com/user/ZARA> (дата обращения: 20.04.2023).

⁷ Comme des Garçons biography // Catwalk Yourself. January 31, 2012. <http://www.catwalkyourself.com/fashion-biographies/comme-des-garcons/> (дата обращения: 20.04.2023).

⁸ Nguyen. A. A brief history of Comme des Garçons collaborations // SneakerFreaker. September 6, 2019. <https://www.sneakerfreaker.com/features/a-brief-history-of-comme-des-garcons-collaborations> (дата обращения: 20.04.2023).

⁹ Barnett L. Comme's New Look // British Vogue. October 2, 2008. <https://www.vogue.co.uk/article/comme-des-garcons-handm-preview> (дата обращения: 20.04.2023).

использованием традиционных японских тканей, а UNIQLO часто включает аутентичные японские элементы в свои коллекции.

– Интерес к инновациям. Японская молодежь считается технологически продвинутой и открытой к инновациям. Оба бренда, Comme des Garçons и UNIQLO, активно используют новые технологии в своей одежде (например, для обеспечения дополнительной защиты от непогоды).

– Андрогинность. Японская молодежь признает значимость гендерной нейтральности в одежде. Оба бренда, Comme des Garçons и UNIQLO, известны своими коллекциями, которые предлагают унисекс модели одежды.

Далее проанализируем неазиатские бренды ZARA и Louis Vuitton.

ZARA, испанский бренд, входящий в состав компании INDITEX, начавший свою деятельность на японском рынке в 1998 г., на данный момент представляет собой одного из самых успешных ритейлеров быстрой моды [Assmann 2018, p. 62]. Несмотря на наличие аккаунта в социальной сети LINE, он, однако, не располагает автоматической рассылкой купонов и информацией о новых поступлениях, как это делает UNIQLO. Одной из главных особенностей ZARA является отказ от телевизионной рекламы в типичном понимании. По словам руководства компании, она направляет инвестиции на качество, а не на телерекламу¹⁰. Именно по этой причине на YouTube не существует канала, ориентированного на аудиторию японских потребителей. По сравнению с японским конкурентом UNIQLO, ZARA воспринимается как более дорогой бренд, соответственно, он нуждается в совершенствовании своей рекламной стратегии. Однако следует подчеркнуть, что товары этого бренда рассматриваются как более уникальные, чем продукция UNIQLO.

Louis Vuitton появился в Японии вместе с другими европейскими брендами класса люкс в конце 1980-х гг. Основными потребителями продукции бренда были люди, которые покупали стильные товары, такие как кошельки и сумки, подчеркивая роскошь в деталях [Nachon 2016, p. 42]. Louis Vuitton, осознав культурный фон японского рынка и важность высококонтекстных ценностей [Nachon 2016, p. 49], стал одним из самых популярных брендов. Сегодня у компании есть официальный аккаунт в социальной сети LINE с количеством подписчиков 8,3 млн. Сайт Louis Vuitton предоставляет невероятно подробное описание товара (3D-модель изделия, видеоролики), что привлекает не склонных к риску японских потребителей. Кроме того, данный бренд предоставляет высококачественное обслуживание, включая гарантию возврата средств и услуги по ремонту, что способствует концепции お客様 *окаяку-сама*. Можно отметить, что в целом Louis Vuitton смог адаптироваться к японскому рынку и превзошел Comme des Garçons по части обслуживания клиентов.

Таким образом, очевидно, что ZARA и Louis Vuitton – это бренды с разными стратегиями и подходами к молодому сегменту японской потребительской аудитории. Являясь люксовым брендом, Louis Vuitton нацелен на более возрастную потребительскую категорию, стремящуюся приобрести вещь исключительно премиального статуса. Что касается ZARA, то ее маркетинговые направления частично схожи с UNIQLO в стремлении адаптировать свои продукты к местным условиям, что проявляется в следующем.

– Ассортимент товаров. В свой ассортимент ZARA включает товары, отражающие японскую культуру и традиции (кимоно, обувь в стиле гэта, одежда с японскими принтами), т.к. несмотря на открытость западной культуре, современная японская молодежь все же придерживается традиционных правил и обычаев.

¹⁰ Takahiro Saito. ZARA wa naze kōkoku nashi de tsuyoi no ka? [Why is ZARA strong despite not doing advertisements?] // TokyoKeizai. December 16, 2017. <https://toyokeizai.net/articles/-/564804> (дата обращения: 20.04.2023).

– Цветовые предпочтения. В Японии ZARA предлагает одежду более нейтральных, приглушенных оттенков, т.к. японская молодежь ориентирована на понятие 侘び・寂び (ваби-саби), описывающее красоту, происходящую из скромности и простоты.

– Адаптация маркетинговых кампаний. ZARA проводит маркетинговые кампании, которые учитывают интересы японской молодежи. Например, использует японский язык в рекламе, в том числе в социальных медиа, популярных среди японской молодежи (LINE).

Таким образом, можно резюмировать, что несмотря на более подготовленные к работе с японской молодежью национальные бренды, зарубежные компании, стремящиеся понять социокультурную специфику страны, заключающуюся в эстетике контекстуальной простоты, хорошем качестве и бережливости, имеют все возможности увеличить свою долю рынка путем привлечения молодой аудитории. Также можно привести в качестве отрицательного примера компанию Abercrombie & Fitch, которая, игнорируя важность культурных различий, не сумела установить контакт с японской молодежью, так как сделала упор не на характерную для Японии спокойную атмосферу, а на яркое освещение, громкую музыку, вычурный стиль и агрессивные ароматы, что оказалось непривлекательным для местных потребителей. Этот пример демонстрирует важность учета культурных различий при входе на международный рынок и адаптации своих стратегий маркетинга и продаж к потребностям местных потребителей.

Социокультурные особенности потребительского поведения современной японской молодежи и тенденции их трансформации (по результатам структурированного глубинного интервью)

Как уже было показано ранее, исследование потребительского поведения молодежи становится одним из основных факторов маркетинговых исследований. В данном разделе приводятся результаты структурированного глубинного интервью с представителями японской молодежи с целью определить, каким образом социокультурные особенности влияют на ее потребительское поведение и как оно трансформируется под их влиянием.

Метод глубинного интервью был выбран для сбора качественных данных, т.к. он позволяет получить более точное представление о мнениях, взглядах и поведении людей [Nassaji 2020]. Основным преимуществом глубинного интервью является то, что исследователь может прямо задавать вопросы участникам, получая не только качественную информацию, но и учитывая контекст, в котором она была высказана. Кроме того, структурированный подход к проведению интервью гарантирует одинаковость вопросов для всех участников, что позволяет более точно сравнивать и анализировать полученные ответы. В нашем случае использование структурированного глубинного интервью было особенно целесообразным для изучения социокультурных особенностей потребительского поведения японской молодежи, так как позволило глубже понять мировоззрение, ценности и мотивы поведения участников, что не всегда достижимо при применении других методов исследования, таких как анкетирование или наблюдение.

Для получения необходимых для анализа данных авторы исследования провели интервьюирование одиннадцати молодых японских потребителей, для чего был составлен опросный лист из двух частей. Первая часть была посвящена общим вопросам о процессе потребления, а вторая часть состояла из вопросов, касающихся международных компаний, выбранных для данного исследования и рассмотренных в предыдущем разделе (ZARA, UNIQLO, Louis Vuitton, Comme des Garçons).

Избегая неопределенности, японские потребители покупают товар уже известных марок, предпочитая идти за ним в универмаг, что говорит о *неприятии риска* как одной из социокультурных особенностей их потребительского поведения. Это же подтверждается и тем фактом, что молодые потребители в Японии довольно холодны к онлайн-покупкам одежды

и аксессуаров. Среди опрошенных молодых японцев никто не покупает эти товары через Интернет (по крайней мере, сразу), а более 80 % и вовсе предпочитают для таких случаев универмаги (рис. 1).

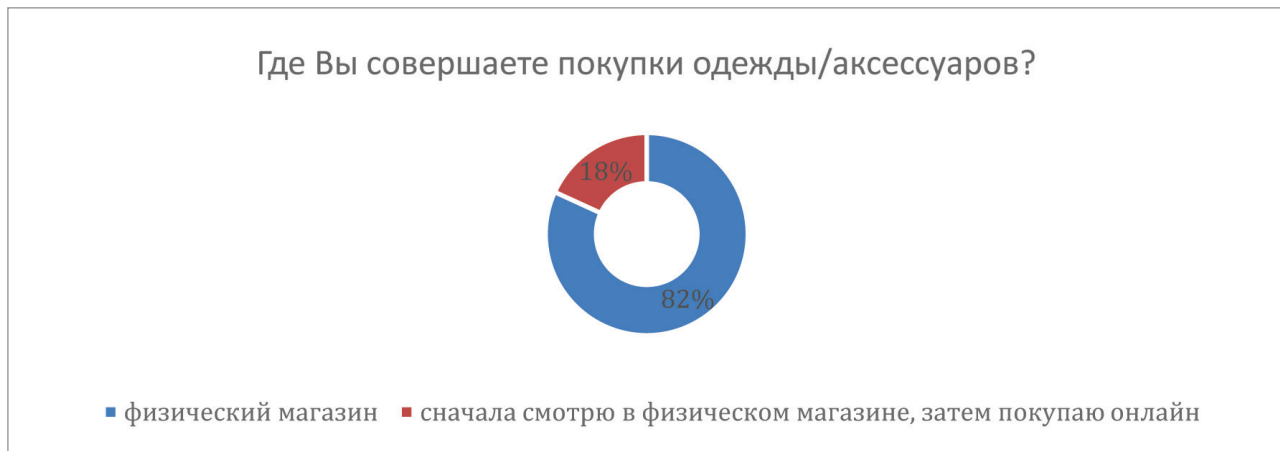

Рис. 1. Где совершает покупки японская молодежь.

Анализ результатов интервью позволил выявить еще одну социокультурную особенность потребительского поведения молодежи, которая выражается в *противоречии между коллективистской моделью поведения и индивидуалистическими тенденциями*. В частности, было выявлено, что молодые люди мало прислушиваются к лидерам мнений. Только 33 % респондентов приобретают товары по рекомендации эксперта, более того, 67 % респондентов ответили, что в принципе не могут назвать значимых для них лидеров мнений (рис. 2).

Рис. 2. Наличие опыта покупки по рекомендации инфлюенсера.

Следующая социокультурная особенность потребления японской молодежи связана с вниманием к *соответствию символа и цвета продукта*. Говоря об эстетике продукта, подавляющее большинство (около 90 %) опрошенных ответили, что не будут покупать товар, если сочтут его символы или цвета неуместными. Кроме того, 60 % молодых потребителей считают важным качество упаковки. Таким образом, молодые потребители следуют японской модели потребления, описанной в предыдущем разделе, согласно которой важно обращать внимание не только на качественные характеристики, но и на внешний вид товара (рис. 3).

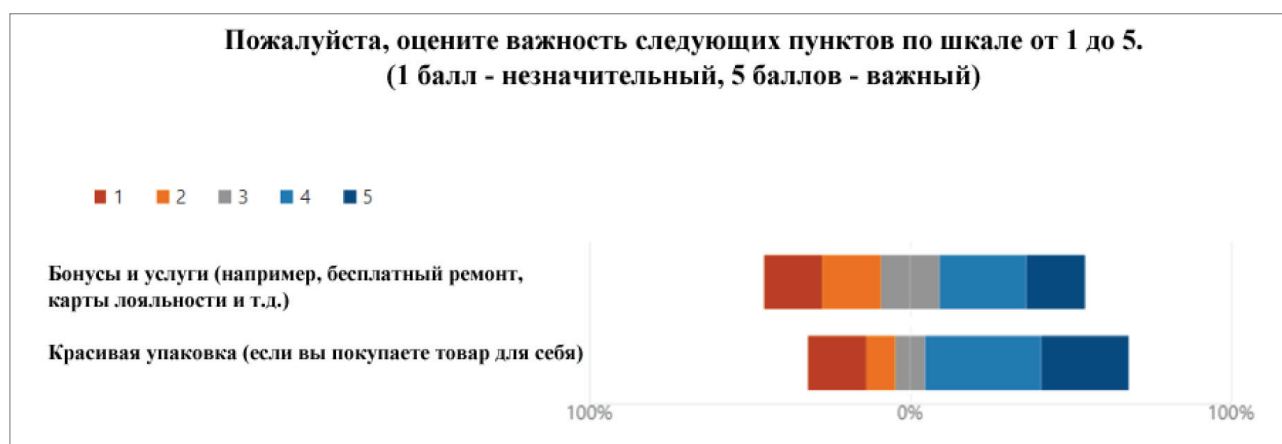

Рис. 3. Степень важности услуг и упаковки.

Склонность к этичному потреблению также может быть определена как социокультурная характеристика, поскольку она отражает бытующие в обществе ценности, убеждения и нормы. Среди компаний, представленных в исследовании, ZARA объявила о своей цели к 2025 г. использовать в своих коллекциях не загрязняющие окружающую среду ткани, а японская компания UNIQLO активно работает над снижением своего экологического следа (внедряя, например, переработку текстильных отходов). Кроме того, более 80 % респондентов отказались бы покупать товары у компании, ведущей неэтичную деятельность (например, тестирование на животных, детский труд) (рис. 4).

Рис. 4. Отношение к неэтичным методам производства товара.

Наконец, анализ ответов респондентов выявил *тенденцию к экономии финансовых средств и мониторингу цен*. Прежде всего, следует отметить, что значительная часть молодых потребителей откладывает средства для приобретения дорогих товаров (63 %). В целом нынешнее поколение молодых японцев менее заинтересовано в статусных покупках по сравнению с предыдущим поколением, что также подтверждается результатами опроса.

Большинство респондентов не проявляли особого интереса к брендам класса люкс на протяжении всего интервью. Во-вторых, японская молодежь нечасто совершает импульсивные покупки, так как по шкале от 1 до 5 респонденты оценили частоту этой привычки в 2,45 балла. Тем не менее, опрошенные молодые люди отмечают, что трата денег делает их счастливее. Кроме того, они не считают, что дорогие товары всегда хорошего качества и что скидка указывает на низкое качество товара. Более половины респондентов знают о международных распродажах, таких как «Киберпонедельник» и «Черная пятница», и около 30 % всех опрошенных покупают товары со скидкой во время этих акций (рис. 5).

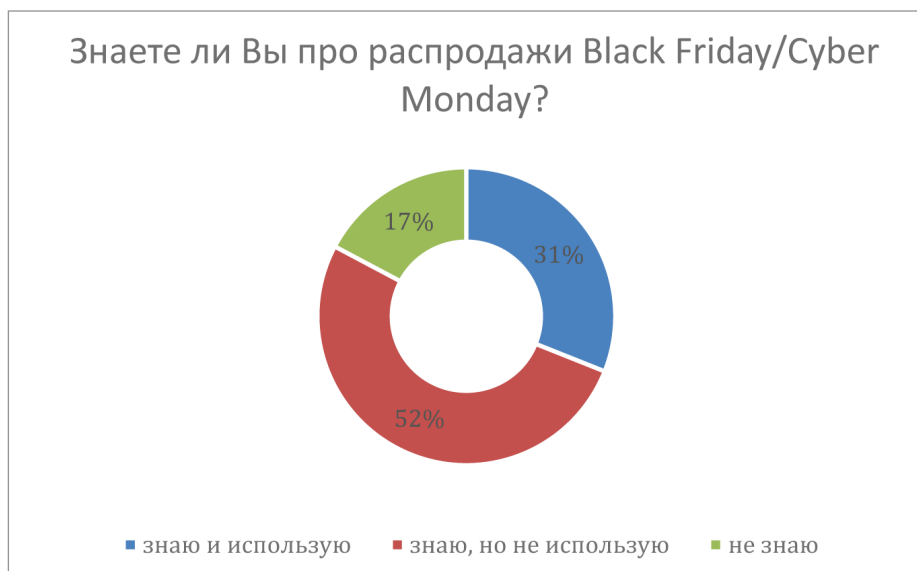

Рис. 5. Наличие знаний о международных распродажах.

Мы также попросили респондентов кратко охарактеризовать их чувства и эмоции по отношению к брендам ZARA, UNIQLO, Louis Vuitton, Comme des Garçons и на основе их ответов составили т.н. облака слов, визуализирующие их частотность и отражающие соответствующее отношение (рис. 6, 7). Слова, которые встречались в ответах респондентов чаще, отображены крупнее, а менее частотные – мельче. Такая визуализация используется для обобщения содержания исследования, а также – выделения ключевых тем и идей.

Рис. 6. Чувства и эмоции покупателей по отношению к брендам ZARA и UNIQLO.

Рис. 7. Чувства и эмоции покупателей по отношению к брендам Louis Vuitton и Comme des Garçons.

Результаты интервьюирования позволили выявить следующие тенденции. Сохраняя свои социокультурные особенности, молодые японские потребители в то же время испытывают значительное влияние мировой потребительской культуры. Глобальные тенденции потребления приводят к индивидуализации [Mizokami 2018], однако, сохраняется и влияние традиционных японских черт. Помимо внимательного отношения к качеству товара и мнению других людей, молодые японские потребители стали обращать внимание на этические тренды потребления. Совершая покупки, японская молодежь является как приверженцем традиционных ценностей (осознание бережливости), так и глобальных тенденций (любовь к распродажам).

Таким образом, данное исследование может быть полезным для понимания современных тенденций в потребительском поведении японской молодежи в контексте изучения изменений в структуре потребительского рынка Японии.

Заключение

В результате исследования, определившего социокультурные особенности потребительского поведения современной японской молодежи, были сделаны следующие выводы. Согласно теории низко- и высококонтекстных культур Э.Т. Холла, японская молодежь и сегодня в значительной степени опирается на неявные, подразумеваемые социокультурные нормы и контексты. Это относится и к ее потребительской идентичности. Несмотря на то, что национальные бренды в Японии более подготовлены к работе с молодежью, зарубежные компании все же имеют шансы на увеличение своей доли на рынке при условии, что они учитывают особенности японской культуры (эстетику простоты, качества, бережливости и т.д.). Результаты глубинного структурированного интервью показали, что молодые японские потребители, сохраняя свои социокультурные особенности, испытывают значительное влияние мировой потребительской культуры, что проявляется во все большей индивидуализации их потребительских предпочтений. Представляется, что одним из направлений дальнейшей работы, могло бы стать исследование влияния цифровой трансформации и социальных медиа на потребительское поведение молодежи в Японии, эффективности цифровых маркетинговых стратегий и их соответствия социокультурным особенностям японского рынка.

REFERENCES

- Assmann S. (2018). Consumption of Fast Fashion in Japan Local Brands and Global Environment. In J. C. Katarzyna & E. Machotka (Eds.), *Consuming Life in Post-Bubble Japan: A Transdisciplinary Perspective* (pp. 49–67). Amsterdam University Press.
- Bautista, R.Jr., Osaki, T., Jeong, L.S. (2020). Japanese and Filipino College Students as Consumers: Does Country of Origin Affect Their Purchase Intent? *Business & Economic Review*, 29 (1), 104–116. Retrieved June 16, 2023, from <https://www.dlsu.edu.ph/wp-content/uploads/2020/02/9Suplico-2020-012820.pdf>
- Deno, Kazuko. (2018). *Nippongata rirēshonshippu mākethingu no kōsatsu kēsu sutadi risāchi ni yoru bunseki* [A Study of Japanese-Style Relationship Marketing: An Analysis Using Case Study Research]. Doctoral Dissertation, Graduate School of Management Strategy, Kwansei Gakuin University. (In Japanese).
- Fujiwara, H., Moriguchi, T. (2021). Ragujuari burando no tajigenteki kachi ga kōbai ito no keisei e ataeru eikyō zai no kansatsu kanōsei no eikyō to jūyō kachi jigen no tokutei nikansuru kenshō [The Influence of Multidimensional Value of Luxury Brands on the Formation of Purchase Intentions: An Examination of the Influence of Goods' Observability and the Identification of Important Value Dimensions]. *Journal of Marketing and Distribution* 24 (1), 1–15. https://doi.org/10.5844/jsmd.24.1_1 (In Japanese).
- Goy-Yamamoto, A. (2004). Japanese youth consumption: A cultural and a social (r)evolution crossing borders. *Asia Europe Journal*, 2, 271–282. <https://doi.org/10.1007/S10308-004-0094-8>
- Hall, E. T., Hall, M. R. (1987). *Hidden differences. Doing business with the Japanese*. Doubleday.
- Keliyan, M. (2011). Kogyaru and Otaku: Youth Subcultures Lifestyles in Postmodern Japan. *Asian Studies*, 15, 95–110. <https://doi.org/10.4312/AS.2011.15.3.95-110>
- Lascity M.E. (2019). Remixing the Fashion Brand: Uniqlo Through Instagram and Twitter. In N. Kalbaska, T. Sádaba, F. Cominelli, L. Cantoni (Eds), *Fashion Communication in the Digital Age* (pp. 58–65). FACTUM.
- Marshall, D. (2019). Convenience stores and well-being of young Japanese consumers. *International Journal of Retail & Distribution Management*. <https://doi.org/10.1108/IJRDM-08-2017-0182>
- Mizokami, S., Côté, J., Eichas, K., & Toyokawa, T. (2018). Do Japanese Youth Proactively Form Identities? An Investigation of Independent Self Formation. *Identity*, 18, 109–123. <https://doi.org/10.1080/15283488.2018.1447478>.
- Nachon M. (2016). The Consumption of Luxury Brands in Japan: The Success of Louis Vuitton in Japan 1978–2016. Master's degree thesis. Haifa: University of Haifa, 2016.
- Nassaji, H. (2020). Good qualitative research. *Language Teaching Research*, 24, 427–431. <https://doi.org/10.1177/1362168820941288>.
- Sugimura, K., Umemura, T., Nelson, L.J. (2021). Identity Development in East Asia. In: Adams, B.G., van de Vijver, F.J.R. (Eds.), *Non-Western Identity. Identity in a Changing World*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77242-0_3
- Veblen, T. (1997). *The Theory of the Leisure Class*. Project Gutenberg.
- Vespestad, M., & Clancy, A. (2020). Exploring the use of content analysis methodology in consumer research. *Journal of Retailing and Consumer Services*. <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2020.102427>.
- Wang, R., Huang S., Pérez-Ríos, N. G. (2020). Multinational Luxury Brands' Communication Strategies on International and Local Social Media: Comparing Twitter and Weibo. *Journal of International Consumer Marketing*, 32 (4), 313–323. <https://doi.org/10.1080/08961530.2019.1710736>

Поступила в редакцию: 23.08.2023

Received: 23 August 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-94-116

Социально-экономическое измерение старения населения Японии

И.П. Лебедева

Аннотация. Старение населения представляет собой один из главных вызовов, стоящих перед Японией. Оно происходит под влиянием как экономических достижений страны, так и особенностей демографической ситуации. В статье рассмотрены три аспекта старения населения – позиции пожилых японцев на рынке труда и проблема их занятости, материальное положение и уровень потребления пожилых граждан, влияние старения населения на ситуацию в системе социального обеспечения. Пожилые японцы стали важным резервом рабочей силы, позволяющим компенсировать сокращение численности работников молодых возрастов. Их экономическая активность значительно повысилась в последнее десятилетие, в том числе благодаря целенаправленной политике государства, законодательно устанавливающей правила продления занятости работников после достижения *тэйнэн*. Доходы пожилых японцев позволяют большинству из них сохранять достаточно высокий уровень потребления, причем неработающие граждане используют для этого и свои сбережения. Поддержанию достойного уровня жизни пожилых граждан способствует и политика государства по сглаживанию экономического неравенства в этой группе, которое резко возрастает после вступления в пенсионный возраст из-за усиления диверсификации стилей жизни. В целом абсолютный и относительный рост числа пожилых граждан среди японских потребителей не приводит к сокращению объема потребительского рынка, хотя и влияет определенным образом на структуру предлагаемых на нем товаров и услуг. Самым очевидным отрицательным следствием старения населения является резкий рост доли расходов на пожилых граждан в общих расходах государства на социальную сферу. Основная часть их финансирования лежит на работающих поколениях, а неизбежное дальнейшее изменение соотношения между числом работающих японцев и числом пожилых граждан в пользу последних грозит еще большим обострением проблемы финансирования социальной системы страны. Рассматривая инструменты, предлагаемые японскими специалистами, автор полагает, что Японии удастся сохранить очевидные достижения в сфере социального обеспечения без перенапряжения системы ее финансирования.

Ключевые слова: старение населения, занятость пожилых японцев, доходы и потребление, социальное обеспечение.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, д.э.н., главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лебедева И.П. Социально-экономическое измерение старения населения Японии // Японские исследования. 2023. № 4. С. 94–116. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-94-116

Socio-economic dimension of Japan's population ageing

I.P. Lebedeva

Abstract. The ageing of the population is one of the main challenges Japan is facing. It occurs under the influence of both the economic achievements of the country and the peculiarities of the demographic situation. The article considers three aspects of population ageing – the position of elderly Japanese in the labor market and the problem of their employment, the financial situation and the level of consumption of elderly citizens, as well as the impact of population ageing on the situation in the social security system. The elderly Japanese have become an important reserve of the workforce, which compensates for the reduction in the number of young workers. Their economic activity has significantly increased in the last decade, in particular due to the purposeful policy of the state, which legislatively establishes rules for extending the employment of workers after reaching the *teinen*. The incomes of elderly Japanese allow most of them to maintain a fairly high level of consumption, and non-working citizens use their savings for this purpose too. The state policy of smoothing economic inequality in this group, which increases sharply after entering retirement age due to increased diversification of lifestyles, also contributes to maintaining a decent standard of living for older citizens. In general, the absolute and relative growth in the number of senior citizens among Japanese consumers does not lead to a reduction in the volume of the consumer market, although it affects in a certain way the structure of goods and services offered in it. The most obvious negative consequence of the ageing of the population is a sharp increase in the share of spending on senior citizens in the total state spending on the welfare sphere. The main part of their financing is borne by working generations, and the inevitable further change in the ratio between the number of working Japanese and the number of elderly citizens in favor of the latter threatens to further aggravate the problem of financing the country's welfare system. Considering the tools offered by Japanese specialists, the author believes that Japan will be able to preserve the obvious achievements in the field of social security without overstraining its financing system.

Keywords: population ageing, employment of elderly Japanese, income and consumption, social security.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia 103031 Moscow, Rozhdestvenka Street, 12. E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Conflict of interest. The author states that there is no conflict of interest.

For citation: Lebedeva, I.P. (2023). Sotsial'no-ekonomicheskoe izmerenie stareniya naseleniya Yaponii [Socio-economic dimension of Japan's population ageing]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 94–116. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-94-116

Введение

Одним из вызовов, стоящих перед Японией, является старение населения или «серебряное цунами», как его называют в стране, имея в виду масштабы и скорость, с которыми развивается этот процесс. Старение населения происходит под воздействием трех основных факторов: снижения рождаемости, ведущего к сокращению доли молодых возрастных когорт в структуре населения; заметного увеличения средней продолжительности жизни благодаря успехам медицины и росту общего уровня благосостояния; последствий двух послевоенных бэби-бумов 1947–1949 гг. и 1971–1974 гг., а именно вхождения в первой половине 2010-х гг. в когорту «пожилых» миллионов японцев, родившихся в период первого бэби-бума, и ожидаемого во второй половине 2030-х гг. притока в эту когорту многомиллионной армии тех, кто родился во время второго бэби-бума.

Согласно критериям, принятым Всемирной организацией здравоохранения, к пожилым гражданам относятся люди, перешагнувшие 60-летний рубеж. Этот критерий мы будем использовать при рассмотрении некоторых вопросов. Однако, поскольку пенсионный возраст в Японии составляет 65 лет, применительно к проблеме старения населения – *корэйка* – обычно именно он используется в качестве нижней границы пожилого возраста. Согласно этому критерию, доля пожилых людей в структуре населения Японии возросла с 9,1 % в 1980 г. до 17,4% в 2000 г. и 28,6% в 2020 г. По прогнозам, к 2030 г. она поднимется до 31,2 %, к 2040 г. – до 35,3%, к 2050 г. – до 37,7% [Moriyama 2022, p. 21]. При этом население Японии является не только самым старым в мире, но и стареет самыми быстрыми темпами. Хотя во многих развитых странах доля пожилых граждан превысила отметку 10% на 20–30 лет раньше, чем в Японии (последняя перешагнула этот рубеж в 1985 г.), к 2020 г. ситуация коренным образом изменилась. Так, если в Японии эта доля составила 28,6%, то в США – 16,6%, Швеции – 20,3%, Франции – 20,8%, Германии – 21,8%, Италии – 23,3%. Поскольку рождаемость в Японии одна из самых низких среди развитых стран, а продолжительность жизни, напротив, самая высокая, ожидается, что к 2060 г. японское общество останется одним из самых старых в мире (с долей пожилых граждан 38,1%), и страна будет уступать лишь Республике Корея (с показателем 40,9%)¹. При этом будет происходить постарение и самой когорты пожилых японцев. Так, по прогнозам, к 2040 г. до 100 лет будут доживать 6% мужчин и 20% женщин (в 2019 г. соответственно 4% и 16%), а до 90 лет – 42% мужчин и 68% женщин (в 2019 г. – 36% и 62%)².

С ростом продолжительности жизни постепенно менялись и представления японского общества о старости и, в частности, о ее нижней границе. Вот, например, как выглядят результаты опросов граждан в возрасте от 30 до 60 лет, проведенных Канцелярией кабинета министров в 1994 г. и 2014 г.³:

Доли респондентов, поддержавших соответствующие представления
о возрасте наступления старости (%)

	60 лет	65 лет	70 лет	75 лет	80 лет	85 лет	Нельзя судить по возрасту
1994	6,8	22,5	57,0	8,9	3,3	-	-
2014	1,1	6,4	29,1	27,0	18,4	10,4	-

Очевидно, что столь заметные сдвиги в субъективных оценках связаны, прежде всего, с увеличением продолжительности здоровой жизни японцев, т.е. жизни, неотягченной разного рода проблемами по части здоровья. Если в 2001 г. этот возраст составлял 69,4 года для мужчин и 72,65 года для женщин, то к 2019 г. он поднялся до 73 и 75 лет⁴. Кроме того, изменился сам состав пожилых японцев. В массе своей они гораздо более образованы, чем прежние поколения, многие из них обладают знаниями и навыками, необходимыми для работы в самых современных областях экономики. Благодаря накоплениям и заработанной за время трудовой

¹ Statistical Handbook of Japan 2022, p. 13-14. Statistics Bureau of Japan. <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2022all.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

² Reiwa ni nempan kōsei rōdō hakusho [White Paper on Health, Labour and Welfare 2020], p.14. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

³ Reiwa ni nempan kōsei rōdō hakusho [White Paper on Health, Labour and Welfare 2020], p.15. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

⁴ Japan Statistical Yearbook 2023, Table 30-3. Statistics Bureau of Japan. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html> (дата обращения: 15.04.2023).

деятельности пенсии нынешние японские пенсионеры сохраняют достаточно высокий уровень потребления, о чем можно судить, в том числе, и по их приятному внешнему виду.

Рост продолжительности жизни японцев, превращение долголетия в массовое явление – это один из главных показателей успешного социально-экономического развития Японии. Тем не менее, старение населения приводит к возникновению целого ряда проблем, с которыми японское общество сталкивается впервые и которые требуют не только оперативного реагирования, но и разработки долгосрочных программ. В данной статье будут рассмотрены следующие аспекты этой темы: проблема обеспечения занятости пожилых работников, материальное положение пожилых граждан и особенности их потребительского поведения, проблемы финансирования системы социального обеспечения.

Пожилые японцы на рынке труда и проблема обеспечения их занятости

Известно, что население Японии не только стареет, но и сокращается. При этом вследствие низкой рождаемости наиболее быстрыми темпами сокращается молодое население страны, а, следовательно, – и численность молодой рабочей силы. Об этом дает наглядное представление табл. 1.

Таблица 1. Численность занятых в экономике по возрастным группам (тыс. человек)

Годы	Возрастные группы					
	15–24	25–39	40–64	65–69	Свыше 70	Всего
1989	7 720	19 400	30 790	2 010	1 340	61 260
2019	5 790	17 480	35 070	4 280	4 640	67 260
Прирост/снижение	– 1 930	– 1 920	+ 4 280	+ 2 270	+3 300	+ 6 030

Источник: Reiwa ninempan kōsei rōdō hakusho [White Paper on Health, Labour and Welfare 2020], p. 25. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

Как показывают данные таблицы, прирост занятости в рассматриваемый период был обеспечен лишь за счет японцев среднего возраста (от 40 до 64 лет) и пожилых граждан (свыше 65 лет). В результате заметно изменилась и возрастная структура занятых: доля молодой рабочей силы снизилась с 44,3% в 1989 г. до 34,6% в 2019 г., доля работников среднего возраста повысилась с 50,3% до 52,1%, а доля пожилых работников – с 5,5% до 13,3%.

Иными словами, за счет расширения занятости пожилых граждан японская экономика пока не ощутила потерь в рабочей силе, связанных с сокращением численности молодого населения страны.

Экономическая активность пожилых японцев особенно быстро стала возрастать с начала 2010-х гг. Среди японцев 65–69 лет доля занятых повысилась с 37,7% в 2010 г. до 51,7% в 2021 г., среди 70–74-летних граждан – с 22,4% до 33,2%, среди перешагнувших 75-летний рубеж – с 8,3% до 10,6%⁵. И дело не только в том, что увеличилась продолжительность здоровой жизни в стране. Весьма результативными оказались и меры, предпринимаемые правительством для стимулирования экономической активности пожилых граждан.

⁵ Reiwa ninempan kōsei rōdō hakusho [White paper on Health, Labour and Welfare 2020], p.21. Ministry of Health Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

Суть этих мер заключается в административном (законодательном) регулировании *тэйнэн* – предельного возраста пребывания работников в фирме, а также механизма обеспечения занятости пожилых работников.

Тэйнэн является важнейшим инструментом управления трудом в японских компаниях. В практику управления он вошел еще в конце 1940-х гг. и получил в дальнейшем широкое распространение, поскольку устраивал и работников, и менеджмент. Будучи одним из элементов системы пожизненного найма, он гарантировал работникам стабильную, долговременную занятость. А его ценность для работодателей состояла в том, что он не только способствовал закреплению работников на предприятии, но и позволял компаниям ограничивать рост издержек на труд в условиях повозрастной заработной платы, а также обеспечивать продвижение по служебной лестнице работников более молодых возрастных когорт, переводя их на освобождавшиеся места и поддерживая тем самым их трудовую мотивацию.

В конце 1940-х гг. и позже *тэйнэн* составлял 55 лет, а поскольку пенсионный возраст тогда тоже составлял 55 лет, по сути принудительное увольнение работников, достигших *тэйнэн*, не вызывало каких-либо социальных трений. Однако с середины 1950-х гг. пенсионный возраст начал постепенно повышаться и к середине 1970-х гг. достиг 60 лет в системах *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи нэнкин*⁶. В результате между пенсионным возрастом и *тэйнэн* образовался пятилетний разрыв, что не могло не вызывать недовольства со стороны работников.

С целью смягчить эту проблему, в 1986 г. был принят Закон о стабилизации занятости пожилых работников, в котором, в частности, содержался призыв к работодателям повысить *тэйнэн* до 60 лет. Время шло, но ситуация практически не менялась, и в 1994 г. поправки к Закону о стабилизации занятости пожилых работников сделали это требование обязательным к исполнению (с отсрочкой до 1 апреля 1998 г.). И уже в 1999 г. ситуация выглядела иначе: 97,1% предприятий подняли *тэйнэн* до 60 лет, а на 6,2 % он составлял 65 лет и выше [Moriyama 2022, p. 21–22].

В результате проблему разрыва между *тэйнэн* и пенсионным возрастом в системах *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи нэнкин* удалось решить, но лишь на время. Быстрое старение населения все больше осложняло финансовое положение пенсионных систем страны, поэтому было принято решение о постепенном повышении пенсионного возраста в *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи нэнкин*. Оно началось с 2001 г., а закончится к 2025 г. К этому времени пенсионный возраст в обеих системах достигнет 65 лет⁷.

Таким образом, на повестку дня вновь стал вопрос о том, что делать с разрывом между *тэйнэн* и пенсионным возрастом, при том, что с течением времени эта проблема стала затрагивать интересы все большей части работников.

Еще в 1990 г. в Закон о стабилизации занятости пожилых работников были внесены поправки, возложившие на работодателей обязанность предпринимать усилия для обеспечения занятости пожилых работников до 65 лет. Поправки, внесенные в закон в 2004 г., сделали это требование обязательным к исполнению для всех компаний (с 2006 г.). При этом им предлагалось реализовать одну из следующих мер: 1) повысить *тэйнэн*; 2) ввести систему непрерывного продолжения занятости до 65 лет; 3) отменить *тэйнэн*. «Непрерывное продолжение занятости» предусматривало два варианта: увольнение работника по достижении *тэйнэн* с последующим перенаймом и продление занятости до 65 лет без увольнения. Кроме того, на том этапе компании имели право перенаймать не всех работников, достигших *тэйнэн*, а только тех,

⁶ Именно в этих двух пенсионных системах застрахована основная масса работающих японцев. В *кёсай кумиаи нэнкин* (пенсии ассоциаций взаимопомощи) застрахованы государственные служащие, а также учителя и преподаватели государственных и частных школ и университетов, а в *косэй нэнкин* (пенсии благосостояния) – работники частных предприятий. В третьей системе – *кокумин нэнкин* (национальная пенсия) – застрахованы все прочие граждане (самозанятые, фермеры, рыбаки, студенты и т.д.). В ней пенсионный возраст составлял 65 лет.

⁷ Подробно см.: [Лебедева 2019, с. 182–184].

кто соответствовал определенным критериям. По данным за 2006 г. более 70% компаний выбрали вариант «непрерывного продолжения занятости» (преимущественно в форме увольнения с последующим перенаймом). При этом лишь около 40% компаний перенаймали всех работников, достигших *тэйнэн*, а остальные предоставляли такую возможность только работникам, соответствовавшим определяемым самими компаниями критериям [Moriyama 2022, p. 22–23].

Однако ситуация изменилась в 2012 г., когда в Закон о стабилизации занятости были внесены поправки, сделавшие обязательным к исполнению требование о предоставлении занятости до 65 лет всем желающим (с 2013 г.). Благодаря этой мере разрыв между *тэйнэн* и пенсионным возрастом вновь был ликвидирован.

Таким образом, в 2010-е гг. положение на рынке труда пожилых работников значительно упрочилось, возможности занятости расширились, что и привело к заметному росту их экономической активности, отмеченной выше.

Тем не менее, проблемы занятости пожилых работников по-прежнему оставались в центре внимания как правительства, так и специалистов. Этого требовали как старение населения и рабочей силы, так и рост расходов пенсионной системы страны, поскольку, как отмечалось, с начала 2010-х гг. в ряды пенсионеров стали вливаться миллионы японцев, рожденных в период первого послевоенного бэби-бума.

Идеи и предложения специалистов нашли отражение в принятом в июне 2019 г. парламентом страны «Сэйтё: сэнряку дзикко: кэйкаку» (Плане реализации стратегии роста) – основополагающем правительственном документе, определяющем направления развития страны на длительную перспективу. В нем, в частности, говорится о необходимости гарантировать занятость работников до 70 лет, и перечисляются конкретные условия, которые необходимо создать для этого⁸.

Довольно скоро содержащиеся в Стратегии и других документах предложения были оформлены законодательно и с апреля 2021 г. вступили в силу. Теперь поправки, внесенные в Закон о стабилизации занятости пожилых работников, требуют от фирм «прилагать усилия по созданию возможностей для продления занятости до 70 лет». Конкретно фирмам предлагается осуществить следующие меры: повысить *тэйнэн* до 70 лет; отменить *тэйнэн*; ввести систему непрерывного продолжения занятости до 70 лет (с возможностью перевода работников в дочерние и зависимые фирмы или на другие предприятия). К этому добавлены также необходимость оказания помощи пожилым работникам в открытии бизнеса, продление контрактов по аутсорсингу до достижения исполнителями 70 лет [Kajitani 2023, p. 37].

Очевидно, что хотя этот комплекс мер аналогичен мерам обеспечения занятости работников до 65 лет, он гораздо сложнее в исполнении. Во-первых, он касается когорты людей (свыше 65 лет), значительно превосходящей по численности когорту 60–64-летних японцев (8 млн 110 тыс. и 5 млн 230 тыс. соответственно)⁹. Во-вторых, речь идет о более возрастной группе, с более высокой вероятностью разного рода ограничений со стороны здоровья. В-третьих, предлагаемые меры еще больше усложнят для менеджмента задачу эффективного управления трудом. Ведь японским управленцам придется одновременно решать две сложные проблемы: не допустить, чтобы рост штата пожилых работников ограничивал возможности найма молодой рабочей силы, и оптимизировать систему оплаты труда таким образом, чтобы зарплата пожилых работников не оказывала угнетающего влияния ни на их трудовую мотивацию, ни на динамику заработной платы более молодых когорт.

⁸ 70-sai shūgyō jidai no tembō to kadai [The State and Tasks in the Era of Employment in 70s], p. 4–6. Rōdō seisaku kenryū hōkokusho, No. 211, 2021. JILPT. https://www.jil.go.jp/english/reports/jilpt_research/2021/no.211.html (дата обращения: 10.05.2023).

⁹ Данные по занятым за 2022 г. Labor Force Survey 2022. Table II-2-1. Statistics Bureau of Japan <https://www.stat.go.jp/english/data/roudou/index.html> (дата обращения: 31.07.2023).

Хотя все более обостряющаяся нехватка рабочей силы (о чем можно судить по показателям коэффициента эффективного спроса на труд, в последние месяцы составлявшим 1,3–1,35¹⁰) вынуждает предпринимателей все шире использовать такой резерв, как пожилые работники, нельзя сказать, что предложенные правительством меры они восприняли с энтузиазмом. По данным широкомасштабного обследования Японского института политики в области труда и переподготовки (Japan Institute for Labor Policy and Training, JILPT), проведенного в 2020 г., т.е. накануне принятия поправок в Закон о стабилизации занятости пожилых работников, ответы компаний на вопрос относительно возможностей продолжения работы после 65 лет распределились следующим образом. 17,3% ответили, что «люди не могут работать после 65 лет», 58,0% полагают, что «могут работать, если они этого хотят и соответствуют определенным критериям», а 21,8% – что «работать могут все желающие». При этом структура ответов заметно различается по отраслям и размерам предприятий. Так, если в сфере связи и информации, финансах и страховании соответственно 50% и 61% фирм считают, что после 65 лет граждане работать не могут, то порядка 30% фирм из гостиничного и ресторанного бизнеса, сферы медицины и социальных услуг и 1/3 компаний из сферы транспорта, напротив, полагают, что в этом возрасте могут работать все желающие. Что касается размеров предприятий, то здесь прослеживается следующая закономерность. С увеличением размеров нарастает доля тех, кто отрицательно относится к продолжению работы после 65 лет, и снижается доля тех, кто считает, что нужно предоставлять работу всем желающим. Так, если на предприятиях с числом занятых до 100 человек эти доли составляют соответственно 16,5% и 24,8%, то на предприятиях с числом занятых более 1 тыс. – 27,5% и 13,2%¹¹.

Как было показано выше, в отношении продления занятости до 65 лет рекомендации правительства также долгое время оставались лишь рекомендациями, пока им не была придана сила закона. И сейчас ситуация с занятостью работников, достигших *тэйнэн*, складывается вполне благополучно, о чем можно судить по результатам очередного масштабного обследования Министерства здравоохранения, труда и благосостояния (таб. 2).

Таблица 2. Меры обеспечения занятости работников до 65 лет (на 1 июня 2022 г.)

	Число и доля компаний, предпринявших/ не предпринявших соответствующих мер									
	упразднили тэйнэн		подняли тэйнэн		ввели систему непрерывного продолжения занятости до 65 лет		пока не предприняли мер		всего обследованных компаний	
	число компаний	доля, %	число компаний	доля, %	число компаний	доля, %	число компаний	доля, %	число компаний	доля, %
Всего компаний, в том числе:	9 248	3,9	60 037	25,5	166 335	70,6	255	0,1	235 875	100,0
с числом занятых от 21 до 300 человек*	9 138	4,2	57 288	26,2	152 106	69,6	253	0,1	218 785	100,0

¹⁰ Main Labor Economic Indicators. July 26, 2023. Japan Institute for Labor Policy and Training. <https://www.jil.go.jp/english/estatis/eshuyo/index.html> (дата обращения: 1.08. 2023).

¹¹ 70-sai shūgyō jidai-no tembō to kadai [The State and Tasks in the Era of Employment in the 70s], p. 86. Rōdō seisaku kenkyū hōkokusho, No. 211, 2021. JILPT.

https://www.jil.go.jp/english/reports/jilpt_research/2021/no.211.html (дата обращения: 10.05.2023).

с числом занятых от 301 человека**	110	0,6	2749	16,1	14 229	83,3	2	0,1	17 090	100,0
------------------------------------	-----	-----	------	------	--------	------	---	-----	--------	-------

Источник: Reiwa 4 nen kōreisha koyō jōkyō nado hōkoku [The Report on the State of Elderly Employment 2022], p.10, Table 1; p. 11, Table 3-1. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/index.html> (дата обращения: 02.08.2023).

*эти предприятия относятся к категории мелких и средних (МСП);

**эти предприятия относятся к категории крупных.

Заметим, что такие обследования Министерство здравоохранения, труда и благосостояния проводит ежегодно, и по закону все компании, получившие опросники, обязаны на них отвечать.

Итак, как показывают данные табл. 2, к лету 2022 г. лишь ничтожное число компаний – 0,1% во всех размерных группах – пока не осуществили ни одной из предложенных мер, абсолютное же их большинство уже завершили этот процесс. Самой популярной мерой стало внедрение системы непрерывного продолжения занятости – эта система применяется на 70% предприятий, в том числе на более чем 80% крупных фирм. Но хотя по поправкам к Закону о стабилизации занятости пожилых работников, принятым в 2012 г., фирмы должны предоставлять возможность работать до 65 лет всем желающим, на практике это не совсем так. На 83% предприятий (84,6% МСП и 65,0% крупных) возможность работать до 65 лет предоставляется всем желающим, а на 17% (15,4% и 35% соответственно) – лишь тем, кто отвечает определенным критериям. По-видимому, это объясняется тем, что на определенных предприятиях в силу особенностей производства по соглашению между менеджментом и работниками действуют правила, предусматривающие возможность применения определенных критериев при перенайме. Но в действительности лишь мизерная доля работников, достигших *тэйнэн*, были уволены как не соответствующие критериям (0,2%), гораздо большая их часть (12,7%) уволились по собственному желанию, а 87,1% продолжили работать, причем большинство (95,8% на МСП и 65,0% в крупных компаниях) были трудоустроены на своих прежних предприятиях¹².

Как показывают материалы табл. 2, лишь крайне незначительное число компаний пошли на отмену *тэйнэн*, а примерно четверть (16% среди крупных) подняли его до 65 лет. Непопулярность этих мер среди японских компаний легко объяснима. Ведь повышение *тэйнэн*, не говоря уже о его упразднении, означает продление гарантий занятости для работников со всем набором обязательств компании перед ними в рамках системы пожизненного найма. Что же касается наиболее популярной меры – системы непрерывного продолжения занятости, то она как раз предусматривает возможность прекращения контракта, гарантирующего постоянную занятость, и перенаём работника на новых, более выгодных для компании условиях (в том числе в качестве непостоянного работника). При этом, как отмечает японский экономист Т. Морияма, на условия, на которых продлевается занятость, решающее влияние оказывает статус работника на момент достижения *тэйнэн* (т.е. его положение в компании), его дальнейшую судьбу предопределяют все те достижения и провалы, которые он накопил прежде [Moriyama 2022, p. 24].

На практике этот тезис подтверждают очевидные различия в формах непрерывного продолжения занятости работников, достигших *тэйнэн*, что проявляется в различиях в характере работы и объеме ответственности, а соответственно – и в степени снижения заработной платы. Специалисты JLPT в обследовании, проведенном в 2019 г., выявили несколько таких форм,

¹² По состоянию на 1 апреля 2022 г. Reiwa 4 nen kōreisha koyō jōkyō nado hōkoku [The Report on the State of Elderly's Employment 2022], p. 11, Table 3-2, Table 3-3; p. 15, Table 8-1. Ministry of Health, Labor and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/index.html> (дата обращения: 02.08.2023).

практика применения которых по двум группам предприятий – поднявшим *тэйнэн* до 65 лет и сохранившим его на уровне 60 лет и внедрившим систему непрерывного продолжения занятости – заметно различается.

Таблица 3. Формы продления занятости работников до 65 лет
(доля предприятий, применяющих соответствующую форму, %)

	та же работа, что и в 60 лет	та же работа, но меньше бремя ответственности	немного другая работа	совсем другая работа	прочее*
предприятия с <i>тэйнэн</i> 60 лет	36,5	46,5	6,4	0,7	9,9
предприятия с <i>тэйнэн</i> 65 лет	68,0	14,8	3,6	0,2	13,4

Источник: 70-sai shūgyō jidai-no tembō to kadai, p. 49 [The State and Tasks in the Era of Employment in the 70s]. *Rōdō seisaku kenkyū hōkokusho*, No. 211, 2021. JILPT.

https://www.jil.go.jp/english/reports/jilpt_research/2021/no.211.html (дата обращения: 10.05.2023)

* прочее включает доли предприятий, использующих другие формы, и не ответивших предприятий.

Основное различие между этими двумя группами состоит в том, что на предприятиях с *тэйнэн* 60 лет более чем у половины работников меняется содержание работы (в том или ином виде), в то время как на предприятиях, поднявших его до 65 лет, напротив, у более чем 2/3 оно остается прежним. Это объясняется тем, что в первом случае условия найма после 60 лет меняются, а во втором – остаются прежними до достижения 65 лет. Эти различия сказываются и на степени изменения заработной платы работников, что наглядно показывают данные табл. 4.

Таблица 4. Степень изменения заработной платы работников после 60 лет
(по сравнению с их заработной платой до 60 лет, принятой за 100)

	Доля предприятий с соответствующим уровнем изменений в заработной плате работников, %			
	возросла или осталась прежней	снизилась в пределах до 20%	снизилась в пределах 20–40%	снизилась более чем на 40%
предприятия, внедрившие систему непрерывного продолжения занятости	21,95	25,52	34,25	18,27
предприятия, поднявшие <i>тэйнэн</i> до 65 лет	66,87	21,14	7,8	4,2

Источник: 70-sai shūgyō jidai-no tembō to kadai [The State and Tasks in the Era of Employment in the 70s], p.66. *Rōdō seisaku kenkyū hōkokusho*, No. 211, 2021. JILPT.

https://www.jil.go.jp/english/reports/jilpt_research/2021/no.211.html (дата обращения: 10.05.2023).

Как отмечалось выше, при определении судьбы работника, достигшего *тэйнэн*, решающую роль играет накопленный им к этому моменту социально-экономический капитал. Неудивительно поэтому, что в целом степень снижения заработной платы после 60 лет тем меньше, чем выше уровень квалификации и образования работника. Так, в 61 год у получателей

наиболее высоких доходов заработная плата в среднем составляет 89,6% от прежнего уровня, у получателей средних доходов – 78,7%, а низких доходов – 70,8% [Kajitani 2023, p. 29].

Очевидно, что условия и формы продления занятости работника до 65 лет оказывают самое непосредственное влияние на возможности и условия продолжения им работы до 70 лет. А что касается самих работников, то поскольку все граждане страны, достигшие 65 лет, начинают получать пенсию, в группе 65–69-летних японцев желание продолжать работу по экономическим соображениям выражено слабее, чем в группе 60–64-летних граждан. Государство, учитывая этот фактор, а также понимая, что обеспечение занятости работников после 65 лет сопряжено для компаний с непростыми проблемами, пока ограничивается лишь рекомендациями, хотя вопрос о придании им силы закона уже обсуждается в японском обществе¹³.

О том, как складывается ситуация с обеспечением занятости до 70 лет, можно судить по материалам табл. 5.

Таблица 5. Меры обеспечения занятости работников до 70 лет (на 1 июня 2022 г.)

	Число и доля компаний, применивших соответствующие меры									
	общее число компаний, применивших ту или иную меру, в т.ч.:		упразднили <i>тэйнэн</i>		подняли <i>тэйнэн</i>		ввели систему непрерывного продолжения занятости до 70 лет		оказывают помощь в открытии бизнеса	
	число компаний	доля, %	число компаний	доля, %	число компаний	доля, %	число компаний	доля, %	число компаний	доля, %
все компании, в том числе:	65 782	27,9	9 248	3,9	4 995	2,1	51 426	21,8	113	0,1
с числом занятых от 21 до 300 человек	62 303	28,5	9 138	4,2	4 897	2,2	48 176	22,0	92	0,1
с числом занятых от 301 человека	3479	20,4	110	0,6	98	0,6	3250	19,1	21	0,1

Источник: Reiwa 4 nen kōreisha koyō jōkyō nado hōkoku [The Report on the State of Elderly's Employment 2022], p.13, Table 5-1. Ministry of Health, Labor and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/index.html> (дата обращения: 02.08.2023).

Как и следовало ожидать, ситуация с продлением занятости работников до 70 лет резко отличается от ситуации с продлением занятости до 65 лет. Тем не менее, 28% от общего числа предприятий, в том числе 20% крупных фирм, уже занимаются этой проблемой. Большинство из них используют непрерывное продолжение занятости, что и неудивительно, поскольку в данном случае эта мера предоставляет компаниям полную свободу и в плане принятия решения о соответствии работника установленным критериям, и в плане определения условий его перенайма.

¹³ 70-sai shūgyō jidai-no tembō to kadai [The State and Tasks in the Era of Employment in the 70s], p. 37. *Rōdō seisaku kenkyū hōkokusho*, No. 211, 2021. JILPT https://www.jil.go.jp/english/reports/jilpt_research/2021/no.211.html (дата обращения: 10.05.2023).

В целом в силу получившего распространение (но далеко не всегда находящего подтверждение) тезиса о том, что с возрастом производительность труда работника снижается, компании подходят к вопросу о продлении занятости работников до 70 лет более строго. При этом в большей степени с пожилыми гражданами готовы работать мелкие и средние фирмы (особенно занятые в сфере перевозок, гостиничном и ресторанном бизнесе, в медицине и сфере социальных услуг), в меньшей степени – крупные компании.

Тем не менее, при всех проблемах, связанных с занятостью пожилых японцев, очевидно, что их участие в экономической жизни общества будет неизбежно возрастать, и создание условий, благоприятствующих этому, является важной задачей не только государства, но и бизнеса.

Доходы и потребление пожилых японцев

То, как складывается жизнь пожилых граждан, важно не только в плане их экономической активности, но и с точки зрения уровня, характера и структуры их потребления. Ведь ВВП Японии более чем наполовину зависит от потребительского спроса населения, и рост числа и доли пожилых граждан в общей его численности оказывает все большее влияние на динамику и структуру потребления в стране.

Согласно данным японской статистики, доходы домохозяйств пожилых граждан¹⁴ в среднем в два раза ниже доходов прочих домохозяйств: в 2021 г. они составили соответственно 3 млн 183 тыс. иен и 6 млн 650 тыс. иен в год. Однако по доходу на одного члена семьи разница между домохозяйствами пожилых граждан и прочих групп населения оказывается незначительной, что видно по данным табл. 6.

Таблица 6. Доходы домохозяйств в зависимости от возраста главы семьи
(млн иен в год, 2022 г.)

	Возраст главы семьи						
доход в расчете:	до 29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	свыше 70 лет	свыше 65 лет
на домохозяйство	3,775	6,272	7,285	7,421	5,894	3,912	4,248
на одного члена семьи	2,451	2,219	2,395	2,919	2,597	1,946	2,065

Источник: Kokumin seikatsu kiso chōsa gaikyō 2022 [Basic Survey on the Life of the People 2022], p. 9–10. Ministry of Health, Labor and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/k-tyosa/k-tyosa22/dl/03.pdf> (дата обращения: 07.08.2023).

Как показывают эти данные, уровень дохода на одного человека в семьях пожилых граждан примерно на 30% ниже самого высокого показателя – душевого дохода домохозяйств, чьим главам от 50 до 59 лет (напомним, что на этот возраст обычно приходится пик карьеры и заработной платы работников в японских компаниях). Разница же со всеми другими группами незначительна (в пределах 15%). Это означает, что многие пожилые граждане сохраняют достаточно высокий уровень потребления, причем это относится и к тем, кому перевалило за 70 лет, когда большинство японцев уже не работают¹⁵.

¹⁴ Имеются в виду домохозяйства, состоящие из одиноких людей, из супружеской пары и из пожилых людей и их несовершеннолетних родственников.

¹⁵ Напомним, что по данным за 2021 г. среди японцев 70–74 лет работала 1/3, а среди лиц 75 лет и старше – немногим более 10%.

В табл. 6 обращают на себя внимание весьма высокие показатели общих и подушевых доходов домохозяйств, чьи главы перешагнули 60-летний рубеж (60–69 лет). В первую очередь это результат всех тех мер по обеспечению занятости пожилых работников, о которых говорилось выше. При этом, большинство самих работников при ответе на вопрос о том, по каким мотивам они продолжают работать, указали на соображения материального порядка. Так, согласно результатам обследования JLPT, при множественном варианте ответов 76,4% респондентов указали, что работают по экономическим соображениям (чтобы поддержать текущий уровень жизни), 33,4% – для того, чтобы был смысл жизни и чтобы участвовать в делах общества, 22,6% – поскольку располагают свободным временем [Moriyama 2022, p. 20].

Доходы домохозяйств пожилых граждан формируются за счет нескольких источников, и очевидно, что для разных групп (продолжающих работать и уволившись, имеющих и не имеющих накопления и т.д.) их значимость различна. Но в целом структура этих источников выглядит следующим образом (данные за 2021 г.)¹⁶:

	<i>Всего</i>	<i>Экономическая деятельность</i>	<i>Пенсия</i>	<i>Финансовые активы</i>	<i>Соц. выплаты помимо пенсии</i>	<i>Прочее*</i>
Тыс. иен	3 183	803	1 999	172	18	190
доля (%)	100,0	25,2	62,8	5,4	0,6	6,0

* прочее включает переводы, пенсии предприятий и т.д.

Основным источником доходов пожилых японцев является пенсия, причем по данным за 2022 г. для 44% домохозяйств она является единственным источником средств к существованию, а у 16,5% ее доля в семейном бюджете составляет более 80%. Но, конечно, есть и те, кто полагается на пенсию в незначительной степени. О заметном расслоении семей пожилых японцев по степени зависимости от пенсии можно судить по приводимой ниже схеме.

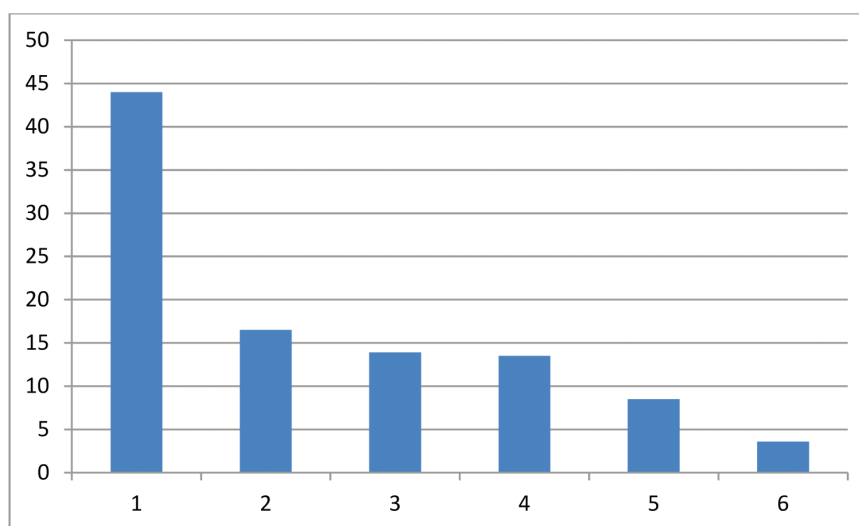

Схема 1. Доли семей с соответствующей степенью зависимости дохода от пенсии (%)

1 – 100%; 2 – от 80 до 100%; 3 – от 60 до 80%; 4 – от 40 до 60%; 5 – от 20 до 40%; 6 – менее 20%.

Источник: Kokumin seikatsu kiso chōsa gaikyō 2022 [Basic Survey on the Life of the People 2022], p. 11. Ministry of Health, Labor and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/k-tyosa/k-tyosa22/dl/03.pdf> (дата обращения: 07.08.2023).

¹⁶ Kokumin seikatsu kiso chōsa gaikyō 2022 [Basic Survey on the Life of the People 2022], p. 11. Ministry of Health, Labor and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/k-tyosa/k-tyosa22/dl/03.pdf> (дата обращения: 07.08.2023).

Как отмечалось выше, в Японии 60-летний возраст – это рубеж, за которым уровень доходов и стиль жизни в целом определяются всем тем багажом, который человек накопил за предшествующие годы. Это относится не только к размерам пенсий, но и к наличию недвижимости, объему накоплений, к возможностям и условиям продолжения работы и т.д. Различия между пожилыми гражданами по всем этим показателям приводят к усилению диверсификация их стилей жизни, а это, в свою очередь, ведет к росту экономического неравенства в этой социальной группе. Об этом можно судить по приводимым ниже данным (таб. 7).

Таблица 7. Коэффициент Джини по эквивалентному доходу и эквивалентному богатству, 2019 г.*

Возрастные группы (по возрасту главы семьи)	Коэффициент Джини по эквивалентному доходу (первичные доходы)	Коэффициент Джини по эквивалентному доходу (доходы после перераспределения)	Коэффициент Джини по эквивалентному богатству
до 35 лет	0,264	0,252	0,911
35–44	0,274	0,261	0,802
45–54	0,306	0,291	0,706
55–64	0,361	0,321	0,601
65–74	0,543	0,320	0,548
75–84	0,695	0,339	0,557
свыше 85	0,724	0,316	0,572
в среднем	0,427	0,311	0,678

Источник: National Survey of Family Income, Consumption and Wealth 2019. Table 7-3, 7-13, 7-23. Statistics Bureau of Japan <https://www.stat.go.jp/english/data/zenkokukakei/index.html> (дата обращения: 24.02.2023).

* Эквивалентные показатели рассчитаны с учетом состава семьи (путем деления дохода или богатства на квадратный корень из числа ее членов).

Как показывают данные табл. 7, неравенство между японскими домохозяйствами по первичным доходам резко возрастает после наступления пенсионного возраста, что как раз и подтверждает вышесказанное. Однако благодаря перераспределительным инструментам оно сильно сглаживается и по располагаемым доходам лишь незначительно превышает средние показатели. Например, для сглаживания различий в доходах между работающими пенсионерами государство использует следующие меры. В рамках системы Employment Continuation Benefits for Older People работники, вновь нанятые после 60 лет, имеют право на получение субсидии, если их заработная плата составляет менее 75% от прежнего заработка [Kajitani 2023, p. 40–41]. А в рамках системы Old-age Pension for Active Employees государство, напротив, изымает часть пенсии, если совокупный доход пенсионера (пенсия плюс заработная плата) превышает определенную величину. Так, для работников 65 лет и старше применяются следующие правила: если их суммарный доход не превышает 460 тыс. иен, они получают пенсию в полном объеме; если же их доход выше этой суммы, то из нее вычитается часть, равная половине этого превышения [Kondo 2017, p. 140].

Разного рода социальные льготы и субсидии также служат смягчению неравенства по доходам среди пожилых граждан, хотя их роль относительно невелика. Так, по данным за 2019 г., среди японцев 65 лет и старше получали пособия на жизнь 1млн 50 тыс. человек или 2,93% от общего их числа¹⁷. Иными словами, лишь незначительное число пожилых

¹⁷ Reiwa yon nempan kōrei shakai hakusho [White Paper on Ageing Society 2022], p. 18. Cabinet Office. <https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/index-w.html> (дата обращения: 11.08.2023).

граждан нуждаются в государственной поддержке, абсолютное же большинство полагаются на собственные силы.

Данные табл.7 отражают также весьма высокую степень расслоения домохозяйств пожилых граждан по эквивалентному богатству (представленному главным образом недвижимостью и финансовыми активами), хотя здесь оно заметно ниже, чем среди домохозяйств других возрастных когорт, особенно молодых. Понятно, что с учетом дороговизны жилья в Японии главной линией размежевания по размерам богатства является наличие/отсутствие недвижимости. По данным за 2018 г. 80% домохозяйств пожилых граждан, в том числе более 60% проживающих одиноко, имели собственное жилье. Разумеется, и по размерам, и по качеству, и по местоположению японские дома и квартиры сильно различаются между собой. Но столь высокая доля обладателей собственного жилья среди пожилых граждан говорит о том, что у большинства из них, по меньшей мере, уже нет необходимости ежемесячно вносить арендную плату или откладывать деньги на приобретение жилья.

Что касается финансовых активов, то с начала 1990-х гг. наблюдается все большее перетекание этого вида богатства к пожилым гражданам, и сейчас на долю японцев старше 60 лет приходится более 60% (63,5%) общей суммы активов (таб. 8).

Таблица 8. Распределение финансовых активов между японскими домохозяйствами (по возрасту их глав, %)

возраст главы домохозяйства	1989	2004	2014	2019
свыше 70	9,0	20,9	32,9	37,0
60–69	22,9	31,5	29,6	26,5
50–59	27,8	25,6	18,7	18,2
40–49	25,9	14,7	11,6	12,1
30–39	12,8	6,6	5,9	4,9
до 30	1,5	0,7	1,2	1,3

Источник: Reiwa yon nempan kōrei shakai hakusho [White Paper on Ageing Society 2022], p. 18. Cabinet Office. <https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/index-w.html> (дата обращения: 11.08.2023).

Следует отметить, что с макроэкономической точки зрения накопления пожилых граждан являются важным элементом стабилизации финансовой системы страны. Поскольку японцы склонны к консервативному финансовому поведению, стремятся избегать рискованных операций и основную часть своих сбережений держат в форме депозитов в банках, они тем самым способствуют поддержанию устойчивости банковской системы.

Финансовые активы пожилых граждан, которые можно рассматривать как своего рода итог их жизненных успехов и неудач, конечно же, распределены неравномерно. По данным за 2020 г. среди домохозяйств пожилых японцев с двумя и более членами 10,1% имели накопления до 1 млн иен, 16,9% – от 1 до 4 млн иен, т.е. более четверти располагали весьма скромными суммами. В то же время у 30% домохозяйств накопления превышали 20 млн иен. В группе домохозяйств одиноких граждан доля наиболее бедных несколько ниже: активы до 1 млн иен имели 7,8%, от 1 до 4 млн иен – 11,2%. При этом активами свыше 20 млн иен располагали 40% домохозяйств. В первой группе медианный показатель составил 10 млн 61 тыс. иен, во второй – 15 млн 650 тыс. иен. А это значит, что, по меньшей мере, половина домохозяйств пожилых японцев располагает вполне солидными накоплениями,

которые можно использовать и для сохранения прежнего уровня потребления, и в случае возникновения каких-либо сложных проблем (болезнь, потребность в уходе и т.д.)¹⁸.

Как было показано выше (табл. 6), подушевые текущие доходы пожилых японцев лишь незначительно ниже доходов прочих групп населения. При этом склонность к потреблению, т.е. доля доходов, направляемая на цели потребления, в этой группе выше, чем в остальных. Например, в домохозяйствах работающих японцев (с двумя и более членами) этот показатель составляет: при возрасте главы семьи до 29 лет – 54,2%, от 30 до 39 лет – 55,7%, от 40 до 49 лет – 59,8%, от 50 до 59 лет – 63,5%, от 60 до 69 лет – 74,9%, свыше 70 лет – 72,5%. Потребность же в сбережении части дохода в домохозяйствах пожилых граждан, напротив, существенно ниже, чем в других группах, поскольку основные накопления они уже сделали за предшествующие годы. Что же касается домохозяйств неработающих пожилых японцев, то на цели потребления они направляют не только весь свой текущий доход, но и изымают часть накоплений. Так, по данным за 2021 г., склонность к потреблению здесь составила 108,0% (при располагаемом ежемесячном доходе 212,6 тыс. иен на потребление было направлено 229,5 тыс. иен)¹⁹.

Иными словами, пожилые японцы – как работающие, так и не работающие – стремятся поддерживать достаточно высокий уровень потребления, используя для этого, в том числе, и сделанные ранее сбережения. Из этого следует, что повышение доли и числа пожилых граждан в структуре японских потребителей отнюдь не ведет к сокращению потребительского спроса. Да и сама структура потребления домохозяйств пожилых граждан в целом мало чем отличается от структуры потребления прочих домохозяйств, что видно из приводимых ниже данных.

Таблица 9. Структура ежемесячных потребительских расходов японских домохозяйств (2021 г. %)

	все домохозяйства	домохозяйства неработающих пожилых граждан (2 чел. и более)	домохозяйства, состоящие из одного пожилого человека
потребительские расходы, тыс. иен в месяц	235,1	229,5	141,1
продукты	26,5	30,2	26,7
жилье	8,4	7,1	7,6
коммунальные платежи	7,6	9,1	9,0
мебель, предметы домашнего обихода	4,1	-	3,8
одежда, обувь	3,1	-	2,6
медицинские услуги	5,1	6,8	6,3
транспорт, связь	13,7	11,8	10,7
образование	3,3	0	0
культура, отдых	9,3	8,6	9,8
прочее	18,9	26,4*	21,3

* С учетом расходов на мебель, предметы домашнего обихода, одежду и обувь.

Источник: Reiwa go nempun kōrei shakai hakusho [White Paper on Ageing Society 2023], p. 143–145. Cabinet Office. <https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/index-w.html>;

¹⁸ Reiwa yon nempun kōrei shakai hakushyo [White Paper on Ageing Society 2022], p. 18. Cabinet Office. <https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/index-w.html> (дата обращения: 11.08.2023).

¹⁹ Statistical Handbook of Japan 2022, p. 142–143. Statistics Bureau of Japan. <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2022all.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

Japan Statistical yearbook 2023, Table 22-1. Statistics Bureau of Japan. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-22.html> (дата обращения: 13.08.2023).

Тем не менее, очевидно, что влияние этих малозаметных отличий будет возрастать по мере увеличения числа и доли пожилых граждан. Что касается рынка потребительских товаров и бытовых услуг населению, то поскольку на нем действуют преимущественно мелкие и средние фирмы, они способны быстро уловить изменения в спросе населения и оперативно перестроиться. Самую сложную проблему создает происходящее из года в год возрастание спроса на медицинские и социальные услуги. По прогнозу JILPT, уже в 2025 г. в этой сфере будут работать порядка 9 млн 400 тыс. человек или 14–15% от общего числа занятых, а в 2040 г. – 10 млн 700 тыс. человек или 18–20% (в 2018 г. в ней было занято соответственно 8 млн 430 тыс. человек или 12,5%)²⁰. Приток специалистов в эту сферу требует решения целого комплекса проблем, начиная с изменений в системе подготовки кадров и заканчивая вопросами оплаты труда работников сферы социальных услуг, не говоря уже о финансировании системы социального обеспечения в целом.

Старение населения и система социального обеспечения

Степень развитости системы социального обеспечения является важным показателем уровня экономического развития страны и ее социального благополучия. Будучи социально-ориентированным, японское государство стремится в полной мере выполнять свои обязательства перед населением и гарантировать гражданам страны защиту и материальную поддержку на протяжении всей жизни. Однако выполнение этих обязательств требует от государства все большего напряжения усилий, и едва ли не главная причина этого – быстрое старение населения.

Таблица 10. Расходы государства на социальную сферу

	Общая сумма расходов млрд иен	Структура расходов, млрд иен, %					
		медицин- ское обслужи- вание	в том числе пожилых граждан*	пенсион- ное обес- печение	матери- альная поддержка населения**	в том числе услуги по долговре- менному уходу	доля расходов на пожилых граждан в общих расходах
1990	47 424 100,0	18 625 39,3	5 733 12,0	23 777 50,1	5 021 10,6	-	62,1
2000	78 408 100,0	26 606 33,9	10 347 13,2	40 537 51,7	11 265 14,4	3281 4,2	69,1
2010	105 366 100,0	33 645 31,9	11 666 11,1	52 229 49,6	19 492 18,5	7508 7,1	67,8
2020	132 221 100,0	42 719 32,3	15 251 11,9	55 634 42,1	33 868 25,6	11 417 8,6	62,6

²⁰ Reiwa ni nempan kōsei rōdō hakusho [White Paper on Health, Labor and Welfare 2020], p. 129. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/content/000684406.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

2021	139 243	47 421	15 729	56 314	35 508	11 212	
	100,0	34,1	11,3	40,4	25,5	8,1	59,8%

Рассчитано и составлено по: 2021 nendo shakai hoshō hiyō tōkei [The Statistics of Social Security Expenditures FY2021]. Table 8, 20. National Institute of Population and Social Security Research. https://www.ipss.go.jp/site-ad/index_Japanese/security.html (дата обращения: 22.08.2023).

* Имеются в виду расходы на лиц старше 75 лет, застрахованных в созданной в 1983 г. Системе медицинского обслуживания лиц старшего возраста.

** В эту статью включаются субсидии пострадавшим от разного рода бедствий, нетрудоспособным гражданам, семьям с детьми, лицам, получившим производственные травмы, пособия по безработице, жилищные субсидии и т.д. С 2000 г. в нее включаются также услуги по долговременному уходу.

С 1990 г., когда в Японии закончился период так называемого демографического бонуса²¹ и ускорилось старение населения, расходы государства на социальную сферу стали быстро возрастать. За период 1990–2021 гг. они выросли почти в три раза, а поскольку экономика Японии в эти годы пребывала преимущественно в состоянии стагнации, произошло резкое повышение доли этих расходов в национальном доходе: с 13,67% в 1990 г. до 35,04% в 2021 г.²²

Как показывают данные таблицы, в последние годы расходы на пожилых граждан составляли порядка 60% в общей сумме расходов на социальную сферу. Однако на самом деле эта доля и абсолютные показатели выше, поскольку в данном источнике расходы на медицинское обслуживание пожилых японцев в возрасте 65–74 лет (большинство которых застрахованы в Национальной системе страхования здоровья, привязанной к месту проживания) включены в общие расходы на медицину. По нашим подсчетам, в 2020 фин. г. расходы на медицинское обслуживание этих граждан составили 9678 млрд иен²³. И с учетом этой цифры общая сумма медицинских расходов на пожилых граждан в 2020 г. достигает 24,9 трлн иен, что составляет 58,4% от общих расходов на медицинское обслуживание. Соответственно повышаются и суммарные расходы на пожилых граждан и их доля в общей сумме расходов на социальную сферу – до 91 980 млрд иен или 69,6%.

Порядка 60% расходов на пожилых граждан приходится на пенсии. Понятно, что расходы на выплату пенсий нарастают в связи с быстрым ростом числа пенсионеров. В этом плане особенно драматичным был период 2010-х гг., когда в их ряды влились миллионы японцев, рожденных в годы первого послевоенного бэби-бума. За 2010–2020 гг. число пенсионеров, получающих пенсию *кокумин нэнкин*, увеличилось с 25,3 млн человек до 35,3 млн человек, т.е. на 10 млн, а число получателей *косэй нэнкин* – соответственно с 29,4 млн до 38,8 млн или на 9,4 млн²⁴. Однако, на рост расходов влияют и некоторые меры правительства, предпринятые с целью решения ряда назревших проблем. Так, в условиях значительного расширения масштабов непостоянной занятости в 2016 г. было принято решение включить в число подписчиков национальной пенсии (*кокумин нэнкин*) *пато* (частично занятых), а еще раньше – в 2014 г. – с 25 лет до 10 лет был сокращен срок уплаты взносов, дающий право на получение этой пенсии. Кроме того, в 2009 г. с 1/3 до 1/2 была повышена доля государственных субсидий в финансировании системы *кокумин нэнкин*.

²¹ Под этим термином имеют в виду ситуацию, когда число граждан в возрасте от 15 до 64 лет, по меньшей мере, вдвое превышает число детей до 14 лет и граждан 65 лет и старше.

²² 2021 nendo shakai hoshō hiyō tōkei [The Statistics of Social Security Expenditures FY2021]. Table 10. https://www.ipss.go.jp/site-ad/index_Japanese/security.html (дата обращения: 22.08.2023).

²³ Рассчитано по: Japanese Public Finance Fact Sheet 2023, p. 30. Ministry of Finance. <https://www.mof.go.jp/english/policy/budget/budget/fy2023/02.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).

²⁴ Japan Statistical Yearbook 2023, Table 23-15, 23-16. Statistics Bureau of Japan. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-22.html> (дата обращения: 13.08.2023).

Что касается расходов на медицинское обслуживание пожилых граждан, то их неизбежный рост предопределяют как рост численности пожилых пациентов, так и высокие подушевые расходы на их медицинское обслуживание, многократно превышающие показатели по более молодым когортам. О том, какова разница в расходах на одного пациента между пожилыми японцами и более молодыми гражданами можно судить по следующим данным²⁵:

Расходы на одного пациента по возрастным группам (тыс. иен в год, 2020 фин. г.)

До 64 лет	От 65 до 74 лет	75 лет и старше
183,0	554,0	902,0

* В 2020 г. число японцев в возрасте 65–74 лет составляло 17 млн 470 тыс., а в возрасте 75 лет и старше – 18 млн 720 тыс.

Наконец, что касается третьей составляющей расходов на пожилых граждан – услуг по долговременному уходу – то создание в 2000 г. этой системы было огромным шагом вперед в развитии социального обеспечения в Японии. Первоначально под нее подпадали граждане, достигшие 70 лет, но двумя годами позже возраст, дающий право на пользование услугами по долговременному уходу, был поднят до 75 лет. Эти услуги доступны также гражданам в возрасте от 65 до 74 лет, страдающим определенными заболеваниями. Число японцев, нуждающихся в долговременном уходе, с момента создания этой системы возросло более чем в 3 раза и к началу 2022 фин. г. достигло 6 млн 840 тыс.²⁶ Расходы на одного пациента в группе от 65 до 74 лет в 2020 фин. г. составили 50 тыс. иен, а в группе 75 лет и старше – 478 тыс. иен²⁷.

Следует отметить, что все три системы социального обеспечения пожилых граждан – пенсионная, медицинского обслуживания и оказания услуг по долговременному уходу – основаны на принципе страхования.

По данным за 2020 фин. г. число подписчиков национальной пенсионной системы, находящейся в ведении японского правительства, составило 67 млн 617 тыс. человек. В своем нынешнем виде эта система включает два основных звена: пенсии благосостояния (*косэй нэнкин*), и национальную пенсию (*кокумин нэнкин*). В ходе пенсионной реформы, начавшейся в 2015 г., система *кёсай кумиин нэнкин*, в которую входят работники государственных и частных учебных заведений, государственные и муниципальные служащие, была объединена с системой *косэй нэнкин*, охватывающей работников частных компаний. Целью такого объединения является упрощение и унификация условий пенсионного страхования и пенсионного обеспечения, а также оптимизация системы управления. Процесс унификации условий страхования должен завершиться к 2027 г., когда взносы прежде наиболее благополучной ассоциации – преподавателей и работников частных школ и университетов – сравняются с взносами остальной части *косэй нэнкин*²⁸.

По данным за 2020 фин. г. число подписчиков *косэй нэнкин* составляло 40 млн 472 тыс. Их взносы состоят из двух частей: части, одинаковой для всех и не зависящей от уровня дохода, и части, которая уплачивается в определенной пропорции к доходу. Такое разделение было закреплено в 1986 г., когда был введен институт базовой пенсии (*кисо нэнкин*). Всех граждан страны старше 20 лет обязали вносить взносы в эту систему (одинаковые для всех

²⁵ Japanese Public Finance Fact Sheet 2023, p. 30. Ministry of Finance. <https://www.mof.go.jp/english/policy/budget/budget/fy2023/02.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).

²⁶ Statistical Handbook of Japan 2022, p. 165. Statistics Bureau of Japan. <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2022all.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).

²⁷ Japanese Public Finance Fact Sheet 2023, p. 30. Ministry of Finance. <https://www.mof.go.jp/english/policy/budget/budget/fy2023/02.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).

²⁸ Подробно о реформе пенсионной системы см.: [Лебедева 2019, с. 256–262].

и определяемые государством) в обмен на гарантии получения пенсии по достижении 65 лет. При этом работники, которые были застрахованы в системах *кёсай кумиай* и *косэй нэнкин*, автоматически включались в число подписчиков этой системы, так как их регистрация в ней была обязанностью их работодателей. Что касается части, зависящей от дохода работника, то размеры взносов (в процентах к доходу) также устанавливаются государством. При этом взносы вносятся равными частями работниками и работодателями.

В системе *кокумин нэнкин* – национальной пенсии – по данным за 2020 фин. г. было зарегистрировано 22 млн 424 тыс. человек. В этой системе есть две категории подписчиков: самостоятельно уплачивающие взносы в *кисо нэнкин* (самозанятые, студенты, надомники и т.д.), и зависимые лица (супруги), за которых эти взносы вносят их мужья, зарегистрированные в *косэй нэнкин*. В 2020 фин. г. к первой категории относились 14 млн. 495 тыс. человек, а ко второй – 7 млн 930 тыс. человек²⁹.

Старение населения приводит к тому, что соотношение между числом подписчиков и числом получателей пенсий постепенно меняется в пользу последних. Так, если в 2010 г. в системе *кокумин нэнкин* оно составляло 1,16, то в 2020 г. – уже 0,64. В *косэй нэнкин* эти показатели составили 1,17 и 1,04 соответственно.

Возрастающие из года в год расходы на выплату пенсий государство пытается регулировать, используя свои закрепленные законодательно возможности. Во-первых, сообразуясь с текущей ситуацией, оно устанавливает размеры взносов в пенсионную систему. Так, в 2023 фин. г. взносы в систему *кисо нэнкин* составили 16 520 иен в месяц³⁰, а в систему *косэй нэнкин* – 18,3% (последние не повышались с 2018 г.)³¹. Для сдерживания роста расходов государство не только поощряет занятость пожилых работников, о чем говорилось выше, но и предлагает схемы повышения размеров пенсии в случае отсрочки начала ее получения. Например, в случае отсрочки получения базовой пенсии до 70 лет ее размеры возрастут на 42%, а при отсрочке до 75 лет – на 84%.

Представление о структуре источников финансирования пенсионной системы страны дают приводимые ниже данные.

Таблица 11. Структура источников финансирования пенсионной системы
(2021 фин. г., млрд иен, %)

	Взносы застрахованных	Взносы работодателей	Субсидии центрального правительства	Доходы от ка- питала	Прочее	Переводы из других систем*	Всего
<i>Косэй нэнкин</i>	16 676,7 28,6	16 678,6 28,6	10 254,1 17,6	9 517,4 16,3	209 0,3	5 057,3 8,6	58 391,3 100,0
<i>Кокумин нэнкин</i>	1 349,6 4,9	-	1 938,5 7,1	532,4 1,9	1 600,5 5,8	22 055,6 80,3	27 476,6 100,0

Источник: 2021 nendo shakai hoshō hiyō tōkei [The Statistics of Social Security Expenditures 2021FY]. Table 2. National Institute of Population and Social Security Research. https://www.ipss.go.jp/site-ad/index_Japanese/security.html (дата обращения: 22.08.2023).

* В 2021 фин. году переводы из *косэй нэнкин* составили 24,8 трлн иен, из которых львиная доля была переведена в *кокумин нэнкин*.

²⁹ Japan Statistical yearbook 2023, Table 23-9, 23-15. Statistics Bureau of Japan. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-22.html> (дата обращения: 13.08.2023).

³⁰ Nihon nenkin kikō [Japanese Pension System]. <https://www.nenkin.go.jp/international/japanese-system/nationalpension/nationalpension.html#cms02> (дата обращения: 25.08.2023).

³¹ Nihon nenkin kikō [Japanese Pension System]. <https://www.nenkin.go.jp/service/kounen/hokenryo/hoshu/20150515-01.html> (дата обращения: 25.08.2023).

В отличие от пенсионеров, которые по достижении пенсионного возраста освобождаются от уплаты взносов, пожилые японцы продолжают платить взносы в систему страхования здоровья. Как упоминалось выше, японцы в возрасте от 65 до 74 лет зарегистрированы в Национальной системе страхования здоровья, а по достижении 75 лет они переходят в Систему медицинского обслуживания лиц старшего возраста. Хотя расходы на медицинское обслуживание пожилых японцев значительно выше, чем расходы на их более молодых сограждан, условия их страхования более льготные. Так, взносы в Национальную систему страхования здоровья состоят из двух частей: части, одинаковой для всех, и части, рассчитываемой муниципалитетами с учетом уровня дохода, объема активов, состава семьи и т.д., что дает право на уменьшение общей суммы взносов. Наименее обеспеченные граждане вообще освобождаются от уплаты взносов, но сохраняют доступ к медицинским услугам. Далее, для японцев старше 70 лет, но моложе 75 лет, зарегистрированных в Национальной системе страхования здоровья, а также для граждан старше 75 лет, зарегистрированных в Системе медицинского обслуживания лиц старшего возраста, установлены льготы по оплате медицинских услуг. Для первой группы доля собственных средств в оплате медицинских услуг составляет 20%, а для второй – 10%. Правда, для граждан, получающих высокие доходы, эта планка повышается до 30%, т.е. до уровня, применяемого в отношении всего остального взрослого населения. Наконец, для покрытия расходов на медицинское обслуживание пожилых японцев государство использует средства страховых систем, в которых зарегистрированы более молодые граждане, и где соотношение между расходами и страховыми взносами гораздо более благополучно (в этих системах взносы стандартны и составляют порядка 10% от дохода).

Что касается финансирования третьего звена системы медицинского обслуживания пожилого населения Японии – услуг по долговременному уходу, то в нем в наиболее полном виде проявился принцип солидарности поколений, т.е. разделение бремени финансирования этих услуг между разными поколениями. Взносы в эту систему наряду с пожилыми японцами (которые уплачивают их из своей пенсии через муниципалитеты), вносят все граждане страны в возрасте от 40 до 64 лет. В 2018–2020 гг. взносы пожилых японцев составляли в среднем 5867 иен в месяц (каждый муниципалитет имеет право определять их величину самостоятельно), а взносы работающих граждан – 1,57% от суммы заработной платы и бонусов³². Страховые взносы покрывают примерно половину общих затрат на оказание услуг по долговременному уходу, другую половину берут на себя центральное правительство и местные органы власти. При этом доля собственных средств пациентов в оплате услуг составляет 10%.

Существует несколько видов услуг по долговременному уходу – начиная с самого дорогостоящего, связанного с помещением пациента в стационар, и кончая наиболее приемлемым в финансовом отношении вариантом – помощью в уходе и консультированием родственников пациента на дому. Муниципалитеты, на которые возложена обязанность определять, к какой категории нуждающихся в услугах по уходу относится каждый конкретный пациент (всего этих категорий восемь), стремятся по возможности уменьшить число тех, кого нужно помещать в стационар, или, по крайней мере, оттянуть этот момент. В этом плане большие надежды возлагаются на комплексные центры, созданные при муниципалитетах. Они организуют просветительские лекции, оказывают медицинскую помощь и консультации, проводят оздоровительные процедуры и т.д. Тем не менее, не только нарастание численности пожилых японцев, но и постарение их возрастного состава неизбежно приводят к росту числа граждан, нуждающихся в наиболее дорогостоящих услугах.

В целом структура источников финансирования расходов на медицинское обслуживание пожилых японцев и систему услуг по долговременному уходу выглядит следующим образом.

³² Population and Social Security in Japan 2019, p. 43. National Institute of Population and Social Security Research. <https://www.ipss.go.jp/s-info/c/pssj/pssj2019.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

Таблица 12. Структура финансирования медицинского обслуживания пожилых граждан (2021 фин. г., млрд иен, %)

	Взносы застрахованных	Субсидии центрального правительства	Субсидии муниципалитетов и префектур	Прочие Доходы	Переводы из других систем	Всего
Национальная система страхования здоровья	3 063,7 23,0	3 724,9 27,9	1 691,3 12,7	1 056,9 8,0	3 786,8 28,4	13 333,6 100,0
Медицинское обслуживание лиц старшего возраста	1 389,3 8,1	5 341,5 31,1	2 995,0 17,4	939,2 5,4	6 526,6 38,0	17 191,7 100,0
Услуги по долговремен- ному уходу	2 430,7 20,5	2 710,8 22,8	3 459,3 29,1	339,5 2,9	2 928,7 24,7	11 868,9 100,0

Источник: 2021 nendo shakai hoshō hiyō tōkei [The Statistics of Social Security Expenditures 2021FY]. Table 2. National Institute of Population and Social Security Research. https://www.ipss.go.jp/site-ad/index_Japanese/security.html (дата обращения: 22.08.2023).

Таким образом, как показывают данные таблиц 11 и 12, финансирование и пенсионной системы страны, и системы медицинского обслуживания пожилых граждан, и системы услуг по долговременному уходу, хотя и в разной степени, но в основном возложено на работающие поколения. Так, переводы из *косэй нэнкин*, в которую платят взносы работающие японцы, в 2021 фин. г. составили 80% в общем объеме финансирования системы *кокумин нэнкин*. В финансировании Национальной системы страхования здоровья на переводы из более благополучных систем, где застрахованы работающие граждане, приходится немногим менее 30%, а еще 40% – на субсидии правительства и местных органов власти. В объеме финансирования системы услуг по долговременному уходу более половины составляют субсидии правительства и местных органов власти, а 1/4 – переводы из других систем.

Благодаря этой подпитке все три звена медицинского обслуживания пожилых граждан, а также пенсионная система, не только выполняют свои обязательства, но и сводят баланс с профицитом. Так, в 2021 фин. г. в *косэй нэнкин* положительное сальдо составило 9 870,9 млрд иен, в *кокумин нэнкин* – 2672 млрд иен, в национальной системе страхования здоровья – 758,7 млрд иен, в системе медицинского обслуживания лиц старшего возраста – 512 млрд иен³³.

Особо следует отметить, что субсидии правительства и местных органов власти также в значительной степени представляют собой средства работающих поколений, аккумулированные в бюджете в форме налоговых поступлений. Так, по данным за 2022 фин. г. из 67 трлн иен налоговых поступлений 21,4% пришлось на подоходный налог, 21,9% – на налог на корпорации, 13,6% – на потребительский налог³⁴. Понятно, что пожилые граждане обеспечивают лишь часть поступлений от потребительского налога, а первые два налога уплачивают в основном экономически активные поколения.

³³ 2021 nendo shakai hoshō hiyō tōkei [The Statistics of Social Security Expenditures FY2021]. Table 2-4. National Institute of Population and Social Security Research. https://www.ipss.go.jp/site-ad/index_Japanese/security.html (дата обращения: 22.08.2023).

³⁴ 2022 FY Trend in General Account Tax Revenue. Ministry of Finance. <https://www.mof.go.jp/english/policy/budget/budget/fy2023/02.pdf> (дата обращения: 22.08.2023).

Заключение

Старение населения – это объективный процесс, в котором отражаются как экономические достижения Японии (значительное улучшение условий жизни населения, превращение долголетия в массовое явление), так и особенности демографической ситуации (абсолютное и относительное сокращение численности молодых возрастных когорт и вхождение в 2010-е гг. в когорту «пожилых» миллионов японцев, родившихся в годы первого послевоенного бэби-бума).

Рассмотренные в статье три аспекта старения населения – позиции пожилых японцев на рынке труда и проблема их занятости, материальное положение и уровень потребления пожилых граждан, влияние старения населения на ситуацию в системе социального обеспечения – позволяют сделать следующие выводы.

В настоящее время пожилые японцы стали важным резервом рабочей силы, позволяющим компенсировать сокращение численности работников молодых возрастов. Хотя состояние здоровья большинства из них позволяет им работать, по меньшей мере, еще лет десять после достижения пенсионного возраста, существуют определенные ограничения, препятствующие росту их экономической активности. Прежде всего, речь идет о *тэйнэн*, который продолжает использоваться японскими компаниями для регулирования вопросов заработной платы, найма и карьерного роста работников. Тем не менее, государство активно вмешивается в эту сферу, законодательно повышая *тэйнэн* и устанавливая правила продления занятости пожилых работников. С учетом нынешней ситуации на рынке труда можно ожидать, что в не столь отдаленной перспективе *тэйнэн* будет повышен до 65 лет, а возможность продолжать работать до 70 лет будет распространена на всех, кто выразил бы такое желание.

Как было показано в статье, доходы пожилых японцев позволяют большинству из них сохранять достаточно высокий уровень потребления, причем неработающие граждане используют для этого и свои сбережения. Поддержанию достойного уровня жизни пожилых граждан способствует и политика государства по сглаживанию экономического неравенства в этой группе, которое резко возрастает после вступления в пенсионный возраст из-за усиления диверсификации стилей жизни. Пенсии в Японии составляют около половины от средней заработной платы, и для значительной части пенсионеров они служат основным источником средств к существованию. Но тот факт, что порядка 80% домохозяйств пожилых граждан имеют собственное жилье, а их доля в общем объеме финансовых активов японских семей составляет более 60%, позволяет оценить их финансовое положение как в целом достаточно благополучное. Иными словами, абсолютный и относительный рост числа пожилых граждан среди японских потребителей не приводит к сокращению объема потребительского рынка, хотя и влияет определенным образом на структуру предлагаемых на нем товаров и услуг.

Иначе обстоит дело с влиянием старения населения на социальную систему страны. Без малого семидесятипроцентная доля расходов на пожилых японцев в общих расходах японского государства на социальную сферу – это на сегодня самое очевидное отрицательное последствие старения населения. Неизбежное дальнейшее изменение соотношения между числом работающих японцев и числом пожилых граждан в пользу последних грозит еще большим обострением проблемы финансирования социальной системы страны. По мнению японских специалистов, для смягчения остроты проблемы финансирования системы социального обеспечения государство могло бы использовать следующие инструменты. Во-первых, придать силу закона требованию повысить *тэйнэн* до 65 лет и обеспечить условия для продолжения работы до 70 лет всем желающим (с отсрочкой начала выплаты пенсии). Во-вторых, более тщательно учитывать материальное положение домохозяйств пожилых граждан при определении размеров взносов в системы медицинского обслуживания и установлении льгот по оплате медицинских услуг с тем, чтобы увеличить их собственный

вклад в поддержание этих систем. В-третьих, поднять ставку потребительского налога, направляемого на финансирование системы социального обеспечения, которая в Японии ниже, чем в других развитых странах. И, наконец, в-четвертых, осуществить со временем наименее популярную, но, скорее всего, неизбежную меру – повысить пенсионный возраст.

Представляется, что опираясь на свой богатый опыт решения разного рода сложных социально-экономических проблем и свойственное японскому обществу чувство межпоколенческой солидарности, японское государство сможет сгладить остроту порождаемых старением населения отрицательных последствий и сохранить очевидные достижения в сфере социального обеспечения без перенапряжения системы ее финансирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Лебедева И.П. Японский рынок труда в XXI веке. Москва: ИВ РАН. 2019.

REFERENCES

- Kajitani, Shinya. (2023). Promoting Employment of Older Workers and Adjustment of their Working Conditions at Japanese Firms. *Japan Labor Issues*, 7 (42), April 2023. Retrieved May 4, 2023, from <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/042-02.pdf>
- Kondo, Ayako (2017). Kōreisha koyō no genjō to seisaku kadai [The State of Elderly Employment and the Tasks of Policy]. In Kawaguchi Daiji (Ed.), *Nihon no rōdō shijō. Keizaigakusha no shiten* [Japanese Labor Market. The Viewpoint of Economists]. Tokyo. (In Japanese).
- Lebedeva I.P. (2019). Yaponskii ryonok truda v XXI veke [Japanese Labor Market in the 21st Century]. Moscow: IV RAN. (In Russian).
- Moriyama, Tomohiko. (2022). Why Does the Older Population in Japan Work so Much? *Japan Labor Issues*, 6 (39), October 2022. Retrieved May 5, 2023, from <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2022/039-04.pdf>

Поступила в редакцию: 04.09.2023

Received: 04 September 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-117-132

Отношения Японии с Мьянмой: тонкая политика или просто бизнес?

В.О. Кистанов

Аннотация. В статье рассматриваются отношения Японии с Мьянмой на современном этапе с упором на их особенности после военного переворота в этой стране 1 февраля 2021 г. Связи Японии с вооруженными силами Бирмы, созданными во время Второй мировой войны при японском содействии, сохранились на многие послевоенные десятилетия и до сих пор являются важным фактором, предопределившим особые отношения Японии с Мьянмой. В настоящее время поддержание неофициальных контактов с военными Мьянмы позволяют Токио претендовать на роль «моста» между Мьянмой и странами Запада и проводить в отношении этой страны собственный «сбалансированный курс» в условиях столкновения геополитических интересов основных международных акторов в Мьянме. Указанный переворот побудил Токио несколько дистанцироваться от правящего в стране режима. Однако при этом японское правительство проводит весьма гибкую политику, направленную на сохранение своих политических и экономических позиций в Мьянме. Этому не мешает то обстоятельство, что зачастую подходы Токио к Мьянме вступают в противоречие с позициями других стран Запада и вызывают критику со стороны не только этих стран и различных международных организаций, но и внутри самой Японии. В Японии на протяжении многих десятилетий действует мощное промьянманское лобби, олицетворением которого является Ассоциация Япония – Мьянма. Благодаря действиям этого лобби, а также так называемым особым отношениям с Мьянмой Япония стала крупнейшим в мире донором помощи этой стране и одним из ведущих иностранных инвесторов в ее экономику. Несмотря на то, что преобладающая часть американских и европейских компаний свернули свою деятельность в Мьянме после военного переворота, большинство японских фирм, не желая терять прибыльный бизнес, остались в стране, заняв выжидательную позицию в надежде на улучшение деловой конъюнктуры. Можно полагать, что накопленный за многие десятилетия богатый опыт развития отношений Японии с Бирмой/Мьянмой, а также сохраняющиеся связи с военной верхушкой страны, позволят правительству Японии адаптировать свои политические и экономические связи к Мьянме при любом властном режиме в этой стране.

Ключевые слова: Япония, Мьянма, военный переворот, официальная помощь развитию, торговля, инвестиции, иенные займы, особые экономические зоны, санкции.

Автор: Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-2377-0000. E-mail: v_kistanov@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кистанов В.О. Отношения Японии с Мьянмой: тонкая политика или просто бизнес? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 117–132. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-117-132

Japan's relations with Myanmar: Subtle politics or just business?

V.O. Kistanov

Abstract: The article examines Japan's relations with Myanmar at the present stage with an emphasis on their features after the military coup in that country on February 1, 2021. Japan's ties with the armed forces of Burma, which were created during the Second World War with Japanese assistance, have been preserved for many post-war decades and are still an important factor that predetermined Japan's special relations with Myanmar. Currently, maintaining informal contacts with the Myanmar military allows Tokyo to claim the role of a "bridge" between Myanmar and Western countries and pursue its own "balanced course" in relation to this country in the face of a clash of geopolitical interests of the main international actors in Myanmar. This coup prompted Tokyo to distance itself somewhat from the ruling regime. However, at the same time, the Japanese Government is pursuing a very flexible policy aimed at preserving its political and economic positions in Myanmar. This is not hindered by the fact that Tokyo's approaches to Myanmar often conflict with the positions of other Western countries and cause criticism from not only these countries and various international organizations, but also within Japan itself. A powerful pro-Myanmar lobby has been operating in Japan for many decades, personified by the Japan-Myanmar Association. Thanks to the actions of this lobby, as well as the so-called "special relationship" with Myanmar, Japan has become the world's largest aid donor to this country and one of the leading foreign investors in its economy. Despite the fact that the majority of American and European companies curtailed their activities in Myanmar after the military coup, most Japanese firms, not wanting to lose profitable business, remained in the country, taking a wait-and-see attitude in the hope of the business environment improving. It can be assumed that the rich experience accumulated over many decades in the development of Japan's relations with Burma/Myanmar, as well as continuing ties with the country's military elite, will allow the Japanese government to adapt its political and economic ties to Myanmar under any regime in power in this country.

Keywords: Japan, Myanmar, military coup, official development assistance, trade, investment, yen loans, special economic zones, sanctions.

Author: Valerii O. Kistanov, Dr.Sc. (History), Head of the Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2377-0000; E-mail: v_kistanov@list.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kistanov, V.O. (2023). Otnosheniya Yaponii s M'yanmoi: tonkaya politika ili prosto biznes? [Japan's relations with Myanmar: Subtle politics or just business?]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 117–132. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-117-132

Введение

Современные отношения Японии с Мьянмой уходят своими корнями в период Второй мировой войны, когда страна (тогдашняя Бирма) была колонией Великобритании. Тогда при содействии японских спецслужб в столице Таиланда Бангкоке была создана Армия независимости Бирмы (АИБ). Японцы готовили бойцов этой армии, среди которых оказались будущие видные военно-политические деятели Бирмы, такие как Аун Сан (отец Аун Сан Су Чжи – нынешнего лидера демократических сил Мьянмы) и Не Вин. В декабре 1942 г. Япония начала военное вторжение в Бирму в ходе своей агрессии в Юго-Восточной Азии, и в августе 1943 г. в стране, после ее завоевания, было создано прояпонское марионеточное правительство. В нем Аун Сан занимал пост министра обороны и сохранил тесные связи со многими японскими военными.

Стремясь заручиться народной поддержкой, японцы представили свои действия как часть более широкого «освободительного движения», направленного на избавление бирманского народа от британских колонизаторов. В отличие от других стран Юго-Восточной Азии, которые должны были войти в Японскую империю, Бирме в 1943 г. была предоставлена формальная независимость. Однако жестокое поведение японских «освободителей» побудили бирманцев выступить против них и вновь поддержать британцев в их кампании по изгнанию японцев из Бирмы в 1945 г. [Baron 2023, p.15–22].

Как считают японские эксперты, обе страны имеют разные исторические интерпретации этого периода времени. Ссылаясь на свою помощь в создании Армии независимости Бирмы, предшественницы современных вооруженных сил Мьянмы, Япония пропагандирует свою роль в освобождении нации от колониального господства Великобритании. Мьянма, со своей стороны, гордится историей восстания против японских оккупантов в конце Второй мировой войны, утверждая, что она бросила вызов как британскому, так и японскому империализму. Однако в настоящее время обе страны намеренно обходят расхождения в интерпретации истории их отношений ради современных двусторонних связей, которые приносят Мьянме экономическую помощь, а Японии – дружественное государство¹.

В послевоенный период Япония выплачивала Бирме репарации, которые фактически были призваны заложить основу для дальнейшего экономического сотрудничества Японии с одной из ключевых стран ЮВА. Бирма должна была стать и плацдармом для дальнейшей экономической экспансии Японии в этом регионе. Не случайно тогдашний ее премьер-министр Киси Нобускэ (дед покойного премьер-министра Абэ Синдзо) две свои длительные поездки по странам ЮВА в 1957 г. начинал именно с Бирмы.

В 1962 г. генерал Не Вин совершил военный переворот и навязал стране новую форму правления, получившую название «Бирманский путь к социализму». При его правлении Бирма стала еще более изолированной от внешнего мира, чем раньше, а Япония оказалась единственным иностранным партнером страны. Не Вин считал Японию наименее опасным из так называемых иностранных зол и рассматривал эту страну как лучшего экономического партнера, чем любой из крупных соседей Бирмы, таких как Китай и Индия. Правительство Не Вина подверглось критике со стороны Запада за нарушения прав человека, но Япония держалась в стороне от этой критики ради своих экономических и политических интересов. В 1963 г. премьер-министр Икэда Хаято посетил Бирму в рамках турне по странам Юго-Восточной Азии. Во время своего визита в Бирму в 1983 г. тогдашний министр иностранных дел Абэ Синтаро (отец Абэ Синдзо) заявил, что Бирма является «крайне прояпонской страной».

К 1988 г. «Бирманский путь к социализму» завел страну в экономический тупик, режим Не Вина рухнул, а к власти пришла новая военная хунта. К этому времени Япония стала главным экономическим донором Бирмы. Япония предоставила ей около 2,2 млрд долл. в виде помощи в период с 1964 по 1988 г., значительно превзойдя по этому показателю все остальные страны. В 1987 г. Официальная помощь на цели развития (ОПР) Японии составляла 20 % бюджета страны и 71,5 % от общего объема иностранной помощи.

После переворота японское правительство заняло критическую позицию по отношению к хунте. Токио присоединился к другим странам западного блока и приостановил свою помощь. Однако, когда новая хунта объявила, что всеобщие выборы состоятся в 1990 г., японское правительство использовало это как предлог, чтобы изменить свою прежнюю политику, признав военный режим официальным правительством Бирмы в 1989 г. Поступив таким образом, Япония стала первой страной западного блока, признавшей новую военную хунту

¹ Tomohiro Osaki and Satoshi Sugiyama // Japan's ties with Myanmar put to the test after military coup. Japan Times. February 25, 2021. <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/02/25/national/myanmar-japan-ties/> (дата обращения: 22.06.2023).

законным правительством. В то же время, хотя ОНР Мьянме на словах была приостановлена, фактически она продолжалась вплоть до «повторного открытия» страны в 2011 г. Это делалось для поощрения «позитивных тенденций» внутри страны.

Столкнувшись с сопротивлением оппозиционных сил внутри страны и сильным международным давлением извне, военная хунта в 2008 г. приняла новую конституцию, которая предоставил военным широкие полномочия. Согласно конституции 2008 г., военные имеют 1/4 гарантированных мест в союзном парламенте и 1/3 мест в региональных законодательных органах. Этот шаг, а также другие меры по либерализации, дали основание японскому правительству списать в 2013 г. долг Мьянмы в размере 4,6 млрд долл. В мае 2013 г. Абэ Синдзо посетил Мьянму (первый визит действующего премьер-министра за 36 лет) в сопровождении 40 японских бизнес-лидеров. В декабре 2013 г. было подписано японо-мьянманское инвестиционное соглашение, проложившее путь к созданию в мае 2014 г. Особой экономической зоны (ОЭЗ) Тилава. Это положило начало притоку японских инвестиций с участием 56 японских корпораций, включая таких известных автопроизводителей, как Suzuki, Toyota, и др. [Baron 2023, p.15–22]. С тех пор политические и экономические отношения Японии с Мьянмой развивались по восходящей линии вплоть до очередного военного переворота в ней, случившегося 1 февраля 2021 г.

Переворот был вызван несогласием руководства армии Мьянмы с прошедшими в ноябре 2020 г. парламентскими выборами, на которых партия, поддержанная военными, заняла лишь незначительное число мест, как в нижней, так и верхней палатах парламента. Военные заявили о фальсификациях на выборах и взяли власть в свои руки. Ими были задержаны президент Мьянмы Вин Мьин и лидер правящей партии «Национальная лига за демократию» и фактический руководитель страны – государственный советник и глава Министерства иностранных сил Аун Сан Су Чжи. Вся полнота государственной власти была передана главнокомандующему вооруженными силами Мьянмы старшему генералу Мин Аун Хлайну. В стране было введено чрезвычайное положение. Силы, выступившие против переворота, были жестко подавлены. В стране с мая 2021 г. идет борьба военных с вооруженными сторонниками свергнутого правительства, которую верховный комиссариат по правам человека ООН классифицирует как гражданскую войну. С 2016 г. продолжается конфликт властей с этнической группой мусульман рохинджа, 700 000 которых стали беженцами. В связи с переворотом, а также негуманным отношением властей к рохинджа США, Канада и Европейский союз ввели против Мьянмы экономические санкции.

Указанный переворот оказал определенное воздействие на отношения Японии с Мьянмой и побудил Токио несколько дистанцироваться от правящего режима. Однако при этом японское правительство проводит весьма гибкую политику, направленную на сохранение своих политических и экономических позиций в Мьянме, являющейся одной из ключевых стран в таком важном регионе мира, как Юго-Восточная Азия.

В отечественной научной литературе практически отсутствуют целевые исследования современных отношений Японии с Мьянмой, в том числе их особенностей после военного переворота 1 февраля 2021 г. В свете этого данная статья представляет собой попытку в какой-то мере закрыть это «белое пятно» и дать по возможности комплексный анализ внешнеполитических и экономических подходов Японии к Мьянме на современном этапе.

Геополитические игры

Военный переворот 1 февраля 2021 г. высветил столкновение геополитических интересов основных международных акторов в Мьянме и обострил их борьбу за влияние на важнейшую страну Юго-Восточной Азии, а также в самом этом регионе. Как отмечают американские

эксперты Е Мью Хейн и Лукас Майерс, с тех пор как военные захватили власть в Мьянме в результате государственного переворота в начале 2021 г., мирный массовый протест против хунты перерос в вооруженное сопротивление, и большая часть страны погрузилась в новую гражданскую войну. В этих условиях Мьянма во все большей степени вовлекается в глобальное противостояние между США и Китаем, становясь передовой линией их борьбы в новой холодной войне. При этом если в первое время после переворота обе сверхдержавы занимали осторожно выжидательную позицию в отношении противоборствующих сил в Мьянме, то с течением времени все более явно стала проявляться поддержка Соединенными Штатами «продемократических сил», а Китаем – военного режима в этой стране. Важные союзники и партнеры США в Индо-Тихоокеанском регионе, такие как Австралия, Индия и Япония, преследуя собственные интересы в регионе, выразили свою «озабоченность» кризисом в Мьянме, но опасаются, что чрезмерное давление на военный режим откроет его для усиления китайского влияния [Hein, Myers 2023].

Как уже отмечалось, Соединенные Штаты и Европейский союз осудили переворот, ввели санкции против военной хунты и заявили о своей поддержке сил, выступающих против нее. Китай со своей стороны заявил о поддержке военного правительства во главе со старшим генералом Мин Аун Хлайном, хотя на деле Пекин поддерживает контакты и с некоторыми этническими группировками, борющимися с правительством. У Пекина есть большие геостратегические интересы, которые он намерен отстаивать в Мьянме. Мьянма – единственная соседняя страна, которая обеспечивает Китаю прямой доступ к Индийскому океану. Это позволяет китайским поставкам топлива и других ключевых импортных товаров обходить спорные воды Южно-Китайского моря и Малаккский пролив, которые, как опасается Пекин, могут быть заблокированы при любом сценарии конфликта с США [Linder 2021].

Реакция на переворот в Мьянме Японии и соседней Индии, которые наряду с Китаем имеют глубокие экономические интересы в Мьянме, была менее критической. Обе страны не присоединились к Западу в введении новых санкций и даже не выступили с решительным осуждением режима Мин Аун Хлайна. Одной из причин этого являются опасения по поводу того, что такой шаг приведет к усилению сотрудничества правящей хунты с Китаем и укреплению его позиций в Мьянме.

Очевидно, что самой заинтересованной стороной в урегулировании ситуации является АСЕАН, членом которой является Мьянма. Однако все усилия Ассоциации в этом направлении пока не принесли положительных результатов в связи с серьезными расхождениями ее членов по поводу Мьянмы. Так, соседний Таиланд, также имеющий широкие экономические интересы в Мьянме, не осудил правящий режим в этой стране и не ввел против нее санкций. За проведение жесткой политики в отношении Мьянмы выступает Индонезия, являющаяся председателем АСЕАН в 2023 г., и ряд других членов Ассоциации. В итоге странам АСЕАН не удалось реализовать даже консенсус из пяти пунктов, достигнутый в отношении Мьянмы. Они предусматривают немедленное прекращение насилия в стране, диалог между всеми сторонами, гуманитарную помощь со стороны АСЕАН и направление специального посланника в Мьянму для встречи со всеми сторонами внутреннего противоборства.

Россия, поддерживая политические и экономические контакты с правящим режимом Мьянмы, намерена использовать их для расширения своего влияния в ЮВА. Она наряду с Китаем является одним из основных поставщиков вооружений для Мьянмы. Существуют также планы строительства Россией в Мьянме атомной электростанции. Мьянма – единственная страна в Юго-Восточной Азии, которая поддерживает Россию в условиях ее Специальной военной операции на Украине и антироссийских санкций Запада.

Экономическая, политическая и военная поддержка правительства Мьянмы со стороны Китая и России, в том числе в ООН, позволяет ему ослабить изоляцию страны на международной арене. Мьянма также пользуется дипломатической поддержкой соседних

стран, включая Индию и Таиланд. Обе страны рассматривают поддержание связей с хунтой как лучший способ защитить свои интересы в Мьянме.

По признанию западных экспертов, санкции вряд ли заставят правящий военный режим Мьянмы отказаться от своего курса во внутренней политике. По их мнению, военные Мьянмы имеют долгую историю выживания под международными санкциями, и с самого начала было ясно, что они смогут выдержать эти санкции [Patton 2023, p. 28–29]. Некоторые эксперты полагают, что «тихая дипломатия» Японии в отношении Мьянмы и экономическая помощь этой стране могут оказаться более эффективным средством восстановления демократии в Мьянме, чем санкции стран Запада. Вместе с тем они принесут Японии и реальные экономические выгоды [Babovic, Soraj 2021].

Следует отметить, что военное правительство Мьянмы умело использует разногласия между зарубежными государствами в отношении своей страны, что позволяет ему добиться определенной стабильности в экономике и поддерживать дружественные отношения на международной арене с рядом государств. Несмотря на западные санкции, Мьянма продолжает активно торговать с некоторыми соседями. На Китай, Индию и Таиланд вместе взятые приходится более половины общего объема торговли Мьянмы. Напротив, на США, Великобританию и ЕС приходится всего 14%. Правящему режиму в 2023 г. удалось не только стабилизировать экономику страны, но и добиться ее заметного роста. По прогнозу Международного валютного фонда, в 2023 фин. г. реальный валовой внутренний продукт Мьянмы вырастет более чем на 3%, восстановившись после сокращения на 18% в 2021 фин. г.² В контексте борьбы ведущих международных игроков за свои экономические и политические интересы в Мьянме Япония проводит в отношении нее собственный особый курс.

Гибкие подходы Токио

Официальная позиция Токио в отношении текущей ситуации в Мьянме изложена в ежегодной «Синей книге по дипломатии». В издании за 2022 г. говорится, что в ноябре 2020 г. в Мьянме прошли всеобщие выборы, и Национальная лига за демократию (НЛД) одержала убедительную победу. Однако после всеобщих выборов вооруженные силы Мьянмы заявили, что имели место фальсификации, и взяли власть в свои руки. Япония выразила серьезную обеспокоенность ситуацией в Мьянме. В дополнение к заявлению, сделанному министром иностранных дел в день государственного переворота, Япония призвала вооруженные силы Мьянмы немедленно прекратить насилие против гражданских лиц, освободить задержанных, включая государственного советника Аун Сан Су Чжи, и быстро восстановить демократический политический строй. Кроме того, в августе на встрече министров иностранных дел стран региона Меконг и Японии министр иностранных дел Мотэги настоятельно призвал Мьянму освободить задержанных и быстро восстановить демократическую политическую систему. Токио поддержал также усилия АСЕАН по преодолению ситуации в Мьянме и достижению конкретных результатов в рамках «консенсуса из пяти пунктов», согласованного на встрече лидеров АСЕАН, состоявшейся в апреле, включая направление специального посланника АСЕАН в Мьянму. Кроме того, Япония поддержала все резолюции, принятые ООН в отношении Мьянмы, а с 1 февраля Япония оказала гуманитарную помощь через международные организации населению Мьянмы на общую сумму 20,89 млн долл. [Diplomatic Bluebook 2022, p.76]. Вместе с тем японское правительство разрешило открыть в Токио представительство

² Myanmar military exploits global rifts to deflect Western pressure // Nikkei Asia. January 27, 2023. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-military-exploits-global-rifts-to-deflect-Western-pressure/> (дата обращения: 04.08.2023).

Правительства национального единства (NUG), являющегося теневым правительством Мьянмы. Представительство действует параллельно официальному посольству Мьянмы в Японии и открыто пытается вовлечь Японию в действия против хунты. Но японское правительство пока официально не признало NUG, опасаясь, что противодействие хунте подтолкнет ее к сближению с Пекином. Это, с точки зрения Токио, является нежелательным, особенно в условиях, когда соперничество между Китаем и Соединенными Штатами в Индо-Тихоокеанском регионе продолжает усиливаться, а в этом контексте нарастает и конфликтность отношений между самой Японией и Китаем.

Тем не менее представительство NUG в Токио поддерживается некоторыми членами японского парламента. Так, Исибаси Митихиро, депутат от главной оппозиционной Конституционно-демократической партии Японии, является исполнительным директором Японской парламентской группы поддержки демократизации в Мьянме и выступает за официальное признание Японией теневого правительства Мьянмы. Аидзава Итиро, законодатель от правящей Либерально-демократической партии, возглавляет в парламенте Ассоциацию дружбы Япония – Мьянма.

Пользуясь своими историческими связями с Мьянмой, Япония всегда пыталась занимать особую позицию в отношении этой страны. Так, в 2019 г. Токио воздержался при голосовании в Совете ООН по правам человека за принятие резолюции, осуждающей грубые нарушения прав человека и притеснения мусульман рохинджа, что шло вразрез с позицией, занятой Соединенными Штатами и европейскими странами. При этом ранее в ситуации, когда в 2015 г. проблема беженцев рохинджа в Мьянме привлекла большое внимание международной общественности, Япония объявила, что предоставит чрезвычайную безвозмездную финансовую помощь в размере 3,5 млн долл. через соответствующие структуры ООН для их поддержки³.

Япония стремится играть роль «моста» между Мьянмой и странами Запада и ей приходится регулировать свою позицию с учетом мнения обеих сторон. Этот курс отчетливо проявился в двойственной реакции Токио на военный переворот 1 февраля 2021 г. «Япония еще раз настоятельно призывает мьянманских военных быстро восстановить демократическую политическую систему Мьянмы», – заявил министр иностранных дел Мотэги Тосимицу в заявлении, опубликованном 1 февраля 2021 г. Наряду с этим высокопоставленный чиновник японского правительства сказал, что Япония – единственная страна (в Западном блоке), которая может вступить в диалог с военными⁴.

После переворота Япония не откликнулась на призывы ввести санкции или приостановить ее текущие экономические проекты в Мьянме. Это объясняется тем, что вплоть до свержения гражданского правительства Япония имела тесные связи с армейским руководством Мьянмы. Вместо санкций Токио, как уже отмечалось, выразил поддержку решению АСЕАН направить специального посланника в Мьянму, чтобы помочь разрядить кризис. Однако процесс урегулирования кризиса зашел в тупик. При этом японские фирмы продолжали вести совместный бизнес с фирмами, принадлежащими военной хунте, несмотря на чрезвычайный случай, когда сотрудники службы безопасности Мьянмы насильно проникли в дома работников посольства Японии в Янгоне. Токио потребовал принять меры для того, чтобы это больше никогда не повторилось⁵.

³ Japan unveils \$3.5 million emergency grant aid for Rohingya migrants // Today. June 20, 2015. <https://www.todayonline.com/world/asia/japan-unveils-s467m-emergency-grant-aid-rohingya-migrants> (дата обращения: 28.05.2023).

⁴ 'Friendly' Japan eyes stepping in to help resolve Myanmar crisis // Asahi Shimbun. February 2, 2021. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14156526> (дата обращения: 03.06.2023).

⁵ Tokyo, s Myanmar balancing act // Japan Times. July 13, 2021. <https://www.japantimes.co.jp/take5/3-tokyos-myanmar-balancing-act/> (дата обращения: 05.06.2023).

Влиятельной лоббистской организацией, выступающей за развитие «сбалансированных отношений» Японии с Мьянмой, в том числе с ее военным руководством, является Ассоциация Япония – Мьянма (ранее Ассоциация Япония – Бирма), которая представляет деловые интересы японских компаний, получающих выгоду от экономических связей с Мьянмой. В нее входят представители не только японских крупных корпораций, но также малого и среднего бизнеса. Кроме того, членами Ассоциации состояли и состоят видные члены правящей Либерально-демократической и других партий. Среди них бывший премьер-министр Накасонэ Ясухиро, который занимал пост ее почетного председателя, бывший премьер-министр, а ныне заместитель председателя ЛДП Асо Таро, занимающий пост высшего советника, и бывший Генеральный секретарь кабинета министров и министр юстиции Сэнгоку Ёсито, который занимал пост заместителя председателя и члена совета директоров. Возглавляет Ассоциацию Ватанабэ Хидэо, бывший министр телекоммуникаций.

Одним из самых влиятельных членов промьянманского лобби в Японии является Сасакава Ёхэй, председатель Nippon Foundation, крупнейшего благотворительного фонда Японии. Сасакава в течение нескольких десятилетий активно действует в Мьянме, поддерживая связи с ее военными руководителями и продвигая в ней экономические и политические интересы Японии. Бывший премьер-министр Абэ Синдзо назначил Сасакава специальным представителем правительства Японии по мирному урегулированию в Мьянме. Во многом благодаря усилиям Сасакава было обеспечено прекращение огня между вооруженными силами Мьянмы и «Армией Аракана» на время проведения очередных выборов в ноябре 2020 г. [Парамонов 2021].

Уже после военного переворота Япония приняла четырех военнослужащих Мьянмы для обучения в 2022 финансовом году. Трое из них присоединились к программе в Национальной академии обороны, а четвертый поступил в школу курсантов Военно-воздушных Сил самообороны. В результате этого общее количество военных из Мьянмы, обучающихся в Японии, достигло 11 человек⁶. Но в связи с критикой этого шага, как в самой Японии, так и в других странах, а также со стороны международных организаций, Министерство обороны Японии в сентябре 2022 г. заявило о том, что прекратит принимать на обучение военных из Мьянмы. Однако уже принятые военные должны были продолжить обучение. В оправдание этого министр обороны Киси Нобуо заявил: «Обучая студентов из Мьянмы тому, какими должны быть организации в демократической стране, мы надеемся, что они воспользуются этим пониманием и в будущем восстановят свою страну»⁷.

Хотя японское правительство внешне старается дистанцироваться от военного режима Мьянмы, два видных японских политика получили медали от него – вышеупомянутые Ватанабэ Хидэо и Асо Таро. На церемонии награждения 20 февраля 2023 г. в столице Мьянмы Нейпидо присутствовал военный лидер правительства, старший генерал Мин Аун Хлайн, который лично вручил медаль Ватанабэ Хидэо. Ватанабэ также принял награду от имени Асо. Согласно мьянманским СМИ, награды были вручены в знак признания вклада Асо и Ватанабэ в «развитие, мир и процветание Мьянмы». На церемонии Мин Аун Хлайн поблагодарил Ватанабэ за его усилия по «укреплению дружбы между Мьянмой и Японией, развитию Мьянмы и привлечению японских инвестиций в Мьянму». Посольство Японии в Мьянме отказалось комментировать награждение своих соотечественников, сославшись на то, что награжденные персоны являются «частными лицами»⁸.

⁶ Kaigo Narisawa. Japan training program accepts 4 from military in Myanmar // Asahi Shimbun. April 27, 2022. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14608799> (дата обращения: 28.04.2022).

⁷ Naoki Matsuyama. Defense Ministry to stop accepting military officials from Myanmar // Asahi Shimbun. September 21, 2022. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14724170> (дата обращения: 03.07.2023).

⁸ Aso, Watanabe awarded medals by Myanmar military regime // Asahi Shimbun. February 22, 2023. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14845699> (дата обращения: 23.02.2023).

Под градом критики

Несмотря на «дозированную» критику со стороны официального Токио в адрес военного режима Мьянмы, сама Япония подвергается международному порицанию за ее курс в отношении этой страны. Так, эксперты ООН призвали японское правительство взять на себя более активную руководящую роль в деле урегулирования обостряющегося кризиса в Мьянме и усилить давление на военную хунту страны. Том Эндрюс, Специальный докладчик ООН по ситуации с правами человека в Мьянме, в конце 10-дневного официального визита в Японию в апреле 2023 г., в частности, заявил: «Лидерство Японии будет иметь жизненно важное значение для пересмотра неудачной международной реакции на кризис»⁹.

Сильной критике Япония подверглась со стороны международных правозащитных организаций за присутствие посла Мьянмы на государственных похоронах бывшего премьер-министра Абэ Синдзо. «Присутствие (представителя) страны, где к власти приходит армия, на государственных похоронах – это акт одобрения военного режима», – заявил представитель Human Rights Watch. В ответ на критику Министерство иностранных дел Японии заявило, что «решение было принято с учетом характера похорон», который не исключает такие страны, как Мьянма¹⁰.

Как можно предполагать, в заявлении имелось в виду то обстоятельство, что, будучи прагматиком во внешней политике, премьер-министр Абэ был не только сторонником развития отношений с Мьянмой, но, подобно своим упомянутым выше деду и отцу, внес в него большой личный вклад. В частности, он принимал де-факто лидера Мьянмы Аун Сан Су Чжи в Токио в ноябре 2016 г., и пообещал, что Япония предоставит экономическую помощь на сумму 40 млрд иен в течение пяти лет регионам, где проживают группы этнических меньшинств. Абэ также сказал, что японское правительство и базирующиеся в Японии предприятия частного сектора готовы внести в общей сложности около 800 млрд иен в программы развития страны в течение того же срока. Кроме того, он заверил, что Япония будет полностью поддерживать новую администрацию во главе с Аун Сан Су Чжи. Следует отметить, что, на встрече с Аун Сан Су Чжи Абэ не поднимал вопрос нарушения прав человека мусульман рохинджа в штате Ракхайн¹¹. По мнению японских аналитиков, теплый прием, оказанный Аун Сан Су Чжи, подчеркивает стремление премьер-министра Абэ уравновесить «китайские заигрывания с такой страной, как Филиппины, имеющей большое геополитическое значение в Юго-Восточной Азии»¹².

Примечательно, что ряд японских СМИ подвергают нынешний курс собственного правительства в отношении Мьянмы весьма резким нападкам. В этом плане показательной является статья, опубликованная в газете Japan Times, в которой подробно анализируются текущие внешнеполитические подходы Японии к Мьянме¹³. В публикации, в частности, говорится, что еще до военного переворота Токио рассматривал свою роль в Мьянме в качестве

⁹ UN expert urges Japan to step up pressure on Myanmar junta // United Nations, Human Rights Office of the High Commissioner. April 28, 2023. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2023/04/un-expert-urges-japan-step-pressure-myanmar-junta> (дата обращения: 02.05.2023).

¹⁰ Yuichi Nobira. Japan criticized for Myanmar envoy attending Abe state funeral // Asahi Shimbun. September 29, 2022. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14730334> (дата обращения: 12.07.2023).

¹¹ Reiji Yoshida. Abe meets Suu Kyi, extends ¥40 billion aid package aimed at Myanmar's ethnic minorities // Japan Times. November 2, 2016. <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/11/02/national/politics-diplomacy/abe-extends-%C2%A540-billion-aid-deal-myanmar/> (дата обращения: 25.04.2023).

¹² Abe vies with China for influence over ASEAN gateways // Nikkei Asia. November 3, 2016. <https://asia.nikkei.com/NAR/Articles/Abe-vies-with-China-for-influence-over-ASEAN-gateways> (дата обращения: 05.04.2023).

¹³ Sam Baron and Kyaw Hsan Hlaing. Japan needs to ratchet up pressure on Myanmar's junta // Japan Times. October 21, 2022. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2022/10/21/commentary/japan-commentary/japan-myanmar-relations/> (дата обращения: 01.07.2023).

«моста» между западными странами и хунтой. В рамках этого подхода, утверждается в статье, Токио никогда не отказывался от поддержки военного режима даже после переворота¹⁴.

Закари Абуза – профессор Национального военного колледжа в Вашингтоне в статье в газете *Nikkei Asia* так же резко критикует Японию за ее курс в отношении Мьянмы после военного переворота 1 февраля 2021 г. Он пишет, в частности, что, будучи премьер-министром, Суга Ёсихидэ выразил «глубокую озабоченность» в связи с последующим насилием, но не сделал ничего, чтобы оказать давление на военный режим. Нынешний премьер-министр Кисида Фумио продолжает эту политику, даже, несмотря на то, что несколько японских компаний прекратили сотрудничество с Мьянмой. Американский аналитик тоже полагает, что Токио необходимо переориентировать свою поддержку с военного режима Мьянмы на Правительство национального единства и оказать на хунту сильное экономическое давление¹⁵.

Газета *Sankei Shimbun* призывает правительство сотрудничать с Соединенными Штатами и Европой, чтобы взять курс на изоляцию военного режима. В статье, посвященной 2-й годовщине военного переворота в Мьянме, газета пишет: «Что разочаровывает, так это реакция Японии. Япония призвала к немедленному прекращению насилия. Но она дистанцировалась от санкций, заявив, что предоставляет канал для диалога с военными, которого нет у Запада. Однако нет никаких признаков того, что голос Японии услышан»¹⁶.

В ответ на критику как внутри страны, так и из-за рубежа правительство Японии вынуждено корректировать свои некоторые оценки ситуации в Мьянме в сторону их ужесточения. Так, Генеральный секретарь кабинета министров Мацуно Хирокадзу заявил, что Япония серьезно обеспокоена ситуацией в Мьянме, которая продолжает ухудшаться даже спустя два года после военного переворота в стране Юго-Восточной Азии. «Вооруженные силы Мьянмы не прислушиваются к голосам международного сообщества, и нет никаких признаков прекращения насилия», – заявил Мацуно на пресс-конференции. Он также пообещал, что Япония продолжит призывать военных работать над поиском мирного решения, приемлемого для народа Мьянмы и международного сообщества¹⁷.

Экономика в приоритете

Мьянма, несмотря на непреходящие сложные внутривнутриполитические проблемы, всегда вызывала интерес у зарубежных инвесторов из различных стран. Как отмечает журнал *The Economist*, замедление темпов политических реформ, начавшихся в 2010 г., не остановило приток иностранных инвестиций. Так, в период с 2010 по 2013 г. иностранные инвестиции в Мьянме выросли почти втрое – показатель, превышающий показатель любой другой страны АСЕАН, за исключением Филиппин. Причины этого заключаются в том, что Мьянма расположена между рынками двух самых густонаселенных стран мира – Китая и Индии. В то же время рабочая сила в соседнем Таиланде – производственном центре ЮВА, стареет и дорожает. Население Мьянмы, составляющее 51 млн человек, молодо и дешево. Страна

¹⁴ Sam Baron and Kyaw Hsan Hlaing. Japan needs to ratchet up pressure on Myanmar's junta // *Japan Times*. October 21, 2022. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2022/10/21/commentary/japan-commentary/japan-myanmar-relations/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁵ Zachary Abuza. Japan is backing the wrong side in Myanmar // *Nikkei Asia*. July 28, 2022. <https://asia.nikkei.com/Opinion/Japan-is-backing-the-wrong-side-in-Myanmar> (дата обращения: 23.07.2023).

¹⁶ Myanmar: Time for Japan to Support Sanctions on the Junta // *Sankei Shimbun*. February 13, 2023. <https://japan-forward.com/editorial-myanmar-time-for-japan-to-support-sanctions-on-the-junta/> (дата обращения: 14.02.2023).

¹⁷ Japan Concerned about Worsening Situation in Myanmar // *Yomiuri Shimbun*. February 1, 2023. <https://japannews.yomiuri.co.jp/world/asia-pacific/20230201-88141/> (дата обращения: 02.02.2023).

изобилует природными ресурсами, включая золото, нефрит, рубины, древесину, нефть и природный газ. Однако многие из этих ресурсов находятся на территории, контролируемой этническими армиями [An unfinished peace 2016].

По итогам прошедших в ноябре 2010 г. всеобщих парламентских выборов к власти пришло правительство У Тейн Сейна, инициировавшего ряд либеральных политических и экономических реформ, которые открыли страну мировому сообществу и привели к снятию с нее международных санкций. Этому способствовал блиц-визит в Мьянму в ноябре 2012 г. президента США Барака Обамы в рамках его стратегии поворота к Азии (Asia Pivot). Визит дал «зеленый свет» в отношении Мьянмы и Японии. Поездка в первых числах января 2013 г. в Мьянму тогдашнего заместителя премьер-министра Асо Таро положила начало внешнеэкономической деятельности новой администрации Абэ Синдзо, повторно пришедшего к власти в декабре 2012 г.

Японский бизнес также устремился в страну. В феврале 2013 г. Мьянму посетила делегация Кэйданрэн (Федерация экономических организаций) во главе с видным представителем японского бизнеса Ёнэкура Хиромаса. Делегация включала 140 человек и явилась одной из крупнейших зарубежных миссий Кэйданрэн за всю ее историю. В нее входили руководители ведущих японских корпораций, действующих в самых различных сферах [Кистанов 2013]. После того как Аун Сан Су Чжи стала де-факто лидером государства в результате выборов 2015 г., премьер-министр Абэ и высокопоставленные чиновники Министерства иностранных дел провели встречи как с ней, так и с руководством вооруженных сил, чтобы поддерживать прочные связи с обеими сторонами.

К настоящему времени Япония установила тесные экономические отношения с Мьянмой. Японское правительство оказало помощь стране в виде займов и иен на общую сумму почти 100 млрд иен (961 млн долл.). По данным Японской организации внешней торговли (JETRO), число действующих в Мьянме японских компаний возросло с 53 в 2012 г. до 433 в декабре 2020 г.¹⁸

Япония согласилась принять участие в масштабном проекте промышленного развития в Мьянме – Особой экономической зоне (ОЭЗ) Давей. На это решение повлияло активное участие Китая в развитии инфраструктуры в регионе реки Меконг, который также включает Таиланд, Вьетнам, Камбоджу и Лаос. Японское правительство в июле 2015 г. подписало в Токио меморандум о намерениях по участию в проекте с Мьянмой и Таиландом. Две страны Юго-Восточной Азии призывали Японию присоединиться к проекту создания ОЭЗ Давей с 2012 г. Проект предусматривает строительство промышленного парка с глубоководным портом, доменными печами, нефтеперерабатывающими заводами и хранилищами сжиженного природного газа. Это один из крупнейших проектов промышленного развития в Юго-Восточной Азии¹⁹.

Планы предусматривают, что японское правительство окажет также содействие в строительстве участка автомагистрали, которая должна соединить Таиланд с указанной экономической зоной на побережье Индийского океана. Ожидалось, что ОЭЗ Давей и автомагистраль помогут Мьянме стать транзитным пунктом для товаров из Юго-Восточной Азии в Индию, на Ближний Восток и в Африку, а также для товаров в обратном направлении. Зона расположена примерно в 300 км к западу от Бангкока, а промышленный комплекс по завершении должен иметь общую площадь около 200 кв. км. Согласно данным Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, строительство необходимой

¹⁸ 'Friendly' Japan eyes stepping in to help resolve Myanmar crisis // Asahi Shimbun. February 2, 2021. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14156526> (дата обращения: 03.06.2023).

¹⁹ Motokazu Matsui. Japan tries to check China with Dawei development project // Nikkei Asia. July 7, 2015. <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-tries-to-check-China-with-Dawei-development-project> (дата обращения: 08.06.2023).

инфраструктуры для ОЭЗ Давей должно было обойтись в сумму более чем в 800 млрд иен (6,52 млрд долл.)²⁰.

Особая экономическая зона Тилава является другим показательным примером японских инвестиций в Мьянме. Ведущие торговые дома, такие как Sumitomo Corp., Mitsubishi Corp. и Marubeni Corp., открыли свои представительства в этой ОЭЗ на окраине Янгона, крупнейшего города страны. В 2021 г. ожидалось, что Toyota Motor Corp. откроет в ОЭЗ Тилава свой первый завод по сборке автомобилей. Электросеть, порт и дороги там финансировались за счет правительственных кредитов в иенах, а оператор Myanma Japan Thilawa Development (MJTD) на 49% принадлежит японским компаниям, включая вышеуказанные торговые дома. Около половины из примерно 100 компаний, работающих в ОЭЗ Тилава, принадлежат Японии²¹.

Только в 2018–2019 гг. особые экономические зоны в Мьянме получили иностранные инвестиции на сумму 362,28 млн долл. Всего до 2019 г. 106 компаний из 18 стран и четыре местных предприятия инвестировали в эти зоны 1,84 млрд долл. Япония возглавила список иностранных инвесторов в 2018 г. с более чем 36% от общего объема инвестиций²².

Наряду с частными капиталовложениями своих фирм Япония до недавнего времени активно предоставляла Мьянме кредиты в иенах не только на развитие инфраструктуры, но и на другие цели. Так, в 2020 г. Япония и Мьянма подписали соглашение о предоставлении кредитов под низкие проценты на сумму 414 млн долл. (42,78 млрд иен) на строительство инфраструктуры и развитие малого и среднего бизнеса в Мьянме. 268 млн долл. (27,78 млрд иен) из этих кредитов будут использованы для проекта строительства моста на дороге в рамках экономического коридора Восток – Запад, – маршрута, который пересекает Мьянму, Таиланд, Лаос и Вьетнам. Проект предполагает строительство моста на дороге, соединяющей города Баго и Чайтхо к северо-востоку от Янгона. Это должно значительно повысить эффективность сектора логистики Мьянмы, особенно в свете того, что Таиланд является крупнейшим торговым партнером Мьянмы, и объем торговли с ним, как ожидается, продолжит расти. Максимальная сумма кредита для финансирования предприятий малого и среднего бизнеса в Мьянме составляет 144 млн долл. (15 млрд иен), что позволит им иметь достаточно средств для стабилизации своего бизнеса и расширения операций. Срок погашения составит 40 лет с 10-летним льготным периодом²³.

Мьянма и Япония подписали также четыре кредитных соглашения на сумму около 1,1 млрд долл. США (120,915 млрд иен или 1,61 триллиона кьятов) для финансирования проектов в области канализации, городского развития, распределения электроэнергии и улучшения инфраструктуры в семи регионах и штатах Мьянмы²⁴.

²⁰ Japan to help develop Myanmar economic zone // Nikkei Asia. June 21, 2015. <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-to-help-develop-Myanmar-economic-zone> (дата обращения: 04.07.2023).

²¹ Farewell, Myanmar: Corporate exodus grows, from Europe to India // Nikkei Asia. October 30, 2021. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Farewell-Myanmar-Corporate-exodus-grows-from-Europe-to-India> (дата обращения: 07.06.2022).

²² Japan agrees 43 billion yen in loans to Myanmar for infrastructure // Pinsent Masons. November 17, 2020. <https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/japan-agrees-43-billion-yen-in-loans-to-myanmar-for-infrastructure> (дата обращения: 02.07.2023).

²³ Farewell, Myanmar: Corporate exodus grows, from Europe to India // Nikkei Asia. October 30, 2021. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Farewell-Myanmar-Corporate-exodus-grows-from-Europe-to-India> (дата обращения: 07.06.2022).

²⁴ Japan to Provide Over \$1 Billion in Loans to Myanmar for Development Projects // The Irrawaddy. January 22, 2020. <https://www.irrawaddy.com/news/burma/japan-provide-1-billion-loans-myanmar-development-projects.html> (дата обращения: 02.07.2023).

Переворот не помеха

По данным Управления инвестиций Мьянмы, на конец сентября 2022 г. в Мьянме насчитывалось в общей сложности 1873 проекта с иностранными инвестициями²⁵. После переворота 2021 г. многие компании, особенно европейские и американские, начали покидать Мьянму. На их место пришли в основном компании из Китая и Таиланда. В период с февраля 2021 г., когда военные захватили власть в стране, по март 2023 г., по данным Института стратегии и политики Мьянмы, частного аналитического центра, Мьянма одобрила прямые иностранные инвестиции в размере 5,4 млрд долл. На долю Китая, включая Гонконг, пришлось 55%, или 3 млрд долл.²⁶

В отличие от западных компаний японские фирмы в целом не спешили закрывать свой бизнес в стране. Согласно отчету JETRO, опубликованному в декабре 2021 г., около 70% японских компаний, инвестирующих в Мьянму, собирались либо сохранить, либо расширить свою деятельность в стране через год или два, несмотря на серьезный удар по ее экономике в результате военного переворота и пандемии коронавируса. В отчете цитируется опрос JETRO, в котором говорится, что 52,3% компаний сохраняют свой текущий уровень операций в Мьянме и 13,5% расширяют их, в то время как 27,5% сократят свой бизнес в стране, а 6,7% ее покинут или перенесут свои операции в третью страну. Согласно опросу JETRO, 63,6% респондентов ожидали, что их операционная прибыль в 2021 г. снизится по сравнению с предыдущим годом, в то время как 27,8% прогнозировали, что они сохраняют тот же уровень прибыли. По состоянию на конец июня 2021 г., в Мьянму инвестировали в общей сложности 433 японские компании. На вопрос «почему они будут сокращать, перемещать или выводить свои операции из Мьянмы», 68,4% респондентов сослались на снижение продаж, а 50,9% – на низкий экономический рост и потенциал страны. Некоторые указывали на ухудшение условий ведения бизнеса, вызванное нестабильной политической ситуацией и неопределенностью в отношении будущего страны²⁷.

И все же под давлением зарубежных государств, выступающих против военного режима Мьянмы, а также с учетом общественного мнения внутри страны, Токио вынужден в определенной степени сворачивать экономическое сотрудничество с Мьянмой. Так, Япония прекратила предоставление ОПР для ключевого железнодорожного проекта в Мьянме, который последние 10 лет был символом сотрудничества между двумя странами²⁸. Проект включает 620 км железной дороги, соединяющей Янгон, крупнейший город Мьянмы, и Мандалай, второй по величине город, в центральной части страны. В 2013 г. началось технико-экономическое обоснование модернизации железнодорожной сети, а в 2018 г. проект был запущен. Япония достигла соглашения с правительством Мьянмы о предоставлении займов в иенах на сумму 142,2 млрд иен (1 млрд долл.) для реализации проекта к 2020 г. Токио был готов предоставить больше финансирования в виде займов в иенах по мере возникновения потребностей примерно до 2024 г., когда проект планировалось завершить. Однако в ноябре 2022 г. Япония проинформировала военных Мьянмы о том, что она пересмотрит проект и приостановила

²⁵ Farewell, Myanmar: Corporate exodus grows, from Europe to India // Nikkei Asia. October 30, 2021. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Farewell-Myanmar-Corporate-exodus-grows-from-Europe-to-India> (дата обращения: 07.06.2022).

²⁶ In Myanmar, Chinese and Thai companies fill economic vacuum // Nikkei Asia. September 10, 2023. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/In-Myanmar-Chinese-and-Thai-companies-fill-economic-vacuum> (дата обращения: 12.09.2023).

²⁷ 70 % of Japanese firms to keep or expand business in Myanmar even after coup // Japan Times. January 10, 2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/01/10/business/myanmar-japan-business-outlook/> (дата обращения: 23.08.2023).

²⁸ Japan yanking ODA for key project as part of Myanmar protest. Asahi Shimbun. May 31, 2023. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14921224> (дата обращения: 02.06.2023).

выдачу стране новых займов в иенах. В уведомлении Мьянме указано, что Япония не подпишет новый контракт о предоставлении стране дополнительных кредитов даже для существующего проекта, который начался до переворота. Считается, что завершено только около четверти проекта. Ожидается, что Япония может пересмотреть и другие крупные проекты ОПР для страны в знак протеста против продолжающегося военного правления в Мьянме²⁹.

Следует отметить, что после военного переворота японские фирмы, действующие в Мьянме, столкнулись с проблемами, вызванными новыми правилами ведения бизнеса в стране. Так, Suzuki, один из первых автопроизводителей, открывших сборочные заводы в Мьянме, была вынуждена приостановить там производство из-за трудностей с обменом своих доходов в кьятах на доллары. Suzuki приостановила производство автомобилей на двух заводах в Мьянме 1 июля 2022 г. из-за невозможности импортировать необходимые запчасти в связи с тем, что военное правительство установило квоты на получение валюты для иностранных компаний³⁰.

Через несколько дней после переворота одна из ведущих японских пивоваренных компаний Kirin Holdings Co. заявила, что разорвет деловые связи с военными, обвинив хунту в действиях, «противоречащих» ее принципам в области прав человека. Kirin владела контрольным пакетом акций Myanmar Brewery Limited в партнерстве с Мьянманской экономической корпорацией (МЕНЛ), контролируемой военными. МЕНЛ имеет бизнес в таких разнообразных отраслях, как производство пива, табака, текстиля, транспорт, туризм и банковское дело. Указанная компания контролировала 80% рынка пива в Мьянме. Бизнес Kirin в Мьянме принес 32,6 млрд иен (309 млн долл.) дохода в 2019 фин. г.

Однако некоторые японские компании продолжили открыто сотрудничать с военным режимом Мьянмы. Так, в 2022 г. компания Yokogawa Bridge Corp. перевела более 1 млн долл. Мьянманской экономической корпорации для проекта строительства моста через реку Баго в Янгоне. Кроме того, с июля по ноябрь компания предоставила указанной корпорации еще около 1,3 млн долл. на те же цели. Этот пример сотрудничества показывает, что отсутствие строгих санкций позволяет частным японским корпорациям поддерживать военный режим в Мьянме³¹. В целом, по состоянию на сентябрь 2023 г., большинство из 433 японских предприятий, которые пришли в страну, все еще оставались в ней, ожидая, что стабилизация ситуации приведет к росту внутреннего рынка Мьянмы³².

Заключение

Начиная с середины прошлого века Мьянма (тогдашняя Бирма) как страна, богатая природными и людскими ресурсами и занимающая важное геополитическое положение в Юго-Восточной Азии, всегда была в фокусе внешнеполитической и экономической стратегии Японии. Попытки Токио подчинить ее себе во время японской агрессии в Азии во время

²⁹ Japan yanking ODA for key project as part of Myanmar protest. // Asahi Shimbun. May 31, 2023. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14921224> (дата обращения: 02.06.2023).

³⁰ Suzuki halts Myanmar assembly, stymied by foreign currency curbs // Nikkei Asia. July 8, 2022. <https://asia.nikkei.com/Business/Automobiles/Suzuki-halts-Myanmar-assembly-stymied-by-foreign-currency-curbs> (дата обращения: 25.07.2023).

³¹ Robert Bociaga. Myanmar is a country between chaos and hopelessness // Japan Times. January 31, 2023. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2023/01/31/commentary/world-commentary/myanmar-civil-war-2/> (дата обращения: 10.08.2023).

³² In Myanmar, Chinese and Thai companies fill economic vacuum // Nikkei Asia. September 10, 2023. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/In-Myanmar-Chinese-and-Thai-companies-fill-economic-vacuum> (дата обращения: 12.09.2023).

Второй мировой войны, как и сама агрессия, закончились провалом. Однако связи Японии с вооруженными силами Бирмы, созданными во время войны при японском содействии, сохранились на многие послевоенные десятилетия и до сих пор являются важным фактором, предопределившим особые отношения Японии с Мьянмой. В настоящее время они позволяют поддерживать «сбалансированные отношения» Японии с Мьянмой практически при всех правящих режимах в этой ключевой стране Юго-Восточной Азии. Этому не мешает то обстоятельство, что зачастую подходы Токио к Мьянме вступают в противоречие с позициями других стиран Запада и вызывают критику со стороны не только этих стран и различных международных организаций, но и внутри самой Японии.

Гибкая политика Токио в отношении Мьянмы, пытающегося играть роль «моста» между военными правителями Мьянмы и странами Запада, дает Японии возможность успешно конкурировать с другими ведущими международными акторами в той геополитической борьбе за Мьянму, которая разворачивается вокруг нее в последние годы. В самой Японии на протяжении многих десятилетий действует мощное промьянманское лобби, олицетворением которого является Ассоциация Япония-Мьянма. Благодаря действиям этого лобби, а также так называемым «особым отношениям» с Мьянмой Япония стала крупнейшим в мире донором помощи этой стране и одним из ведущих иностранных инвесторов в ее экономику.

Для Японии, одного из наиболее крупных бенефициаров политической и экономической либерализации Мьянмы, государственный переворот 1 февраля 2021 г. вызвал ряд серьезных экономических и внешнеполитических проблем и затруднений. Первоначальная реакция Японии на переворот в значительной степени отражала внешнеполитический подход, который она применяла к военным режимам в Мьянме в прошлом. Он заключается в некотором вербальном дистанцировании от пришедшего к власти военного режима, но поддержании с ним связей на неофициальном уровне, а также в отказе от введения экономических санкций против него. Япония приостановила предоставление Мьянме новой Официальной помощи на цели развития, но продолжила выделение средств на ранее начатые проекты. Вместе с тем в результате критики как извне, так и внутри страны за двойные стандарты в политике в отношении Мьянмы Токио вынужден несколько корректировать свой курс в сторону ужесточения, о чем свидетельствует отказ от дальнейшего приема в свои военно-учебные заведения курсантов из Мьянмы.

Военный переворот 2021 г. способствовал определенным изменениям в деловой активности японских компаний, инвестировавших в экономику Мьянмы. Ряд компаний приостановил свой бизнес в стране, а некоторые полностью ушли из Мьянмы. Но, несмотря на то, что преобладающая часть американских и европейских компаний свернули свою деятельность в Мьянме, большинство японских фирм, не желая терять прибыльный бизнес, остались в стране, заняв выжидательную позицию в надежде на улучшение деловой конъюнктуры.

В настоящий момент трудно прогнозировать дальнейшее развитие внутривполитической ситуации в Мьянме, где фактически идет гражданская война, в связи с этническими и другими многочисленными проблемами страны. Однако можно полагать, что накопленный за многие десятилетия богатый опыт развития отношений Японии с Бирмой/Мьянмой, а также сохраняющиеся связи с военной верхушкой страны, позволят правительству Японии адаптировать свои внешнеполитические и экономические связи к Мьянме при любом властном режиме в ней. Аналогичным образом будут поступать и японские деловые круги, прочно укоренившиеся в значимой стране Юго-Восточной Азии и не желающие терять завоеванные в ней выгодные экономические позиции. Важнейшим фактором, побуждающим Японию действовать в этом ключе, являются опасения по поводу усиления политического и экономического влияния на Мьянму соседнего Китая, являющегося главным военно-политическим и экономическим соперником Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кистанов В.О. Мьянма – новый партнер Японии // Независимая газета, 18.02.2013. https://www.ng.ru/courier/2013-02-18/9_mnianma.html (дата обращения 01.09.2023).
- Парамонов О.Г. Земля девяти слонов – Мьянма до и после переворота // Международная жизнь. 25.02.2021. <https://interaffairs.ru/news/show/29206> (дата обращения 01.09.2023).

REFERENCES

- Kistanov, V.O. (2013, February 2). M'yanma – novyi partner Yaponii [Myanmar is Japan's New Partner]. *Nezavisimaya gazeta*. Retrieved from https://www.ng.ru/courier/2013-02-18/9_mnianma.html (In Russian).
- Paramonov, O. (2021, February 25). Zemlya devyati slonov – M'yanma do i posle perevorota [The Land of the Nine Elephants – Myanmar Before and After the Coup]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Retrieved February 25, 2023, from <https://interaffairs.ru/news/show/29206> (In Russian).
- * * *
- An unfinished peace. (2016, March 15). *The Economist*. Retrieved June 17, 2023, from <https://www.economist.com/graphic-detail/2016/03/15/an-unfinished-peace>
- Babovic A, Sopaj A. (2021, April 5). Japan's Approach to Myanmar: Diplomatic Leadership or Business as Usual? *Foreign Policy in Focus*. Retrieved July 2, 2023 from <https://fpif.org/japans-approach-to-myanmar-diplomatic-leadership-or-business-as-usual/>
- Baron, S. (2023, May). What the Myanmar Coup Means for Japan: Implications for Foreign Policy & International Business. *Research Center for Sustainable Peace, University of Tokyo*. Retrieved July 10, 2023, from <http://pigeon-web.s3.amazonaws.com/labby/froala/Y2xpZW50-84-64ab5abb5508f.pdf>
- Diplomatic Bluebook 2022*. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Retrieved July 22, 2023 from <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2022/pdf/pdfs/2-2.pdf>
- Hein, Y.M. and Myers, L. (2023, June 19). Is Myanmar the Frontline of a New Cold War? *Foreign Affairs*. Retrieved June 19, 2023, from <https://www.foreignaffairs.com/burma-myanmar/new-cold-war-hein-myers>
- Linder, B. (2021, June 12). New Great Game rages in post-coup Myanmar. *Asia Times*. Retrieved April 5, 2023, from https://asiatimes.com/2021/06/new-great-game-rages-in-post-coup-myanmar/?mc_cid=c7a0b134c5&mc_eid=ce225e5aad
- Patton, S. (2023). What's next for sanctions on Myanmar? *East Asia Forum Quaterly*, 15 (2), April–June 2023. Retrieved June 18, 2023 from <https://www.eastasiaforum.org/2023/06/22/whats-next-for-sanctions-on-myanmar/>

Поступила в редакцию: 22.09.2023

Received: 22 September 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023

DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-133-139

**Феномен природной среды обитания человека
сквозь призму истории и культуры:
монография А.Н. Мещерякова
«Terra Nipponica:
среда обитания и среда воображения»**

Е.М. Османов

Аннотация. В монографии А.Н. Мещерякова «Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения» основной акцент сделан на описании восприятия японцами окружающей их природной среды обитания. Анализируя большое количество источников разных исторических эпох, автор впервые в мировой японистике попытался рассмотреть эволюцию взглядов японцев на природу на протяжении всей истории Страны восходящего солнца. В центре внимания работы – анализ окружающей среды, ее размера и качества, а также – попытка проследить влияние различных природных катаклизмов на формирование картины мира. Кроме того, в монографии рассмотрены различные модели природы, нашедшие свое отражение в поэзии, садах, философских трактатах, публицистике. Значительное внимание уделено такому аспекту, как рассмотрение природы в качестве средства самоидентификации японцев.

Ключевые слова: природная среда обитания японцев, природа в жизни японцев, сады, природа и национальный характер, природные катастрофы, природа и поэзия.

Автор: Османов Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, доцент Кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки, Восточный факультет, Санкт-Петербургский Государственный Университет (СПбГУ) (адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11); ORCID: 0000-0003-2520-5187. E-mail: osmanov1979@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Османов Е.М. Феномен природной среды обитания человека сквозь призму истории и культуры: монография А.Н.Мещерякова «Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения» // Японские исследования. 2023. № 4. С. 133–139. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-133-139

**The phenomenon of the human natural habitat
through the prism of history and culture:
Monograph “Terra Nipponica:
Habitat and Imagination Environment”
by Alexander Meshcheryakov**

E.M. Osmanov

Abstract. The monograph by A.N. Meshcheryakov “Terra Nipponica: Habitat and Environment of Imagination” focuses on the description of the Japanese people’s perception of their natural habitat. Analyzing a large number of sources from different historical eras, the author, for the first time in world Japanese studies, tried to consider the evolution of the Japanese views on nature throughout the history of the country. The focus of the work is the analysis of the environment, its size and quality, as well as an attempt to trace the influence of various natural disasters on the formation of a picture of the world. In addition, the monograph examines various models of nature, which are reflected in poetry, gardens, philosophical treatises, and journalism. Considerable attention is paid to the consideration of nature as a means of self-identification of the Japanese.

Keywords: Natural habitat of the Japanese, nature in the life of the Japanese, gardens, nature and national character, natural disasters, nature and poetry.

Author: *Osmanov Evgeny M.*, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University (SPbSU) (address: 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 11); ORCID: 0000-0003-2520-5187. E-mail: osmanov1979@mail.ru

For citation: Osmanov, E.M. (2023). Fenomen prirodnoi sredy obitaniya cheloveka skvoz’ prizmu istorii i kul’tury: monografiya A.N.Meshcheryakova «Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniya» [The phenomenon of the human natural habitat through the prism of history and culture: monograph “Terra Nipponica: Habitat and Imagination Environment” by Alexander Meshcheryakov]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2023, 4, 133–139. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-133-139

Если бы природа не была прекрасной,
она не стоила бы того, чтобы быть познанной,
жизнь не стоила бы того, чтобы быть прожитой.
(Пуанкаре)

В современном ритме жизни городского человека нередко его связь с природой становится неочевидной и незыблемая догма «человек – часть природы» теряет свое смысловое наполнение. По-прежнему многие руководствуются популярными в советскую эпоху лозунгами: «Человек – царь природы», «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». Современный человек, пользующийся всеми благами и достижениями цивилизации, не ощущает свою зависимость от окружающей среды и связь с нею, не осознает, что без природы, без использования ее ресурсов, он просто не сможет существовать физически. Природа всегда была и остается основой и источником жизни человека. Связь человека с природой не ограничивается только потреблением ее ресурсов. По отношению к человеку окружающий его мир выполняет ряд крайне важных функций, связанных с удовлетворением самых разнообразных потребностей, в числе которых экологическая, экономическая, эстетическая, рекреационная, научная, культурная.

Особую связь природы и человека можно проследить на примере Японии, где на протяжении многих столетий формировался свой особый тип взаимоотношений с окружающим миром. Главным отличием японского восприятия окружающей действительности является не столько решимость покорять природу, сколько стремление жить в согласии с ней. Это нашло отражение практически во всех сферах японского искусства, литературы, повседневной жизни.

Уже в период Яёй (III в. до н.э. – III в.) началось формирование синто, особенной частью традиции которого является поклонение природным объектам, за каждым из которых стоит свое божество-ками. Естественно, что, как и многие первобытные верования, синто – порождение обожествления природы. Но специфической особенностью этого обожествления был не страх перед непонятными человеку того времени природными явлениями, а, скорее, чувство восхищения и благодарности природе, которая чаще бывает щедрой и миролюбивой, нежели вспыльчивой и агрессивной. Можно уверенно сказать, что именно синто закладывает в душах японцев любовь к природе, умение наслаждаться ее самыми незначительными переменами и нюансами, которые зачастую ускользают от взгляда человека других культур.

Многие виды популярных и сегодня японских традиций и увлечений неразрывно связаны с природой. Это и традиционные искусства (бонсай, икэбана), любование природой (ханами, цукими), стремление сохранить первозданную красоту и сущность при изготовлении ремесленных изделий (фарфор, дерево), сохранить вид и вкусовые качества продукта при приготовлении.

Таким образом, далеко не случайно, что именно природа и ее отражение в культурной и исторической ретроспективе стала предметом рассмотрения в работе известнейшего японоведа А.Н. Мещерякова. Его монография представляет собой попытку реконструкции картины мира традиционной Японии и определения места, которое занимала в этом мире природная среда обитания. Все это, по меткому выражению автора, «дает возможность ощутить всю относительность нашего собственного бытия, умерить наш проповеднический пыл, смешаться с пылью истории».

Изложение материала в монографии идет в хронологическом порядке, хотя, вследствие оригинального авторского стиля письма, это не всегда очевидно. За довольно обширным введением, в котором автор рассматривает проблемы восприятия, приспособления и практического освоения японцами природного пространства, а также теоретическое осмысление ими природной среды обитания и ее моделирование, следуют четыре главы, каждая из которых отражает природные представления японцев в тот или иной исторический период.

Первая глава, «Большая страна из восьми островов», акцентирует внимание на этапе становления японской государственности и расцвета «государства законов». В этот период в японском обществе преобладали весьма оптимистичные настроения, что, естественно, отразилось и во взаимоотношении с природой, и в ее восприятии. Весьма оригинальные названия подразделов в полной мере отражают суть складывающейся картины мира. Создавая свое государство по образцу Китая, японцы переняли и китайскую модель мироустройства, поставив в центр мира, естественно, себя, а не Китай. Процесс освоения территории архипелага сопровождался установлением более глубоких отношений с природным окружением, что сказывалось не только в выборе наиболее благоприятных мест для поселения, но и в закреплении особой роли и статуса правителя. Император воспринимался как посредник между земными и небесными делами, на плечах которого лежала ответственность за баланс природных сил, «нормальное» течение природных и социальных процессов. Это в полной мере выразилось в разработке различных ритуалов в синтоистских святилищах и буддийских храмах, призванных восстановить природный баланс после какой-либо природной катастрофы (наводнение, засуха, землетрясение). Связка «государь – природа» образовывала в сознании

древних японцев нерасторжимую пару. Описание природных аномалий – это порицание власти, похвала природе – это похвала государю (с. 84). Цели ассоциации образа государя в сознании подданных с благоприятными природными явлениями служило и воспевание природы, в основном в поэтической форме. Для этого устраивались поэтические турниры, ведущим элементом которых была именно природная тематика. Отражение этого можно увидеть в т. н. императорских антологиях, значительное место отводивших стихам природного цикла, с соблюдением сезонной очередности (разнесение по рубрикам в соответствии с временами года). Завершающий раздел данной главы посвящен вопросу «приручения» пространства, что нашло отражение в создании миниатюрных копий дикой природы – разбивке садов, основными элементами которых являлись вода, камень, растительность. С одной стороны, сад – модель идеального пространства, его действующий «макет», он репрезентирует это пространство (с. 118), а с другой стороны – прочно изолирует и защищает человека от дикой и опасной природы. Поэтому неслучайно, что присущая современным садам функция любования природой изначально не была основополагающей. Основная задача сада – организовать пространство в соответствии с принципами геомантии, что вселяет чувство безопасности, умиротворенности и спокойствия.

Следующая глава монографии – «Страна островов с просяное зернышко» – посвящена восприятию природы в исторический период, когда на смену оптимистическому взгляду на средообитания приходят пессимистические настроения, вызванные крахом централизованного государства и началом кровавых междоусобиц. И сама территория Японии и окружающая японцев природа и природные явления начинают восприниматься весьма негативно. В этот период государь утрачивает контроль как за временем, так и за пространством своей страны. На авансцену выходят природные бедствия (землетрясения, ураганы, засуха), что, следуя сложившейся японской логике мировосприятия, означало крах всей системы. Территория Японии начинает восприниматься как крошечные и плохо приспособленные для жизни островки, удаленные от центров цивилизации, разрозненные, не подчиняющиеся центру. Автор отмечает, что «если раньше случавшиеся природные бедствия непременно вызывали ответную реакцию центральной власти (как практическую, так и ритуальную), то теперь это наблюдается в гораздо меньшей степени – уже со второй половины X в. видно, что помощь пострадавшим со стороны властей оказывается все реже и реже» (с. 155). В ситуации, когда возможности по контролю над страной значительно сократились, перестали составляться как официальные хроники, так и императорские поэтические антологии, по мере ослабления власти страна все больше сжималась в плане возможностей контроля за пространством. Сохранившиеся дневники отражают ужас авторов перед будущим, постоянным ожиданием ухудшения ситуации. Ожидание «конца света», который неизбежно должен постигнуть Японию, коррелировало с незавидными географическими характеристиками крошечности и уязвимости страны. Таким образом, пессимистическое отношение к устоям государства находило свое отражение и в оценке среды обитания, сказывалось на восприятии размеров страны и ее географического положения. Однако такой пессимизм не был всеохватывающим, имелось немало и сторонников более оптимистической позиции. Для части общества крошечная Япония была идеальным буддийским пространством, а с позиции синто – страной божеств, находящейся под их надежной защитой. Как полагали люди той поры, при условии отправления соответствующих ритуалов синтоистские божества способны изгонять скверну. На этом фоне полноценным элементом бытия выступала поэзия, предоставляющая возможность для полноценного любования природой. Но хотя стихи по-прежнему являлись средством для приведения среды обитания в гармоничное состояние и в них доминировала природно-сезонная особенность, они закрепляли характерную тенденцию – сужение осваиваемого пространства, сокращение географического разнообразия. Определенные изменения происходят в устройстве и семантике садов, которые, вследствие кризиса

государства и фрагментации общества, когда интересы коллективные были потеснены интересами личными, стали восприниматься в контексте амидаистских верований как модель рая. В то же самое время неизменной осталась главная функция сада – создание модели идеальной природной среды, безопасной для человека и благоволящей ему. В этом ключе сад воспринимался как идеальная среда обитания, моделирующая идеальную природу. Японская культура в значительной степени выстраивала себя через садово-растительный код. С помощью этого кода описывается и мироздание, и жизнь отдельного человека (с. 217). Сооружение земной копии рая в виде сада считалось делом, угодным буддам. Поэтому задача садовника заключалась в том, чтобы создать именно такое замкнутое пространство, которое воплощало бы идеальные представления о среде обитания и отражало весь цикл смены времен года. С одной стороны, люди находили в изменчивости красоту, а с другой – ощущали непостоянство этого мира.

Акцент третьей главы сделан на восприятии окружающей среды в эпоху Токугава (1603–1867). На этом этапе японской истории, когда в стране снова воцаряется мир и порядок, происходят и изменения в трактовке среды обитания, японские острова вновь начинают восприниматься как достаточно обширные и обладающие благоприятными природными характеристиками. Ослабление главенствующей роли буддизма и принятие в качестве официальной идеологии неоконфуцианства, стремление создать подобие императорской столицы Киото в новой столице Бакуфу, городе Эдо, изменение стиля и ритма жизни, сознательный переход к политике самоизоляции – все это отражается на восприятии окружающей действительности. В этот период Япония позиционируется как страна счастья и благоденствия, а задача мудрого правителя заключается в том, чтобы, используя и учитывая природные свойства людей, обратить их на улучшение этой природности. Восхваление своей страны и негативное отношение к другим странам стало важной составляющей исторического и политического дискурсов периода Эдо. Во главу угла этих рассуждений известные мыслители (Хирата Ацутанэ, Мотоори Норинага, Кумадзава Бандзан, Нисикава Дзёкэн) ставили тезис, что превосходство Японии над другими странами обусловлено божественным происхождением страны. Автор убедительно указывает, что «реанимация конфуцианской картины мира, в которой актуализирована прямая связь между природными условиями и жизнью государства (общества), означала возрождение тех взглядов на природу и общество, для которых характерен крайний географический детерминизм – убеждение в существовании прямой корреляции между природной средой обитания и «качеством» людей, населяющих эту землю» (с. 247). Распространение тезиса о «божественности» Японии с ее уникальными особенностями приводят к высокой оценке и ее отдельных природных объектов, которая в эту эпоху приобретает гиперболы. формы.

Отражением этого стало увеличение числа паломников в «знаменитые места» (мэйсё), список которых также значительно расширился, а воспевание их красоты приняло повальный характер. Отдельно стоит сказать и об увеличении роли священной горы Фудзи, которая стала выступать в качестве доказательства непревзойденных качеств японской земли. В оптимистичных взглядах эпохи Токугава возвеличивались не только природные особенности Японии, но и жизнь ее обитателей. Акцент сместился на радости земного бытия, человеческая жизнь перестает пониматься как юдоль печали. Источником радости стала именно природа, цветы и луна сделались эквивалентом изящного. В стихосложении появился новый жанр – хайку, значительно расширивший перечень объектов, отображаемых в поэзии, в которую прочно вошел быт. Описываемый период также характеризуется широчайшим развитием садово-паркового искусства. И если раньше сад выступал в качестве защиты от агрессивной и опасной дикой природы, сады нового времени стали воплощением радостного и жизнеутверждающего мирозерцания. Автор монографии акцентирует внимание, на том, что «если оценивать в целом восприятие природной среды обитания в период Токугава, то следует признать, что

она характеризовалась в качестве чрезвычайно благоприятной для проживания – как с точки зрения положения в мире, так и с точки зрения изобильности и климата. Считалось, что эти благоприятные условия порождали «несравненный» тип государства, общества, человека, морали. Связка «земля – люди» осмыслялась как однозначная и жесткая, она обеспечивала условия для оптимистического восприятия жизни и была хорошо приспособлена для автаркического существования» (с. 273).

Заключительная глава монографии начинается с периода Мэйдзи (1868–1912), в начальный период которого господствовали пессимистические настроения, связанные с осознанием бессилия Японии перед мощью Запада, что нашло отражение в восприятии Японии вновь как крошечной островной страны. Однако по мере продвижения успешных реформ и роста военного потенциала Японии, Страна восходящего солнца начинает позиционировать себя как многонациональную державу, земля и климат которой являются самыми благодатными в мире. Именно в период Мэйдзи происходит переосмысление всего предыдущего исторического и культурного опыта Японии, а сам император, отказавшись от ответственности за поведение природы, по-прежнему оставался «хозяином времени». Но, как справедливо подчеркивает автор, это было уже не столько время циклическое (времена года), сколько время линейное (с. 304). Поведение природы начинает восприниматься как автономное от поведения человека, а возникающие природные катаклизмы объясняются не «волей неба», а реальными научными выкладками. Тем не менее, хотя император не брал на себя ответственность за природу, его подданные, для которых он являлся живым олицетворением жизнепомогающих природных сил, по инерции все равно соотносили его с ней. В период Мэйдзи Япония, стремясь встать в один ряд с ведущими державами того времени, приступает к проведению колониальной внешней политики, расширению «крошечной» территории. На этом пути море, которое в предыдущий период служило естественным барьером, защищавшим Японию от внешнего влияния, стало восприниматься как важнейшая среда для коммуникации, дающая возможность выхода на материк.

Вступив в гонку с Западом, Япония, ощущая свою научно-техническую отсталость, сделала упор на природу, которая вызывала восхищение европейцев. Нельзя не согласиться с автором, отмечающим: «Природа Японии производила на европейцев глубокое впечатление, и японцы, почувствовав облегчение, приступили к осуществлению национального проекта под названием «Природа Японии». Он предназначался прежде всего для самих японцев: они остро нуждались в предмете гордости, который мог бы избавить их от комплекса неполноценности и поднять настроение. Кроме того, природа много значила в деле достижения национального консенсуса. И если политические идеи и лидеры служили предметом для ожесточенных споров, то природу любили все японцы. Это был беспроигрышный вариант» (с. 334). Описанию природы Японии и ее уникальности посвящена тщательно проанализированная автором работа Сига Сигэтакэ «Японский ландшафт», получившая огромную популярность в Японии на рубеже XIX–XX вв. Широко распространенная среди японцев сегодня идея, что они обладают особой цветочувствительностью, имеет истоком именно книгу Сига Сигэтакэ. Следуя новой традиции, малые культуроформы моделирования природной среды отходят на второй план, а на авансцену выходят крупные природные объекты. В основе труда Сига лежал традиционный для Японии географический детерминизм: земля Японии прекрасна, а потому ее ожидает блистательное будущее. По мере усиления Японии и умножения ее военных побед, а особенно после присоединения Кореи, японцы окончательно перестали смотреть на свою страну как маленькую и ущербную. Япония превращалась в вышедшую на материк империю и всячески старалась найти и приспособить для себя характерные атрибуты империй. Особое значение в этот период приобрела полемика относительно этногенеза японцев и полиэтничности населения, о чем, опираясь на материалы японских школьных учебников по истории, автор монографии говорит достаточно подробно и убедительно.

В то же время быстро меняющиеся реалии жизни требовали и скорейшей адаптации традиционной японской культуры, которая была слабо приспособлена для новой концепции развертывающегося пространства. Японцы, которые ранее уделяли первостепенное внимание малому, теперь должны были переориентироваться на большие проекты, требующие большого пространства. Одним из примеров такого рода автор справедливо называет изменение подхода к традиционному садовому искусству. Появляются сады нового типа, ведущая роль в их создании принадлежит государству. Сад-парк являл теперь собой не столько модель идеальной природы, сколько модель империи, продукта целиком антропогенного. Одним из примеров такого общественного парка автор называет Уэно, который стал центром проведения японских промышленных выставок. Таким образом, «сад превращался в пространство, которое государство «метило» всеми доступными для него способами. С помощью этих меток оно внедряло в сознание подданных важные для его функционирования ценности, формировало новую картину мира, превращало сад в хранилище многочисленных достопримечательностей («мэйсё»), не имевших отношения к собственно природе» (с. 403). В новую эпоху неотъемлемыми чертами восприятия природы Японии стали ее многообразие и богатство, во главу угла стал ставиться концепт – «уникально красивая и многообразная земля – уникально чувствительные люди – удивительно тонкое искусство».

Таким образом, в представленной монографии прослеживается весь исторически путь взаимодействия японцев с окружающей средой, перипетии ее восприятия и попытки приспособления под собственные нужды. Книга представляет собой весьма ценное исследование, не только позволяет читателю взглянуть на прошлое, но и дает понимание отношения к окружающему пространству современных жителей японских островов, где, все чаще и чаще можно услышать не только дифирамбы природе Японии, но и призывы к ее антропогенному улучшению. В современном урбанистическом обществе человек во многом утрачивает свой контакт с природой, она уже почти не оказывает влияния на его повседневную жизнь. Тем не менее, даже в новых жизненных условиях японцы стремятся продемонстрировать свою неразрывную историческую связь с природой.

Невозможно не согласиться с автором, пишущим в завершении монографии, что «призывы создать страну-сад находят отклик в душе любого человека. Однако реалии жизни безжалостны. С токийской телебашни мы наблюдаем бескрайний город с редкими пятнышками зелени. Если это и сад, то сад бетона. И только развитое поэтическое воображение может увидеть за нагромождением небоскребов традиционный сад камней» (с. 441).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения / Александр Мещеряков. 2-е изд., испр. Москва: Лингвистика. 2022. 443 с. ISBN 978-5-91922-113-5.

REFERENCES

Mescheryakov A. (2022) Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniya [Terra Nipponica: Living Environment and the Environment of Imagination]. Moscow: Lingvistika. (In Russian). ISBN 978-5-91922-113-5.

Поступила в редакцию: 12.05.2023

Received: 12 May 2023

Принята к публикации: 16.10.2023

Accepted: 16 October 2023

**Библиографический перечень публикаций
в журнале «Японские исследования»
за 2023 год**

- Elmacı Н.** Underrepresentation of women in politics in Japan: Continuing the weak voice in parliament [Недостаточная представленность женщин в политике в Японии: сохранение слабости «женского» голоса в парламенте] // Японские исследования. 2023. No 2. С. 41–56. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-41-56
- Баженова Ж.М., Горячева Е.А.** Нерешенные проблемы Окинавы: к пятидесятилетию возвращения префектуры в состав Японии // Японские исследования. 2023. No 2. С. 73–86. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-73-86
- Белозеров В.В.** Выставки японского детского рисунка в СССР: рисуя Японию, показывая мир // Японские исследования. 2023. No 1. С. 27–45. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-27-45
- Борькина А.Ю.** Понять себя и другого: метаморфоза и поиск утраченной идентичности в прозе Каваками Хироми // Японские исследования. 2023. No 3. С. 6–16. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-6-16
- Гончар В.В., Поволоцкий В.Д.** Японское зубоврачевание и его представители на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // Японские исследования. 2023. No 2. С. 6–17. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-6-17
- Дёмина О.В., Мазитова М.Г.** Роль Японии на формирующемся глобальном рынке водорода // Японские исследования. 2023. № 4. С. 65–80. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-65-80
- Добринская О.А.** Взгляд за кулисы японской внешней политики. Рецензия на монографию В.В. Нелидова «Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии» // Японские исследования. 2023. No 2. С. 129–132. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-129-132
- Дьяконова Е.М.** Комедия положений, характеров, нравов. Рецензия на перевод книги Дзиппэнса Икку «На своих двоих по такту Токайдо» // Японские исследования. 2023. No 1. С. 130–135. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-130-135
- Жилина Л.В.** The changes in perceptions and attitude of Japanese and Russian students towards the neighboring country (comparison of polls from 2007, 2012, and 2021) [Изменение в восприятии и отношении японских и российских студентов к стране-соседу (сравнение опросов 2007–2012–2021 гг.)] // Японские исследования. 2023. No 1. С. 6–26. (На англ.). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-6-26
- Захаров В.В., Тимофеева Т.Ю.** Открывая новые страницы истории: донесения германских военных атташе из Японии в 1937–1941 гг. // Японские исследования. 2023. No 2. С. 87–104. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-87-104
- Кистанов В.О.** Отношения Японии с Мьянмой: тонкая политика или просто бизнес? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 117–132. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-117-132
- Климова О.В.** Переводчики с айнского языка на землях Эдзо в XVII–XVIII вв. (по японским источникам) // Японские исследования. 2023. № 4. С. 53–64. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-53-64
- Лебедева И.П.** Социально-экономическое измерение старения населения Японии // Японские исследования. 2023. № 4. С. 94–116. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-94-116
- Лугавцова А.П.** Буддийская кухня *футя рё:ри* в Японии: от традиционной кулинарии китайских монахов О:баку-дзэн до наших дней // Японские исследования. 2023. No 2. С. 57–72. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-57-72

- Луговской А.В., Пестушко Ю.С., Савелова Е.В. Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 49–62. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62
- Мещеряков А.Н. Продолжительность жизни в Японии (XVII – первая половина XX в.) // Японские исследования. 2023. № 1. С. 46–58. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-46-58
- Мозебах В.А. Особенности японской дипломатической службы на современном этапе // Японские исследования. 2023. № 4. С. 33–52. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-33-52
- Морозова В.С., Реунова В.А. Социокультурные особенности потребительского поведения японской молодежи: от традиционной парадигмы к современным трендам // Японские исследования. 2023. № 4. С. 81–93. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-81-93
- Овчаров А.О. Финансовые кризисы и финансовое заражение в Японии // Японские исследования. 2023. № 1. С. 59–79. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-59-79
- Османов Е.М. Феномен природной среды обитания человека сквозь призму истории и культуры: монография А.Н.Мещерякова «Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения» // Японские исследования. 2023. № 4. С. 133–139. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-133-139
- Паксютов Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 6–17. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17
- Перминова В.А. Колониальное развитие Тайваня глазами современных японских исследователей (на примере книги Т. Ватанабэ «Мэйдзийские японцы, создавшие современный Тайвань»). Рецензия на: Watanabe T. The Meiji Japanese who made modern Taiwan. Translated by Robert D. Eldridge. Lanham ML: Lexington Books, 2022. 168 p. // Японские исследования. 2023. № 3. С. 103–111. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-103-111
- Сахарова Е.Б. Внешние связи Японии с Китаем и Кореей в эпоху Муромати // Японские исследования. 2023. № 4. С. 18–32. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-18-32
- Серебрякова С.Г., Османов Е.М. Вопросы размещения японских пленных в России во время русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 63–75. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-63-75
- Стрельцов Д.В., Нака К.О., Нелидов В.В., Саркисов К.О., Добровольский В.Н., Лебедева И.П., Романова И.А. Круглый стол «Церковь объединения в Японии как социокультурный и политический феномен» // Японские исследования. 2023. № 1. С. 111–129. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-111-129
- Суслов А.В. Истоки архаической японской поэзии: «длинная песнь» (*нагаута* / *тё:ка*) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 17–33. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-17-33
- Тимонина И.Л. Проблемы реформирования корпоративного управления в контексте новой стратегии социально-экономического развития Японии // Японские исследования. 2023. № 2. С. 105–128. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-105-128
- Торопыгина М.В. «Полное собрание мировой литературы» («Сэкай бунгаку дзэнсю», 1927–1932) издательства «Синтёся» в контексте истории японской книги // Японские исследования. 2023. № 1. С. 94–110. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-94-110
- Трубникова Н.Н. «Бессмертные» и бессмертие: соединение буддийской и даосской традиций в «Собрании стародавних повестей» // Японские исследования. 2023. № 3. С. 34–48. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-34-48
- Трунов Ф.О. Подход НАТО к выстраиванию сотрудничества с Японией: трудности и перспективы // Японские исследования. 2023. № 3. С. 88–102. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-88-102

- Чиронов С.В.** Коннекторы с причинным значением в японском языке: опыт изучения на переводном материале // Японские исследования. 2023. No 2. С. 18–40. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-18-40
- Швыдко В.Г.** Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение? // Японские исследования. 2023. No 1. С. 80–93. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-80-93
- Шуплецова К.В.** Методология исследования мифов (*синва*) в работах историка Цуда Сокити (1873–1961) // Японские исследования. 2023. No 3. С. 76–87. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-76-87
- Юкляевских Е.С.** Открывая неизвестные страницы истории айнов. Рецензия на книгу В.В. Щепкина «Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А.В. Григорьева» // Японские исследования. 2023. No 3. С. 112–119. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-112-119

Bibliographic list of publications in “Japanese Studies in Russia” in 2023

- Bazhenova Z.M., Goriacheva E.A.** (2023). Nereshennye problemy Okinavy: k pyatidesyatiletiiy vozvrashcheniya prefektury v sostav Yaponii [Unresolved problems of Okinawa: Towards the 50th anniversary of Okinawa Prefecture’s reversion to Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2, 73–86. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-73-86
- Belozyorov V.V.** (2023). Vystavki yaponskogo detskogo risunka v SSSR: risuya Yaponiyu, pokazyvaya mir [Exhibitions of Japanese children’s drawings in the USSR: Depicting Japan, showing the world]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 1, 27–45. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-27-45
- Borkina A.Y.** (2023). Ponyat’ sebya i drugogo: metamorfoza i poisk utrachennoi identichnosti v proze Kavakami Khiromi [To understand yourself and the other: Metamorphosis and the search of the lost identity in the literary works of Kawakami Hiromi]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3, 6–16. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-6-16
- Chironov S.V.** (2023). Konnektory s prichinnym znacheniem v yaponskom yazyke: opyt izucheniya na perevodnom materiale [Causality connectives in Japanese: A translation-based study]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2, 18–40. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-18-40
- Dobrinskaya O.A.** (2023). Vzgl'yad za kulisy yaponskoi vneshnei politiki. Retsenziya na monografiyu V.V. Nelidova «Vneshnepoliticheskii protsess v poslevoennoi Yaponii» [A look behind the scenes of Japanese foreign policy. Review of the monograph by V.V. Nelidov “Foreign Policy Process in Post-War Japan”]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2, 129–132. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-129-132
- Dyakonova E.M.** (2023) Komediya polozhenii, kharakterov i nraov. Retsenziya na knigu Dzippensya Ikku. «Na svoikh dvoikh po traktu Tokaido» [An observational comic novel of manners. Review of the Russian edition of the book Footing It Along the Tōkaidō by Jippensha Ikku]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 1, 130–135. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-130-135
- Dyomina O.V., Mazitova M.G.** (2023). Rol’ Yaponii na formiruyushchemsya global’nom rynke vodoroda [Japan’s role in the emerging global hydrogen market]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 4, 65–80. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-65-80

- Elmacı H.** (2023). Underrepresentation of women in politics in Japan: Continuing the weak voice in parliament. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2, 41–56. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-41-56
- Gonchar V.V., Povolotsky V.D.** (2023). Yaponskoe zubovrachevanie i ego predstaviteli na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [Japanese dentistry and its representatives in the Russian Far East (late 19th – early 20th centuries)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2, 6–17. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-6-17
- Kistanov V.O.** (2023). Otnosheniya Yaponii s M'yanmoi: tonkaya politika ili prosto biznes? [Japan's relations with Myanmar: Subtle politics or just business?]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 4, 117–132. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-117-132
- Klimova O.V.** (2023). Perevodchiki s ainskogo yazyka na zemlyakh Edzo v XVII–XVIII vv. (po yaponskim istochnikam) [The interpreters of Ainu language in the lands of Ezo in the 17th – 18th centuries (based on Japanese archive materials)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 4, 53–64. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-53-64
- Lebedeva I.P.** (2023). Sotsial'no-ekonomicheskoe izmerenie stareniya naseleniya Yaponii [Socio-economic dimension of Japan's population ageing]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 4, 94–116. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-94-116
- Lugavtsova A.P.** (2023). Buddiiskaya kukhnya *fucha ryōri* v Yaponii: ot traditsionnoi kulinarii kitaiskikh monakhov Ōbaku-zen do nashikh dnei [The history of Buddhist cuisine *fucha ryōri*: from Ōbaku Zen monk cuisine to modern days]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2, 57–72. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-57-72
- Lugovskoy A.V., Pestushko Y.S., Savelova E.V.** (2023). Insulyarnost' kak yadro etnokul'turnoi identichnosti (na primere sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza Velikobritanii i Yaponii) [Insularity as a core of ethnocultural identity (a comparative study of Great Britain and Japan)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2023, 3, 49–62. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62
- Meshcheryakov A.N.** (2023). Prodolzhitel'nost' zhizni v Yaponii (XVII – pervaya polovina XX v.) [Life expectancy in Japan (17th – first half of the 20th centuries)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 1, 46–58. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-46-58
- Morozova V.S., Reunova V.A.** (2023). Sotsiokul'turnye osobennosti potrebitel'skogo povedeniya yaponskoi molodezhi: ot traditsionnoi paradigmy k sovremennym trendam [Sociocultural characteristics of consumer behavior among Japanese youth: From traditional paradigm to modern trends]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 4, 81–93. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-81-93
- Mozebakh V.A.** (2023). Osobennosti yaponskoi diplomaticheskoi sluzhby na sovremennom etape [Distinctive features of modern Japanese diplomatic service]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 4, 33–52. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-33-52
- Osmanov E.M.** (2023). Fenomen prirodnoi sredy obitaniya cheloveka skvoz' prizmu istorii i kul'tury: monografiya A.N.Meshcheryakova «Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniya» [The phenomenon of the human natural habitat through the prism of history and culture: monograph “Terra Nipponica: Habitat and Imagination Environment” by Alexander Meshcheryakov]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 4, 133–139. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-133-139
- Ovcharov A.O.** (2023). Finansovye krizisy i finansovoe zarazhenie v Yaponii [Financial crises and financial contagion in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 1, 59–79. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-59-79

- Paksiutov G.D.** (2023). Yaponskaya strategiya ekonomicheskoi bezopasnosti: sek'yuritizatsiya ekonomicheskogo vozvysheniya Kitaya? [Japan's economic security strategy: Securitization of China's rising economic power?]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 4, 6–17. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17
- Perminova V.A.** (2023). Kolonial'noe razvitie Taivanya glazami sovremennykh yaponskikh issledovatelei (na primere knigi T. Vatanabe «Meidziiskie yapontsy, sozdavshie sovremennyyi Taivan»). Retsenziya na: Watanabe T. The Meiji Japanese who made modern Taiwan [Colonial development of Taiwan as viewed by contemporary Japanese scholars (using the example of the book by Toshio Watanabe The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan). Review of: Watanabe T. The Meiji Japanese Who Made Modern Taiwan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3, 103–111. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-103-111
- Sakharova E.B.** (2023). Vneshnie svyazi Yaponii s Kitaem i Koreei v epokhu Muromati [Japan's relations with China and Korea in the Muromachi era]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 4, 18–32. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-18-32
- Serebryakova S.G., Osmanov E.M.** (2023). Voprosy razmeshcheniya yaponskikh plennykh v Rossii vo vremya russko-yaponskoi voiny (1904–1905 gg.) [About choosing places of stay for the Japanese prisoners of war in Russia during the Russo-Japanese War (1904–1905)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3, 63–75. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-63-75
- Shupletsova K.V.** (2023). Metodologiya issledovaniya mifov (*shinwa*) v rabotakh istorika Tsuda Sokiti (1873–1961) [The methodology of research of Japanese myths (*shinwa*) in the studies of historian Tsuda Sōkichi (1873–1961)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3, 76–87. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-76-87
- Shvydko V.G.** (2023). Pervyi god prem'erstva Kisida Fumio: konets «abenomiki» ili ee prodolzhenie? [Fumio Kishida's first year in PM office: Is Abenomics to end or stay?]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 1, 80–93. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-80-93
- Streletsov D.V., Naka K.O., Nelidov V.V., Sarkisov K.O., Dobrovolsky V.N., Lebedeva I.P., Romanova I.A.** (2023). Kruglyi stol «Tserkov' ob»edineniya v Yaponii kak sotsiokul'turnyi i politicheskii fenomen» [Roundtable “Unification Church in Japan as a Sociocultural and Political Phenomenon”]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 1, 111–129. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-111-129
- Suslov A.V.** (2023). Istoki arkhaischeskoi yaponskoi poezii: «dlinnaya pesn'» (*nagauta / chōka*) [Origins of Japanese archaic poetry: Japanese long song (*nagauta / chōka*)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3, 17–33. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-17-33
- Timonina I.L.** (2023). Problemy reformirovaniya korporativnogo upravleniya v kontekste novoi strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yaponii [The problems of reforming the entrepreneurial structure and business competitiveness in the modern strategy of socio-economic development of Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2, 105–128. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-105-128
- Toropygina M.V.** (2023). Polnoe sobranie mirovoi literatury» («Sekai bungaku dzensyu», 1927–1932) izdatel'stva «Sintesia» v kontekste istorii yaponskoi knigi [The Complete Works of World Literature (Sekai Bungaku Zenshū, 1927–1932) by Shinchōsha publishing house in the context of the history of Japanese book]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 1, 94–110. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-94-110

- Trubnikova N.N.** (2023). «Bessmertnye» i bessmertie: soedinenie buddiiskoi i daosskoi traditsii v «Sobranii starodavnikh povestei» [Immortals and immortality: Combining Buddhist and Taoist traditions in *Konjaku Monogatari-shū*]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3, 34–48. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-34-48
- Trunov Ph.O.** (2023). Podkhod NATO k vystraivaniyu sotrudnichestva s Yaponiei: trudnosti i perspektivy [NATO's approach to develop cooperation with Japan: Difficulties and prospects]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3, 88–102. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-88-102
- Yuklyaevskikh E.S.** (2023). Otkryvaya neizvestnye stranitsy istorii ainov. Retseziya na knigu V. V. Shchepkina «Ainy glazami yapontsev: neizvestnaya kollektsiya A. V. Grigor'eva» [Unknown pages of history of the Ainu. Review of the book *Ainu Through the Eyes of Japanese: An Unknown Collection* by A.V. Grigoriev by Vasily V. Shchepkin]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3, 112–119. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-112-119
- Zakharov V.V., Timofeeva T.Y.** (2023). Otkryvaya novye stranitsy istorii: doneseniya germanskikh voennykh attashe iz Yaponii v 1937–1941 gg. [Opening new pages of history: Reports of German military attachés from Japan in 1937–1941]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2, 87–104. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2023-2-87-104
- Zhilina L.V.** (2023). The changes in perceptions and attitude of Japanese and Russian students towards the neighboring country (comparison of polls from 2007, 2012, and 2021). *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 1, 6–26. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-1-6-26

Научное издание

**Японские исследования
№ 4, 2023**

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Технический редактор:	М.Е. Заболотникова

Дата публикации:	29.12.2023
------------------	------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanjournal@mail.ru

Scientific edition

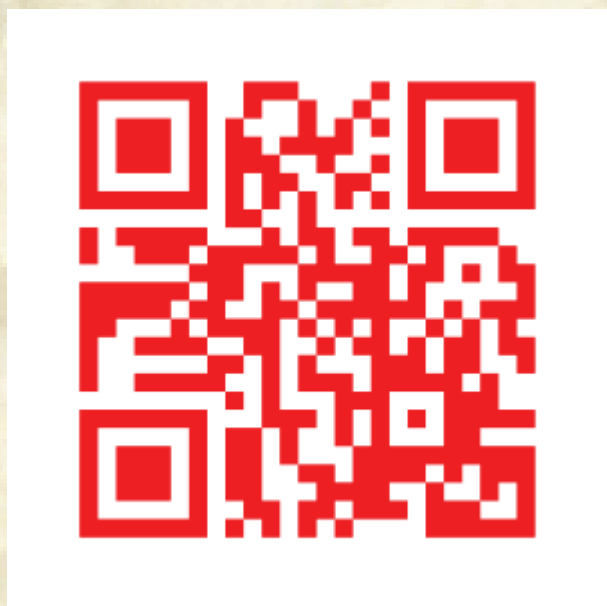
**Japanese Studies in Russia
No. 4, 2023**

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Layout:	M.E. Zabolotnikova

Date of issue:	29 December 2023
----------------	------------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日
本
研
究